

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

2019 г., том 26, № 3

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Дамешек И.Л. Современная отечественная историография об управлении Сибирью в 1822–1917 гг.	5
Головнев И.А. Образы Камчатки в творчестве Бенедикта Дыбовского	12
Николаев А.А. Историография сибирского маслодела первой трети XX в.	18
Петров С.Г. «Вообще конгресс[-]то этот больше похож на пикник, чем на ученое предприятие»: письма В.В. Адоратского о поездке на Международный конгресс историков 1928 г.	24

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Фельдман М.А. Политический марафон на выживание людей и идей, или XVI конференция ВКП(б) без ретуши и глянца	34
Корнилов Г.Е. Продовольственный кризис и голод в уральской деревне во второй половине 1936 – первой половине 1937 г.	42
Быстрова И.В. Доставка ленд-лизовских грузов в северные порты СССР (1941–1945 гг.)	50

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

Журова Л.И. О роли глосс и маргиналий в книжной культуре Московской Руси XVI в. (митрополит Даниил и Максим Грек)	59
Панич Т.В. Интеллектуальные лидеры сообщества церковных писателей второй половины XVII в.: межличностные коммуникации	66
Журавель О.Д. Старообрядцы и власть: оправдание самодержавия в риторической культуре Выга	72
Гурьянова Н.С. О формировании «канона священных текстов» у старообрядцев в XVII в.	79
Старухин Н.А. Сочинение неизвестного белокриницкого полемиста инока Августина (конец 1890-х гг.)	86
Панченко А.М. Библиотеки Офицерской артиллерийской школы (конец XIX – начало XX в.)	91
Посадсков А.Л. Издательская деятельность партий и политических движений как элемент формирования гражданского общества (по материалам Сибири и Дальнего Востока конца XX – начала XXI в.)	98

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Бураева С.В., Мурзинцева А.Е. Векторы развития Музея Бурятского научного центра в контексте музейной деятельности Российской академии наук	106
Туманик Е.Н. Состоялось Всероссийское совещание Археографической комиссии РАН	110
Бабашкин В.В., Кузнецов И.А. Два взгляда на одну книгу. Рец. на кн.: Курёнышев А.А. Сельскохозяйственная интеллигенция и власть в эпоху сталинизма. 1922–1950-е гг. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 238 с.	112
Исследователю начальных этапов индустриализации Сибири Василию Павловичу Зиновьеву – 70 лет	118

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН, профессор *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), д-р ист. наук, профессор *Е.Т. Артемов* (Екатеринбург), чл.-кор. РАН *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), академик РАН, профессор *А.П. Деревянко* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В. Дённингхаус* (Германия), д-р ист. наук *Н.З. Зайц* (Словения), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *О.Н. Катюнов* (Новосибирск), доктор *К. Мацузато* (Саппоро, Япония), академик РАН, профессор *В.И. Молодин* (Новосибирск), доктор *А. Патнаик* (Нью-Дели, Индия), чл.-кор. РАН *А.В. Сиренов* (Санкт-Петербург), д-р ист. наук, профессор *Е.Б. Сыдыков* (Астана, Республика Казахстан), д-р ист. наук, профессор *Н.А. Томилов* (Омск), доктор, профессор *С. Чаттерджи* (Калькутта, Индия), профессор *С. Чулуун* (Монголия), д-р ист. наук, профессор *М.В. Шиловский* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск), д-р философии *М. Юнге* (Германия)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *В.А. Ильиных*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреенков*

Канд. ист. наук *Д.А. Ананьев*, д-р ист. наук *И.В. Быстрова*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, канд. ист. наук *Н.А. Куперитох*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *И.В. Лизунова*, д-р ист. наук *А.Ю. Майничева*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *Н.Н. Родигина*, канд. ист. наук *В.М. Рынков* (зам. гл. редактора), канд. ист. наук *А.И. Савин*, д-р ист. наук *О.Н. Шелегина*, д-р филол. наук *Е.М. Юхименко*

Адрес редакции: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301, тел. (7-383) 330-24-31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири» признает международные принципы научной публикационной этики и заявляет об отсутствии злоупотреблений служебным положением

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *И.П. Гемужева*
Художественный редактор *Е.Н. Сентябова*

Выход в свет 30.09.19. Формат 60×84 1/8. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 500 экз. Цена свободная. Заказ № 182.

Адрес издательства и типографии:
630090 Новосибирск, Морской проспект, 2. Издательство Сибирского отделения Российской академии наук

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

2019, vol. 26, N 3

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY

Dameshek I.L. Modern Russian historiography on the governance of Siberia in 1822–1917.....	5
Golovnev I.A. Kamchatka's images in the works of researcher Benedict Dybowski	12
Nikolaev A.A. Historiography of Siberian butter industry in the first third of the XX century.....	18
Petrov S.G. "In General, this Congress is more like a picnic than a scientific enterprise": letters of V.V. Adoratsky about the trip to the International Congress of historians, 1928.....	24

NATIONAL HISTORY

Feldman M.A. Political marathon for the survival of people and ideas or XVI conference of the All-Union Communist Party of Bolsheviks without retouching and polishing.....	34
Kornilov G.E. Food crisis and famine in the Ural countryside in the late 1936 – early 1937.....	42
Bystrova I.V. Delivery of Lend lease cargoes to the USSR northern ports (1941–1945).....	50

BOOK CULTURE

Zhurova L.I. The Role of Glosses and Marginalia in the Book Culture of Muscovite Rus' of the XVI century (Metropolitan Daniel and Maximus the Greek).....	59
Panich T.V. Intellectual leaders of the community of church writers of the second half of XVII century: interpersonal communications.....	66
Zhuravel O.D. Old Believers and Power: Justifying the Autocracy in the Vyg Rhetorical Culture.....	72
Gurianova N.S. Forming the «sacred texts' canon» among the Old Believers in the XVII century.....	79
Starukhin N.A. A work of an unknown Belokrinitsky polemicist, monk Augustine (late 1890s).....	86
Panchenko A.M. Libraries of officer artillery school (the end of XIX – beginning of the XX century).....	91
Posadskov A.L. Publishing activities of parties and political movements as an element of civil society's formation (on Siberian and the Far Eastern materials of the late XX–early XXI centuries).....	98

REPORTS, SCIENTIFIC LIFE

Buraeva S.V., Murzintseva A.E. Development vectors of the Museum of Buryat Scientific Center in the context of museum activity of the Russian Academy of Sciences.....	106
Tumanik E.N. All-Russian meeting of the Archeographic Commission of RAS was held.....	110
Babashkin V.V., Kuznetsov I.A. Two views on a book. Book review: Kuryonyshev A.A. Agricultural intelligence and power in the era of Stalinism. 1922-1950s. Moscow: Political encyclopedia, 2017. 238 p.....	112
The 70th anniversary of Vasily Pavlovich Zinoviev - a researcher of the initial stages of Siberian industrialization.....	118

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC JOURNAL
“GUMANITARNYIE NAUKI V SIBIRI”
 (“HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA”)**

Published since January 1994
Publication frequency: 4 issues per year

**Founders: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**

EDITORIAL COUNCIL

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *V.A. Lamin* (Chairman of the Board, Novosibirsk), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.V. Alekseyev* (Yekaterinburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye.T. Artyomov* (Yekaterinburg), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *B.V. Bazarov* (Ulan-Ude), Professor *S. Chuluun* (Mongolia), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *A.P. Derevyanko* (Novosibirsk), Doctor, Professor *V. Döninghaus* (Germany), Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Doctor *M. Junge* (Germany), Professor *O.N. Kationov* (Novosibirsk), Doctor, Professor *K. Matsuzato* (Sapporo, Japan), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.I. Molodin* (Novosibirsk), Doctor, Professor *A. Patnaik* (New Dehli, India), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *A.V. Sirenov* (St. Petersburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye. B. Sydykov* (Astana, Republic of Kazakhstan), Doctor of historical Sciences, Professor *N.A. Tomilov* (Omsk), Doctor *S. Chatterjee* (Kolkata, India), Doctor of historical Sciences, Professor *M.V. Shilovskiy* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Shishkin* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences *A.Kh. Elert* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences *N.Z. Zajc* (Slovenia)

EDITORIAL BOARD

Chief editor – Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh*
Executive secretary – Candidate of historical Sciences *S.N. Andreenkov*

Candidate of historical Sciences *D.A. Ananyev*, Doctor of historical Sciences *I.V. Bystrova*, Doctor of historical Sciences, Professor *N.S. Guryanova* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Zverev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Isaev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Isupov*, Candidate of historical Sciences *N.A. Kupershtokh*, Doctor of historical Sciences *L.V. Kuras*, Doctor of historical Sciences *I.V. Lizunova*, Doctor of historical Sciences *A.Yu. Maynicheva*, Doctor of historical Sciences *N.P. Mathanova*, Doctor of historical Sciences *S.P. Nesterov*, Doctor of historical Sciences *N.N. Rodigina*, Candidate of historical Sciences *V.M. Rynkov* (deputy chief editor), Candidate of historical Sciences *A.I. Savin*, Doctor of historical Sciences *O.N. Shelegina*, Doctor of philological Sciences *Ye.M. Yukhimenko*

E d i t o r i a l a d d r e s s: Institute of History, SB RAS, office 301, 8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090 Russia
tel. 7-383-330-24-31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Editorial staff manager: Vera I. Smirnova

The Journal is registered by the Ministry of Press and Information of Russian Federation on June 17, 1993, N 0110807

The editorial staff of the Journal “Humanitarian Sciences in Siberia” is committed to the international ethical guidelines for scientific publications and declares that it does not abuse its power.

The Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
2 Morskoy Pr., Novosibirsk, 630090 Russia

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

DOI: 10.15372/HSS20190301
УДК 930.1(571.1/.5)"1822/1917"

И.Л. ДАМЕШЕК

СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБ УПРАВЛЕНИИ СИБИРЬЮ В 1822–1917 гг.

Иркутский государственный университет,
РФ, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1

В статье дается очерк современного состояния сибирской историографии по таким исследовательским проблемам, как имперские институты в Сибири (в том числе особые комитеты, генерал-губернаторы, губернаторы), административное управление окраиной, управление инородцами, имперский регионализм в Сибири. Показано, что актуализация имперской проблематики в начале XXI в. обусловлена изменением принципов взаимоотношений между Центром и регионами. В работах, вышедших уже в XXI в., акценты смещены от центра к периферии, а проблемы управления империей рассматриваются с учетом социально-экономических процессов у народов, населявших окраины и подвергшихся активной интеграции в единое имперское административное пространство.

Отмечено, что многие современные исследователи, положительно оценивая разнообразие моделей имперского центра по управлению окраинными регионами, именно в регионализме видят причину устойчивости империи в прошлом и залог процветания России в будущем.

Ключевые слова: империя, Сибирь, историография, окраины, управление, Сибирские комитеты, губернаторы, генерал-губернаторы, управление инородцами, имперский регионализм.

I.L. DAMESHEK

MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY ON THE GOVERNANCE OF SIBERIA IN 1822–1917

Irkutsk State University,
1 Karl Marx str., Irkutsk, 664003, Russian Federation

The imperial governance system as a historical and legal problem has not lost its relevance for more than a century. The imperial problematics' actualization at the early XXI century is determined by changes in the principles of relations between the center and regions. The researchers have moved away from the Lenin's definition of periphery, and replaced it by the concept of "frontier". In the modern historical science, the theory of "frontier" is widely used to study a vast array of problems in the history of foreign policy ("new frontier" factor), urban history etc. Two last decades in the Siberian historiography were marked by intensifying research interest in the special administrative bodies of the eastern regions in the XIX century – the First and the Second Siberian Committees, as well as the Siberian Railway Committee. Two main political institutions of the imperial Russia were investigated in details – the institution of Governor-Generals and the institution of Governors. The Russian Empire was an administrative space with complex structure from the governance viewpoint. The imperial regionalism is the subject of modern Siberian historians' research. The focus shifted from the center to periphery in works published in the XXI century; the problems of ruling the Empire are viewed through the prism of the peoples inhabiting its margins, and influenced by the active integration into a single imperial administrative space. Each ethnic group inhabiting the empire had its own specific mentality largely determined by its relationship with the government. The issue of stability of the empire's physical structure was

Ирина Львовна Дамешек – д-р ист. наук, профессор, Иркутский государственный университет, e-mail: dameshek@rambler.ru.
Irina L. Dameshek – Doctor of Historical Sciences, Professor, Irkutsk State University.

related to the administrative system's formation and evolution, which attracted the attention of modern historians. Recent scientific works are free from ideological clichés, which promotes active international cooperation among historians within the framework of joint projects. Appreciating the diversity of the imperial center's models of the marginal regions' management, many modern researchers see regionalism as a driver of the empire's stability in the past and the guarantee of Russia's prosperity in the future.

Key words: empire, Siberia, historiography, margins, governance, Siberian Committees, governors, governor-generals, management of aliens, imperial regionalism.

В постсоветской историографии Сибири 1990–2010-х гг. важное место занимают проблемы окраинной политики империи: взаимоотношения центра и периферии, русского и иных этносов в рамках единого государства и единой политической системы, особенностей имперского управления и административной конфигурации региона. На территории Российской империи исторически сложилось несколько типов управления окраинами. Именно поэтому изучение как концептуальных, так и частных вопросов требует регионального измерения.

Обширность и многоаспектность современной историографии управления Сибирью вынуждает ограничиться в основном такими вопросами, как имперский регионализм, особые комитеты, генерал-губернаторская власть, управление инородцами. Исследования, посвященные специальным структурам и сторонам управления окраиной – хозяйственной, церковной, военной, жандармской и полицейской, а также городскому, уездному, волостному и сельскому уровням управления – не рассматриваются.

Основной целью региональной имперской политики была инкорпорация окраин. Осуществлялась она разными методами и способами. Региональные особенности управления отдельными, весьма разнообразными территориями огромного государства, выработывались правительством по мере вхождения этих территорий в состав России и упрочения власти и авторитета центрального правительства. Это обстоятельство породило в политике, осуществляемой центральными властями, проявление имперского регионализма. Следует отметить, что общими чертами имперского регионализма по отношению ко всем окраинам были учет региональной (в том числе этнической и конфессиональной) специфики территории и опора на местную (национальную) элиту.

Усложнение задач государства толкало правительство не только к унификации, но и поиску оптимальной модели взаимоотношения с окраинами, созданию универсальной системы управления. Сложность этой задачи, обусловленная различными геополитическими, международными и иными факторами, требовала поливариантности управления и административного устройства окраин империи. В конечном итоге это обеспечивало присутствие в политике элементов имперского регионализма и, как следствие, стабильность империи.

В постсоветский период в связи с изменением принципов взаимоотношений между центром и регионами возрос интерес к проблемам федерализма и регионализма. В теоретическом плане обращает на

себя внимание отказ в самом начале 2000-х гг. от оперирования понятиями «центр – периферия». Историки отошли от ленинского определения окраин, на смену которому пришло понятие «фронт». Концепция определяющего влияния фактора границы, рубежа появилась к концу XIX в. в США. Исследователи вкладывают в эту дефиницию различное содержание, трактуя подчас как границу между заселенными и незаселенными территориями, «место встречи дикости и цивилизации». Первым примером такого рода исследований стали публикации Д.Я. Резуна [1; 2]. В современной исторической науке теория «фронта» широко используется для изучения широкого круга проблем по истории внешней политики (фактор «новых рубежей») ¹ [2; 3; 4].

Геополитические интересы постоянно вели Россию на Восток. Империя, растянувшаяся к середине XIX в. по всему азиатскому континенту, постепенно начинала обретать свою идентичность, отличавшую ее от любой другой европейской империи. «Сибирский вопрос» в Российской империи был в значительной мере лишь частным случаем окраинной политики, принципы и методы которой во многом зависели от господствовавших в то или иное время взглядов на природу взаимоотношений центра и регионов.

Реальное содержание региональной политики определялось сложным сочетанием не только ведомственных и территориальных интересов, но и соотношением сил «централистов» и «регионалистов» в центральном и местном аппаратах управления. Заметное влияние на региональную политику оказывали западные теоретические конструкции и опыт управления. Самодержавие постоянно находилось перед выбором: ввести общегосударственную систему управления или предоставить регионам некоторую административную автономию. Признание их особого статуса вело к законодательному закреплению их отдельности. Именно поэтому история Российской империи неизбежно требует не только национального, но и регионального измерения. Отдельные регионы в силу их специфики (времени вхождения в состав империи, географических и природно-климатических особенностей, различной удаленности от имперского центра, этнического и конфессионального состава населения, уровня социально-экономического развития, влияния внешнеполитического окружения) представляли разные варианты протекания имперских процес-

¹ Ремнев А.В. Имперское управление азиатскими регионами России в XIX – начале XX веков. Некоторые итоги и перспективы изучения. URL: <http://www.zaimka.ru> (дата обращения: 03.05.2019).

сов. С управленческой точки зрения Российская империя была сложно организованным государственным пространством. Имперский регионализм является предметом пристального исследования современных сибирских историков.

Существенный вклад в изучение имперской политики в Сибири и империологии в целом внес А.В. Ремнев. На основе накопленного и тщательно проанализированного материала по истории восточных окраин империи А.В. Ремнев предложил свой подход к изучению имперской проблематики. Общественно-политическая жизнь Сибири того периода рисуется автором на фоне общероссийских событий, что придает исследованиям особое значение. Ему удалось показать противоречия и сложности в положении генерал-губернаторской власти на востоке России, роль высшего надзора за местным административным аппаратом и способы его осуществления. Монографии А.В. Ремнева, несомненно, являются значительным вкладом в историографию проблемы политики самоуправления за Уралом [5; 6; 7; 8].

В последние два десятилетия в историографии Сибири наметилась активизация исследовательского интереса к особым органам управления восточной окраиной. На основе изучения законодательных, нормативных и делопроизводственных источников рассматривается история создания особых органов управления сибирскими окраинами империи, анализируются причины их появления, персональный состав, программы и основные направления деятельности [9; 10].

Комплексное исследование данной проблемы в рамках имперского периода предпринял А.В. Комаров, который проанализировал специфическую деятельность Первого (1821–1838) и Второго (1852–1864) Сибирских комитетов, Комитета Сибирской железной дороги [11; 12].

В статьях некоторых авторов деятельность Первого Сибирского комитета рассматривается во взаимосвязи с реализацией реформ М.М. Сперанского в Сибири [13], а следующий этап сибирского реформизма связывается с именем генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского и деятельностью Второго Сибирского комитета [14]. Роль Второго Сибирского комитета в осуществлении имперской политики исследуется в фундаментальной монографии В.А. Волчека [15]. Солидный архивный материал, собранный автором, позволил ему детально проанализировать историю создания комитета, формирования программы и его деятельность. В статье А.В. Блинова представлено участие обоих Сибирских комитетов в разработке системы управления образованием на территории Западной Сибири [16]. Программные документы Второго Сибирского комитета по развитию системы образования в Азиатской России, мнения региональных властей по вопросам развития системы образования на окраине анализируются в совместной статье исследователей Забайкальского и Иркутского государственного университетов [17].

Мероприятия Комитета Сибирской железной дороги (КСЖД) по естественнонаучному изучению Сибири в конце XIX – начале XX в. изучены С.К. Канном. Он справедливо отмечает, что научно-прикладные исследования Комитета Сибирской железной дороги открыли путь для превращения отечественной науки в самостоятельную производительную силу и важный фактор освоения Сибири [18; 19; 20]. Важнейшими задачами КСЖД были проведение мероприятий, направленных на развитие школьной сети в губерниях Азиатской России, решение вопросов создания и функционирования Главного школьного комитета, обесценивания школ учительскими кадрами, особенностей подбора кадров заработной платы учителей, анализ программы школьного образования и правил поведения учащихся [21].

В последние годы заметно увеличилось число исследований по проблемам местного управления дореволюционной России. Изучение вопросов организации местного управления и взаимодействия губернских органов с центральной властью продвинулось благодаря публикациям П.И. Гаркуши и Ф.Т. Тухтаметова [22; 23] и др. Их работы позволяют более четко позиционировать российского губернатора – «хозяина губернии» – в системе местного управления, определить его правовой статус, проследить процесс генезиса правовых аспектов губернского управления на разных этапах развития государства, выяснить систему взаимоотношений губернатора с центральными ведомствами, которая во многом зависела от его личных качеств, наличия неформальных связей в российской столичной и местной политической элитах.

Реформа местного управления, проводимая сегодня в России, обусловила возрастание интереса к истории губернаторской власти, к локальной (региональной) истории. Региональная (или национальная) история стала одним из важных факторов формирующейся региональной политики. Власти сибирских и дальневосточных городов, областей и краев, национально-территориальных образований разного уровня также проявляют повышенный интерес к местной истории. Многие субъекты Российской Федерации стремятся сегодня создать собственную историю и выстроить галерею своих предшественников [24; 25; 26; 27; 28; 29].

В последние годы вышли в свет крупные работы, посвященные институту генерал-губернаторов Российской империи. В монографии Л.М. Лысенко [30] проведено комплексное исследование институтов губернатора и генерал-губернатора в системе государственной власти Российской империи на различных этапах ее 200-летнего существования. Исследователь рассматривает модель административно-политического управления окраинами на разных этапах (на стадиях вхождения, пребывания и выхода окраин из состава империи) через призму института генерал-губернатора. В результате она приходит к выводу о том, что конечной целью процесса присоединения окраин с помощью института генерал-губернатора были скорее

геополитические соображения, чем экономические, а также колониальная эксплуатация. Помимо позиционирования генерал-губернатора и губернатора в системе иерархии власти, как важнейшего инструмента становления и развития Российской империи, инкорпорации окраин в состав единого государства, в книге собран, унифицирован и проанализирован банк данных более чем на 2000 губернаторов и 200 генерал-губернаторов. Во второй половине XIX в. генерал-губернатор все больше превращается из инстанции (пусть и чрезвычайной) местного управления в фигуру политическую, основная цель деятельности которой заключается в поддержании и укреплении целостности империи. Это заметно уже и в том, что генерал-губернаторская власть, как правило, сохраняется на окраинах или в тех регионах, где политические обстоятельства требуют местной централизации управленческих усилий.

Отличительной чертой коллективного труда «Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи» является солидная источниковая база, состоящая преимущественно из архивных материалов и нормативных актов. Это позволило авторам провести исследование эволюции института генерал-губернаторства на протяжении XVIII – начала XX в. Во втором томе издания представлены основные документы, отражающие развитие этого института. Полезными сведениями являются приложения с биографическим справками о генерал-губернаторах Российской империи [31; 32].

Высшая сибирская бюрократия середины XIX столетия является предметом исследований Н.П. Матхановой [33; 34; 35]. Оригинальность ее подхода заключается, прежде всего, в оценке имперской политики на окраине через призму личности сибирских генерал-губернаторов. Выработанная автором методология исследования, подход к рассмотрению сибирских сюжетов во взаимосвязи с российскими, использованные методы и приемы компаративистики, принципы и критерии стратификации материала вполне могут быть применяемы и к исследованиям аналогичных тем в других регионах империи. Кадровый состав корпуса высшей администрации Восточной Сибири автор анализирует на основе формальных (чин и должность) и неформальных (реальный объем властных полномочий) критериев. На основе этого Н.П. Матханова впервые в отечественном сибиреведении сумела доказательно определить круг лиц, относящихся как к формальной, так и к неформальной элите сибирского общества, и дать их характеристики.

В большинстве имеющихся на сегодняшний день работ по сибирской и дальневосточной региональной управленческой тематике основной акцент сделан на изучении структуры государственной власти, а не собственно административной политики². Между тем

российская модель управления окраинами формировалась и развивалась параллельно с процессом складывания территории государства. Анализ собственно административной политики царизма по отношению к азиатским окраинам представлен в исследованиях И.Л. Дамешек [36; 37; 38; 39]. Автор занимается изучением имперского регионализма, органов власти и управления, правительственной окраинной политики, личностей сибирских генерал-губернаторов. В первой половине XIX в. правительство не смогло выработать универсальную модель управления окраинами. Политика унификации наталкивалась на неприятие и явную оппозицию противников такого подхода. Дальнейшая модернизация системы управления окраинами была продолжена уже в пореформенную эпоху. Начало 1880-х гг. охарактеризовалось изменением имперских подходов к управлению всеми российскими окраинами. В отличие от первой половины XIX в., когда в основе окраинной политики лежали принципы регионализма, со второй половины столетия в основе имперских подходов к управлению окраинами преобладающим стал более жесткий централизм, подразумевающий унификацию и стандартизацию форм управления и государственно-административной структуры.

XIX столетие завершило целую эпоху инкорпорации нерусских народов в Российское государство, превратившееся (в первую очередь благодаря колоссальным масштабам) в суперимперию. Расовые и этнические особенности этносов не помешали вовлечению их разноукладных социальных организмов в новую общность, сложившуюся в результате добровольных, вынужденных и/или насильственных присоединений. Многочисленные микросоциумы интегрировались в некую универсальную систему – в данном случае в имперскую структуру.

Уникальность России заключалась не только в территориальной необъятности или многообразии природных и климатических зон, но прежде всего в этническом и конфессиональном многообразии входящих в империю народов. Каким образом происходила интеграция окраинных этносов в империю, как развивался процесс их адаптации и в какой мере влиял на этот процесс, в частности, конфессиональный фактор? Нетрудно предположить, что народам, исповедовавшим православие, удавалось войти в империю значительно проще, нежели носителям иных вероисповеданий, острее ощущавших свою чужеродность в православном государстве. Каждому из населявших империю этносов была присуща своя особая ментальность, во многом определявшая взаимоотношения с государством, влиявшая на место того или иного народа в системе имперских координат. Устойчивость конструкции империи, обеспечившая значительную (в масштабах мировой истории) продолжительность ее существования, взаимосвязана с устройством и эволюцией административной системы, исследованию которой современные историки уделяют пристальное внимание.

² Ремнев А.В. Имперское управление азиатскими регионами России в XIX – начале XX веков.

Политика имперских властей в отношении коренных народов Сибири представлена в работах Л.М. Дамешека [40; 41; 42; 43; 44; 45], его учеников и коллег [46; 47; 48]. Л.М. Дамешек является признанным специалистом по проблемам имперского регионализма и региональной политики, а также инкорпорации «инородцев» в имперские институты власти [49; 50]. По оценке академика РАН Б.В. Базарова, «выработка категориально-понятийного аппарата, прочно вошедшего в научный обиход», позволила ученому «выявить смысл событий и явлений и определить их значение» [49, с. 94].

Завершая анализ основных публикаций по интересующей нас тематике, следует сделать вывод о том, что имперский регионализм по-прежнему остается одной из наиболее актуальных исследовательских проблем. Современные исследователи имперской политики и империи (не только историки, но и политологи, социологи, философы и др.) на протяжении фактически четверти века пытаются осмыслить империю как феномен российской государственности. В работах, вышедших в XXI в., акценты смещаются от центра к периферии, а проблемы управления империей рассматриваются через призму народов, населявших окраины и подвергшихся активной интеграции в единое имперское административное пространство. Работы последних лет свободны от идеологических штампов, что способствует активному международному сотрудничеству историков в рамках совместных проектов. Положительно оценивая разнообразие моделей имперского центра по управлению окраинными регионами, многие современные исследователи именно в регионализме видят причину устойчивости империи в прошлом и залог процветания России в будущем. В появившихся в последние два десятилетия в перспективных исследованиях по имперской проблематике одно из важных мест занимает изучение имперской идеологии и практики. Очевидно, что история России как империи будет актуальна для исследователей еще длительное время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Резун Д.Я. Люди на сибирском фронтире в XVII–XIX вв. // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв.: сб. материалов конф. / под ред. В.А. Ламина. Новосибирск, 2003. С. 15–25.
2. Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С., Шиловский М.В. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001. 113 с.
3. Рахимов Р.Н. Оренбургская и сибирские пограничные линии в XVIII – первой половине XIX в. как юго-восточный и восточный фронтиры России // Вестн. Тамб. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 10 (126). С. 103–109.
4. Соболева Т.Н. Современная российская историография концепции фронтира // Известия Алт. гос. ун-та. 2011. № 4-1 (72). С. 189–193.
5. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX века. Омск, 1995. 237 с.
6. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск, 1997. 253 с.
7. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004. 552 с.
8. Ремнев А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков. Омск, 2015. 580 с.
9. Дамешек И.Л. Особые комитеты как органы управления окраинами империи // Россия и Восток: взгляд из Сибири. Иркутск, 2004. С. 226–232.
10. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Азиатская Россия в имперских устремлениях Особых Комитетов империи во второй половине XIX – начале XX в. // Вестн. Бур. науч. центра СО РАН. 2014. № 4(16). С. 201–210.
11. Комаров А.В. Сибирский приказ и I Сибирский комитет как органы правительственного надзора в Азиатской России (XVII – первая половина XIX в.) // Россия и Восток: взгляд из Сибири. Иркутск, 2004. С. 220–226.
12. Комаров А.В. Особые органы центрального управления Сибирью в XVII – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2004. 22с.
13. Дамешек Л.М., Сосновский И.З. Реформа сибирского управления М.М. Сперанского и Первый Сибирский комитет // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2008. С. 306–309.
14. Сосновский И.З. Реформизм Н.Н. Муравьева и Второй Сибирский комитет // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2008. С. 491–494.
15. Волчек В.А. Осуществление имперской политики на восточных окраинах России в деятельности Второго Сибирского комитета. Новосибирск, 2006. 420 с.
16. Блинов А.В. Реформы в области управления образованием на территории Западной Сибири в деятельности Сибирских комитетов // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2009. № 12 (90). С. 105–107.
17. Мамкина И.Н., Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Программы развития системы образования в Азиатской России в материалах Второго Сибирского комитета // Вестн. Том. гос. ун-та. 2017. № 414. С. 92–97.
18. Канн С.К. Комитет Сибирской железной дороги (1892–1905) как орган управления национальным проектом // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 3. С. 129–131.
19. Канн С.К. Деятельность Комитета Сибирской железной дороги по естественнонаучному изучению Сибири в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2011. 21 с.
20. Канн С.К. Мероприятия Комитета Сибирской железной дороги по привлечению квалифицированных кадров // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2013. С. 125–134.
21. Мамкина И.Н., Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Программа развития школьной сети Азиатской России в проектах Комитета Сибирской железной дороги // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24, № 1. С. 45–49.
22. Гаркуша П.И. Правовой статус института губернаторства в России. Ростов-н/Д, 2004. 204 с.
23. Тухтаматов Ф.Т. Институт губернатора России: сравнительно-исторический очерк. Уфа, 2004. 93 с.
24. Туров С.В. Сибирские и Тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. Тюмень, 2000. 576 с.
25. Выдающиеся губернаторы Тобольские и Сибирские. Тюмень, 2000. 486 с.
26. Иркутский край. Четыре века: История Иркутской губернии (области) XVII–XXI вв. / А.В. Гимельштейн, Л.М. Дамешек, И.Л. Дамешек, Ю.А. Зуляр, С.И. Кузнецов и др. Иркутск, 2012. 880 с.
27. История Бурятии: в 3 т. / отв. ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ, 2011. Т. 1. 337 с.
28. История Бурятии: в 3 т. / отв. ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ, 2011. Т. 2. 630 с.
29. История Бурятии: в 3 т. / отв. ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ, 2011. Т. 3. 473 с.
30. Лысенко Л.М. Генерал-губернаторы и губернаторы Российской империи XVIII – XIX вв. М., 2000. 358 с.
31. Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи: в 2-х т. / под ред. В.В. Черкесова. СПб., 2001. Т. 1. 456 с.

32. Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи: в 2-х т. / под ред. В.В. Черкесова. СПб., 2001. Т. 2. 452 с.
33. *Матханова Н.П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск, 1998. 428 с.
34. *Матханова Н.П.* Высшая сибирская администрация Восточной Сибири в середине XIX века: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002. 255 с.
35. *Матханова Н.П.* Деятельность генерал-губернаторов Восточной Сибири: закон и практика // Изв. Ирк. гос. ун-та. Серия: История. Иркутск, 2016. № 15. С. 22–30.
36. *Дамешек И.Л.* Сибирь в системе имперского регионализма (Компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск, 2002. 208 с.
37. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX вв.). Иркутск, 2005. 246 с.
38. *Дамешек И.Л., Архипова А.И.* Компетенция власти в имперском пространстве на северо-востоке России: генерал-губернатор, губернатор, вице-губернатор и проблемы взаимодействия // Изв. Ирк. гос. ун-та. Серия: История. 2017. Т. 22. С. 23–31.
39. *Дамешек Л.М., Дамешек И.Л.* Российские окраины в имперской модели управления XIX в. // Вестн. Том. гос. ун-та. 2018. № 433. С. 59–63.
40. *Дамешек Л.М.* Избранное: в 3 т. Иркутск, 2018. Серия: Россия Азиатская. Иркутск, 2018. Т. 1: Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.). 456 с.
41. *Дамешек Л.М., Дамешек И.Л.* Ясак в Сибири в XVIII – начале XX века. Иркутск, 2014. 303 с.
42. *Дамешек Л.М., Дамешек И.Л.* Закон 1898 г. о крестьянских и «инородческих» начальниках Сибири: обсуждение и разработка // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, № 1. С. 58–63.
43. *Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Перцева Т.А.* Сибирские реформы М.М. Сперанского 1822 г.: опыт административного регулирования интересов центра и региона. Иркутск, 2017. 339 с.
44. *Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В.* История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. Иркутск, 2013. 503 с.
45. *Дамешек Л.М., Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В.* Местное самоуправление бурят Сибири в XIX – начале XX века: от степных дум к волостным правлениям // Изв. Ирк. гос. ун-та. Серия: История. 2018. Т. 23. С. 22–35.
46. *Андреев Ч.Г.* Образ жизни коренных народов Восточной Сибири (бурят, хакасов, якутов) во второй половине XIX – начале XX вв. (60-е гг. XIX в. – октябрь 1917 г.): Историческое исследование: дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2001. 469 с.
47. *Мунханов В.А.* Организация управления народами Сибири Юго-Восточной Сибири в имперский период (1721–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2010. 238 с.
48. *Перевалова Е.В.* Родовые канцелярии самоедских старшин (из практики управления туземным населением Северо-Западной Сибири в XIX в.) // Урал. ист. вестник. 2011. № 3 (32). С. 84–88.
49. *Базаров Б.В., Курас Л.В.* Сибирский регионализм как фактор устойчивости Российской империи в трудах профессора Л. М. Дамешака (к 70-летию доктора исторических наук, профессора Дамешака Льва Михайловича) // Изв. Ирк. гос. ун-та. Серия: История. 2018. Т. 24. С. 93–107.
50. *Курас Л.В.* Сибирь в империи – империя в Сибири: имперские процессы на окраинах России в XVII – начале XX в. (историография проблемы в трудах профессора Л. М. Дамешака) // Сибирь в империи – империя в Сибири: имперские процессы на окраинах России в XVII – начале XX в. Иркутск, 2013. С. 14–30.
2. *Rezun D.Ya., Lamin V.A., Mamsik T.S., Shilovskiy M.V.* The frontier in the history of Siberia and North America of the XVII–XX centuries: common and special. Novosibirsk, 2001, 113 p. (In Russ.)
3. *Rakhimov R.N.* The Orenburg and Siberian border lines in the XVII - early XIX centuries as southeastern and eastern frontiers of Russia. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2013, no. 10, pp. 103–109. (In Russ.)
4. *Soboleva T.N.* The modern Russian historiography of the frontier concept. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, no. 4-1, pp. 189–193. (In Russ.)
5. *Remnev A.V.* Autocracy and Siberia. The administrative policy in the first half of the XIX century. Omsk, 1995, 237 p. (In Russ.)
6. *Remnev A.V.* Autocracy and Siberia. Administrative policy in the second half of XIX – early XX centuries. Omsk, 1997, 253 p. (In Russ.)
7. *Remnev A.V.* The Russian Far East. The imperial geography of power in the XIX – early XX centuries. Omsk, 2004, 552 p. (In Russ.)
8. *Remnev A.V.* The imperial geography of power in the XIX – early XX centuries. Omsk, 2015, 580 p. (In Russ.)
9. *Dameshek I.L.* Special committees as governing authorities of the empire outskirts. *Rossiya i Vostok: vzglyad iz Sibiri*. Irkutsk, 2004, pp. 226–232. (In Russ.)
10. *Dameshek L.M., Dameshek I.L.* Asian Russia in the imperial aspirations of the Empire's Special Committees in the second half of the XIX – early XX century. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoy akademii nauk*, 2014, no. 4, pp. 201–210. (In Russ.)
11. *Komarov A.V.* The Siberian order and the First Siberian Committee as government oversight authorities in Asian Russia (XVII – the first half of the XIX century). *Rossiya i Vostok: vzglyad iz Sibiri*. Irkutsk, 2004, pp. 220–226. (In Russ.)
12. *Komarov A.V.* Special authorities of the central administration of Siberia in the XVII – early XX centuries: diss. abstr. Irkutsk, 2004, 22 p. (In Russ.)
13. *Dameshek L.M., Sosnovskiy I.Z.* The Siberian governance reform by M. M. Speransky and the First Siberian Committee. *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik*. Irkutsk, 2008, pp. 306–309. (In Russ.)
14. *Sosnovskiy I.Z.* Reformism by N. N. Muravyov and the Second Siberian Committee. *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik*. Irkutsk, 2008, pp. 491–494. (In Russ.)
15. *Volchek V.A.* Implementing the imperial policy in the eastern outskirts of Russia within the Second Siberian Committee activities. Novosibirsk, 2006, 420 p. (In Russ.)
16. *Blynov A.V.* Educational management reforms in West Siberian region in the Siberian Committees activities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2009, no. 12, pp. 105–107. (In Russ.)
17. *Mamkina I.N., Dameshek L.M., Dameshek I.L.* Asian Russia educational development programs in the materials of the Second Siberian Committee. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no. 414, pp. 92–97. (In Russ.)
18. *Kann S.K.* The Siberian Railway Committee (1892–1905) as a management authority of the national project. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2008, no. 3, pp. 129–131. (In Russ.)
19. *Kann S.K.* The activities of the Siberian Railway Committee for the Natural Science Study of Siberia in the late XIX – early XX centuries: diss. abstr. Novosibirsk, 2011, 21 p. (In Russ.)
20. *Kann S.K.* The activities of the Siberian Railway Committee for attracting qualified specialists. *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik*. Irkutsk, 2013, pp. 125–134. (In Russ.)
21. *Mamkina I.N., Dameshek L.M., Dameshek I.L.* School system's development program in Asian Russia in the projects of the Siberian Railway Committee. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2017, vol. 24, no. 1, pp. 45–49. (In Russ.)
22. *Garkusha P.I.* The legal status of the institution of governorate in Russia. Rostov-on-Don, 2004, 204 p. (In Russ.)

REFERENCES

1. *Rezun D.Ya.* People at the Siberian frontier in the XVII–XIX centuries. *Sibirskoe obshchestvo v kontekste modernizatsii XVIII–XX vv.* Novosibirsk, 2003, pp. 15–25. (In Russ.)

23. *Tukhtametov F.T.* The legal institute of the Russian Governor: a comparative historical essay. Ufa, 2004, 93 p. (In Russ.)
24. *Turov S.V.* Siberian and Tobolsk governors: historical portraits, documents. Tyumen, 2000, 576 p. (In Russ.)
25. *Tobolsk and Siberian outstanding governors.* Tyumen, 2000, 486 p. (In Russian)
26. *Dameshek L.M. (ed.); Gimelstein A.V., Lameszek L.M., Lameszek I.L. et al.* Irkutsk region. Four centuries: history of the Irkutsk province (region) during the XVII–XXI centuries. Irkutsk, 2012, 880 p. (In Russ.)
27. *Bazarov B.V. (ed.)* The history of Buryatia. Ulan-Ude, 2011, vol. 1, 337 p. (In Russ.)
28. *Bazarov B.V. (ed.)* The history of Buryatia. Ulan-Ude, 2011, vol. 2, 630 p. (In Russ.)
29. *Bazarov B.V. (ed.)* The history of Buryatia. Ulan-Ude, 2011, vol. 3, 473 p. (In Russ.)
30. *Lysenko L.M.* Governor-generals and governors of the Russian Empire during the XVIII–XIX centuries. Moscow, 2000, 358 p. (In Russ.)
31. *Cherkesov V.V. (ed.)* The Institute of General-Governorate and Viceroyalty in the Russian Empire. Saint Petersburg, 2001, vol. 1, 456 p. (In Russ.)
32. *Cherkesov V.V. (ed.)* The Institute of General-Governorate and Viceroyalty in the Russian Empire. Saint Petersburg, 2001, vol. 2, 452 p. (In Russ.)
33. *Matkhanova N.P.* Governor-generals of East Siberia in the mid XIX century: V.Ya. Rupert, N.N. Murav'yov-Amursky, M.S. Korsakov. Novosibirsk, 1998, 428 p. (In Russ.)
34. *Matkhanova N.P.* The highest Siberian administration of East Siberia in the mid XIX century: problems of social stratification. Novosibirsk, 2002, 255 p. (In Russ.)
35. *Matkhanova N.P.* Governor Generals' activities in East Siberia: law and practice. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya*, 2016, no. 15, pp. 22–30. (In Russ.)
36. *Dameshek I.L.* Siberia in the imperial regionalism system (comparative study of Russia's regional policy in the first half of the XIX century). Irkutsk, 2002, 208 p. (In Russ.)
37. *Dameshek I.L.* Russian outskirts in the imperial strategy of power (the early XIX – early XX centuries). Irkutsk, 2005, 264 p. (In Russ.)
38. *Dameshek I.L., Arkhipova A.I.* The authority competence in the imperial space in the Northeast Russia: Governor-General, Governor, Vice Governor and interaction problems. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya*, 2017, vol. 22, pp. 23–31. (In Russ.)
39. *Dameshek L.M., Dameshek I.L.* Russian outskirts in the imperial governance model during the XIX century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, no. 433, pp. 59–63. (In Russ.)
40. *Dameshek L.M.* *Selected works.* Irkutsk, 2018, vol. 1, 456 p. (In Russ.)
41. *Dameshek L.M., Dameshek I.L.* Yasak in Siberia in the XVIII and early XX centuries. Irkutsk, 2014, 303 p. (In Russ.)
42. *Dameshek L.M., Dameshek I.L.* The law of 1898. On peasant and “inorodtsy” leaders of Siberia: discussion and development. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2016, vol. 23, no. 1, pp. 58–63. (In Russ.)
43. *Dameshek L.M., Dameshek I.L., Pertzeva T.A.* Siberian reforms by M.M. Speransky of 1822: the experience of administrative regulation of the central and regional interests. Irkutsk, 2017, 339 p. (In Russ.)
44. *Dameshek L.M., Zhalsanova B.C., Kuras L.V.* History of the local Buryat self-government authorities in the XIX – early XX centuries. Irkutsk, 2013, 503 p. (In Russ.)
45. *Dameshek L.M., Zhalsanova B.C., Kuras L.V.* Local Buryat self-governance in the XIX – early XX centuries: from the steppe dumas to the rural municipalities. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya*, 2018, vol. 23, pp. 22–35. (In Russ.)
46. *Andreev Ch.G.* The lifestyle of the indigenous people of East Siberia (Buryats, Khakasses, Yakuts) in the second half of the XIX – early XX century (1860s – October 1917): historical research: dissertation. Ulan-Ude, 2001, 469 p. (In Russ.)
47. *Munkhanov V.A.* Governance organization of Southeast Siberian people during the imperial period (1721–1917): dissertation. Irkutsk, 2010, 238 p. (In Russ.)
48. *Perevalova E.V.* Tribal chancellery of Samoyed elders (the practice of native population management in Northwest Siberia in the XIX century). *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, 2011, no. 3, pp. 84–88. (In Russ.)
49. *Bazarov B.V., Kuras L.V.* Siberian regionalism as a factor of the Russian Empire's stability in the works by Professor L.M. Dameshek (to the 70th anniversary of Professor L.M. Dameshek, Doctor of historical sciences). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya*, 2018, vol. 24, pp. 93–107. (In Russ.)
50. *Kuras L.V.* Siberia within the Empire – the Empire in Siberia: imperial processes at Russian outskirts in the XVII – early XX centuries (the problem's historiography in works by Professor L.M. Dameshek). *Sibir' v imperii – imperiya v Sibiri: imperskie protsessy na okrainakh Rossii v XVII – nachale XX v.* Irkutsk, 2013, pp. 14–30. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 01.07.2019

DOI: 10.15372/HSS20190302
УДК 94 (470) "19"

И.А. ГОЛОВНЕВ

ОБРАЗЫ КАМЧАТКИ В ТВОРЧЕСТВЕ БЕНЕДИКТА ДЫБОВСКОГО*

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
РФ, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 3

В статье освещается малоизученная страница в истории научного освоения Камчатки – творчество Бенедикта Дыбовского – ученого-энциклопедиста, посвятившего значительный период своей деятельности изучению и популяризации материалов по антропологии и зоогеографии края. Основанная на уникальном архивном источнике – «альбоме Дыбовского», статья фокусируется на анализе фотографического наследия исследователя и его коллег, собрании фотоснимков, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Благодаря сопоставлению печатных работ и изобразительных материалов Б. Дыбовского, а также данных его биографов делается вывод о значительной исследовательской ценности визуальных документов для изучения истории дальневосточного фронта Российской империи на рубеже XIX–XX вв.

Ключевые слова: визуальная антропология, образ региона, фотография, архив Бенедикта Дыбовского, Камчатка, Сибирь.

I.A. GOLOVNEV

KAMCHATKA'S IMAGES IN THE WORKS OF RESEARCHER BENEDICT DYBOWSKI

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography RAS
3 Universitetskaya naberezhnaya Str., Saint Petersburg, 199034,
Russian Federation

The modern sociocultural anthropology pays great attention to visual historical sources, in particular, photographs, drawings, films. The discipline of visual anthropology justifiably has taken a significant place in the West European scientific circulation, but in Russia, this field has been developed only fragmentarily. At the same time, visual anthropological practices in Russia have a rich history associated with expeditions to develop Siberian and Far Eastern regions, expressed in cumulating a corpus of historical photographs in regional archives that deserve researchers' attention and introduction into scientific circulation. The materials created directly by professional researchers are of particular importance in this heritage. This article is devoted to one of them, so-called "Dybowski's album", a collection of unique photographs on the history of Kamchatka. The research work of Benedict Dybowski, an encyclopedic scholar who devoted a considerable period of his activity to studying and popularizing materials on Siberian and Kamchatka anthropology and zoogeography, is a poorly-studied page in the history of scientific development of the mentioned territories. The scientific novelty of the research consists in operating archival sources and focusing on the analysis of photographic heritage of the researcher and his colleagues. Many of these sources are introduced into scientific circulation for the first time. B. Dybowski's photos, made in the classical manner without any special artistic delights, represent a special "look" of a foreign researcher on various life aspects of Kamchatka and adjacent areas. Studying "Dybowski's album" as the explorer's travel pages supplemented with materials from his biographers, allows merging photographic images gradually into a single collective image, which is an informative visual source of information on the history of the Far Eastern frontier at the turn of the XIX and XX centuries.

Key words: visual anthropology, image of region, photography, Benedict Dybowski's archive, Kamchatka, Siberia.

*Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-59-23007 «Опыты изучения и визуальной репрезентации фронтальных территорий России и СССР в визуальной антропологии первой половины XX века: на примере исследований российских и венгерских ученых и кинематографистов».

Иван Андреевич Головнев – канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела проектных исследований, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, e-mail: golovnev.ivan@gmail.com.

Ivan A. Golovnev – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences.

В современной антропологии все возрастающее внимание исследователей уделяется визуальным историческим источникам, в частности, фотодокументам, рисункам, кинофильмам. В научном обороте Западной Европы направление визуальной антропологии заняло значимое место, в российском – данное поле проработано лишь фрагментарно. В то же время визуально-антропологические практики в России имеют насыщенную историю, связанную с экспедициями по освоению сибирского и дальневосточного регионов, что отражено, в частности, в накоплении корпуса исторических фотографий в региональных архивах, заслуживающих исследовательского внимания и введения в научный оборот. Особое значение в этом наследии имеют материалы, создававшиеся непосредственно профессиональными исследователями. Именно к таковым относится «альбом Дыбовского» – собрание уникальных фотографий по истории Камчатки, его анализу и посвящена настоящая статья.

Бенедикт Иванович Дыбовский (*Benedykt Tadeusz Dybowski*, 1833–1930), сын Яна и Саломеи, родился 30 апреля 1833 г. в помещицьем имении Тонвы в Минской губернии. Среднее образование он получил в Минской гимназии, высшее – в Дерптском университете на медицинском и естественном факультетах. Продолжив обучение в университетах Вроцлава и Берлина, в 1860 г. он защитил диссертацию на соискание степени доктора медицинских наук и хирургии. Кажется, карьера Б. Дыбовского успешно состоялась, но по стечению обстоятельств именно в этот момент жизнь будущего известного эволюциониста крупно изменилась в связи с его участием в революционном движении. Получив классическое университетское образование и освоив традиционалистские исследовательские методологии, Б. Дыбовский сначала становится революционером научным – приверженцем «взорвавшей» академический мир теории Чарльза Дарвина о происхождении видов [1], а затем – революционером политическим, участником подпольного Национального Комитета. Под руководством этого комитета в Польше было организовано вооруженное восстание, преследовавшее патриотические цели восстановления территории страны в границах 1772 г. Драматичные события самого восстания, длившегося с января 1863 г. до июня 1864 г. и унесшего десятки тысяч человеческих жертв, привели к реакционному упрочению антипольской политики властей и жестоким репрессиям против повстанцев. В числе сотен других активистов восстания Б. Дыбовский был арестован и приговорен к смертной казни. Но благодаря ходатайствам ученых России и Германии смертный приговор был заменен 12-летней ссылкой на каторгу. Так в одночасье произошло превращение Б. Дыбовского из кабинетного ученого и университетского профессора в ссыльного работника и исследователя-полевика малоизученной экзотической страны с пугающим для европейца названием «Сибирь».

Сибирская ссылка Бенедикта Дыбовского началась весной 1865 г. в Забайкальском крае, где одновременно с исполнением каторжных обязанностей он вынужденно занимался врачебной практикой, снискав за это лояльность местных властей. Уже к концу 1868 г. Б. Дыбовскому удалось досрочно получить статус поселенца и обосноваться в с. Култук на юго-восточном берегу оз. Байкал. Остававшийся период ссылки Б. Дыбовский посвятил комплексным исследованиям Забайкальского, Амурского и Уссурийского краев. Сначала самостоятельно, а затем при поддержке Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества он совершил серию экспедиций для естественнонаучного и антропологического изучения регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Творчески применив теоретические положения дарвинизма на практике в ходе исследований, он обосновал концепцию о существенных особенностях видового состава орнитофауны и млекопитающих Восточной Сибири вследствие постепенных изменений естественной среды в этой части Евразийского материка [2]. Результаты его многолетних изысканий по зоогеографии оз. Байкал стали новым словом в байкаловедении и были отмечены золотой медалью Русского географического общества [3, с. 12]. На основании многочисленных ходатайств ученых из Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества и Академии наук Б. Дыбовский и его коллега, также ссыльный, В. Годлевский в 1876 г. были освобождены от полицейского надзора и восстановлены в правах.

Получив свободу, Б. Дыбовский вместо возвращения в Европу начал готовиться к экспедиции на Камчатку. Будучи известным в ученой среде благодаря регулярным публикациям материалов в столичных научных изданиях, он был уважительно принят и в Академии наук, и в Русском географическом обществе. 13 декабря 1878 г. по рекомендациям П. Семенова, Ф. Шмидта и Р. Ленца Б. Дыбовский был избран действительным членом РГО. Совет Общества утвердил предложенную им программу исследовательских работ на Камчатке и Командорских островах и оказал ему содействие в получении должности окружного врача на Камчатке.

Летом 1879 г. Б. Дыбовский прибыл в Петропавловск, так началась его Камчатская одиссея, продлившаяся более четырех лет. Его деятельность на полуострове была разносторонней и обширной. Работая практикующим врачом, он распространял гигиенические знания среди различных слоев местного населения, включая представителей коренных народов края, стал инициатором открытия больницы в Петропавловске. Но главным его делом здесь были исследования в различных областях научного знания – зоогеография и сравнительной анатомии, лимнологии и экологии, антропологии и философии.

В основном в научный оборот введены результаты естественнонаучных исследований Б. Дыбовского на Камчатке, гораздо менее известны материалы его работ в области гуманитарных наук и совершенно не изучено антропологическое наследие ученого, имеющее несомненную историко-научную ценность.

В основном в научный оборот введены результаты естественнонаучных исследований Б. Дыбовского на Камчатке, гораздо менее известны материалы его работ в области гуманитарных наук и совершенно не изучено антропологическое наследие ученого, имеющее несомненную историко-научную ценность.

Между тем в Камчатском краевом объединенном музее хранится уникальный экспонат – так называемый «альбом Дыбовского» – коллекция из 127 фотографий, в основном состоящая из снимков, сделанных самим исследователем и его коллегами во время пребывания на Камчатке.

Как показывает практика, эффективным методом рассмотрения визуальных источников является сопоставление изобразительных и тематических текстовых документов [4; 5]. Данная статья, основанная на архивных фотодокументах и изданных материалах, представляет опыт исследования образа Камчатки, какой ее увидел доктор Дыбовский без малого полтора века назад.

В своей книге «О Камчатке и Сибири» Б. Дыбовский вспоминал, что приобрел фотокамеру специально для поездки на Камчатку: «Д-р Пфлюгель из Лейпцига подвел меня, не сумев в срок доставить заказанный фотоаппарат, но Мрозовский обещал раздобыть маленькую камеру и все необходимые принадлежности к ней, как-то палатку, расходные для фотолaborатории и т.д. У нас было всего несколько дней, в том числе праздники, но все было готово к дате, благодаря хлопотам фотографа Дуткевича и Мрозовского» [6, с. 12]. Фотодело он осваивал буквально на ходу – по пути на Камчатку через Сибирь, делая снимки окрестных видов и портретов, в том числе встречавшихся ему соотечественников-поляков, оказывавших путешественнику содействие в передвижении. К примеру, по поводу пребывания в Иркутске Б. Дыбовский вспоминал: «После чая с Черским мы идем в аптеку, где я покупаю лекарства для камчатской больницы, а также мышьяк для птичьих шкур, стрихнин на лисиц, сублимат и прутки китового уса на волков, различные фотохимикалии...» [6, с. 229]. Однако не все дорожные впечатления удавалось запечатлеть на фото, в частности, среди неснятых кадров остались колоритные образы представителей народности айнов, встречу с которыми Б. Дыбовский лишь описал: «В ожидании лодки я разглядывал айнов... Я горько жалел, что моя фотографическая камера глубоко упакована» [6, с. 549].

5 июля 1879 г. Б. Дыбовский прибыл в Петропавловск – фотографией порта открывается его книга «О Сибири и Камчатке», в предисловии к ней исследователь сообщает, что «намерен дать серию гравюр – топографических и этнографических, с фотографий, снятых мною на полуострове» [6, с. 7]. Прежде всего, он был поражен масштабами «неведомой земли» и ее малой заселенностью – качествами, отмеченными в свое время и С.П. Крашенинниковым [7]. Конечно, Б. Дыбовский, как и любой другой приехавший впервые на полуостров, был впечатлен природными видами Камчатки: «Здесь настоящие пейзажи с прелестными видами гор, с их красотой, уже столько раз воспетой. Эти виды и пейзажи поражают нас величием гигантских вершин-вулканов, дышащих дымом и паром» [8, с. 95]. Однако непосредственно в «альбоме Дыбовского» природные фотокартинки представлены скромно –

всего 4 снимка: виды Авачинской бухты и окрестностей Петропавловска. Все изображения, составляющие альбом, можно условно разделить на три тематические категории: натурные панорамы, виды городских объектов и портреты представителей различных групп населения края.

Кадры городских зданий и улиц составляют вторую по количеству снимков часть данного фотособрания. В основном это изображения объектов, связанных с деятельностью Б. Дыбовского: метеостанция, укомплектование которой специализированным оборудованием состоялось благодаря активности исследователя; больница, являвшаяся местом работы Б. Дыбовского в должности врача Петропавловского округа; памятник мореплавателю Ж. Лаперузу, в реконструкции которого доктор принял ключевое участие; школа – одно из самых приметных строений в городе, и др. [9].

Основную же часть альбома составляют групповые снимки и индивидуальные фотопортреты (более 70 снимков). Около половины этих фотографий имеют подписи с указанием персоналий: «хорунжий Савинский», «окружной врач Федоров», «камчатский епископ Мартиниан», «купец Колесов», «городской голова Сандалин». Видимо, Б. Дыбовский состоял в доверительных отношениях с представителями этих кругов Петропавловска, что позволило ему сделать их фотопортреты в неофициальной обстановке. Есть в альбоме и портрет коллеги Б. Дыбовского по исследовательской деятельности – И.Л. Калиновского. На других же портретах имена фотогероев Б. Дыбовского не указаны – возможно, они надписаны на обратной стороне снимков, но поскольку фотокарточки вклеены в альбом, идентифицировать их в настоящее время не представляется возможным.

Имеющиеся подписи сообщают лишь общую информацию: «камчатский казак», «начикинский камчадал», «женщины селения Мильковского», «ключевская мещанка», «камчатские крестьянки» и т.д. Очевидно, фотографа-исследователя интересовали не столько конкретные персоны, сколько *типы* представителей камчатского общества. Примечательно, что большинство горожан на портретах – в выходных нарядах. Очевидно, для фотосессии были выбраны праздничные либо выходные дни, когда жители Петропавловска были свободны от повседневных дел. В основной массе фотографии сделаны в солнечную летнюю пору, многие портреты сняты на одном и том же фоне – у задней стены дома, арендованного Б. Дыбовским для проживания в Петропавловске. Известно, что в период работы на Камчатке он оборудовал специальную фотолaborаторию, предусмотрев также пространство для фотографирования и зал для выставочной демонстрации лучших фотоснимков. Из воспоминаний Б. Дыбовского узнаем: «Закончив с пациентами, принимаюсь за фотографию, снял несколько видов и несколько портретов; поставил аппарат в комнате, и его опрокинул пес, разбил матовое стекло. К счастью, в порту есть матовое стекло и есть стекольщик, так что можно починить» [6, с. 466].

Присутствуют в альбоме и фотографии, снятые в экспедиционных условиях. Часто сочетая врачебную практику с исследованиями, Б. Дыбовский тщательно готовил фотоснаряжение к экспедиционным выездам и активно фотографировал вне городской среды. В письме из с. Ключи от 21 октября 1879 г. Б. Дыбовский сообщал: «Я тронулся из Петропавловска 1 октября, надеясь еще до наступления холодного времени пробраться в Ключи, деревню на Камчатке, где я намеревался припасти все необходимое для зимнего путешествия... С 5-го октября еду на нартах, в которые впрягают собак; подвигаюсь вперед тихо: во всякой деревне осматриваю больных, врачую, измеряю, снимаю фотографические портреты»¹. Не случайно среди фотографий альбома находится и снимок с подписью «Табор д-ра Дыбовского при путешествии в Камчатке», на котором запечатлен Б. Дыбовский и его свита в походной обстановке (снимок сделан коллегой доктора – И.Л. Калиновским).

Особую подгруппу портретов составляют этнографические: персональные и групповые снимки айнов, нивхов, эвенов, камчадалов. «Язык и духовная культура камчадалов под воздействием языка и духовной культуры русских людей, живших среди них, претерпели изменения. Что же касается материального состояния жителей Камчатки, то оно мало чем отличается от состояния времен Атласова» [8, с. 95], – писал Б. Дыбовский.

При этом исследователь особо отмечал человеческие качества ительменов: «Среди племен, с которыми я встречался в жизни, одним из самых симпатичных для меня является то, которое живет на Камчатском полуострове. Оно вызывает симпатию своими моральными достоинствами, такими как добродушие, привязанность к семье и к месту своего рождения, жажда познания и огромным достоинством...»². Примечательно, что и предшественник Б. Дыбовского по изучению Камчатки – Г.В. Стеллер, давал ительменам схожую характеристику: «наблюдения над всем образом их жизни только подтверждают их огромную изобретательность, природную любознательность и предрасположенный к повиновению и ко всему хорошему характер; видно, что этот народ одарен богом живым умом и изумительной памятью» [10, с. 81].

Особую группу фотографий в альбоме представляют снимки с о. Сахалин, иллюстрирующие преимущественно жизнь поселений и быт каторжан. Так, фотографии «Заковка Золотой ручки», «Арестанты, прикованные к тачкам», «Начало поселя», «Шахта», «Погибший пароход “Атлас” у Трех Камней», виды г. Александровска сняты на Сахалине В.М. Дорошевичем и И.И. Павловским в 1880-х – 1890-х гг. [11]. На Сахалине сделан и семейный портрет айнов, антропологическое описание которых Б. Дыбовский приводит в своей книге: «Одетые в короткие накидки из синей

хлопчатой материи, называемой “даба”, ноги босые, в облегающих кожаных штанах. Средний рост, приблизительно, 160 см. Ноги и руки тонкие. Шевелюры густые, слегка вьющиеся, лицевая растительность мощная. В целом внешность напоминает потрепанного русского крестьянина. Выражение лица добродушное, мягкое. Глаза черные, брови густые, широкие, прямые, нос слегка уплощенный, рот широкий, прикрыт густыми усами. Борода и волосы подстрижены. Волосами, должно быть, покрыто и все тело, потому россияне и называли их прежде “Мохнатыми людьми» [6, с. 549]. Возможно, этнографические снимки айнов и нивхов были присланы Б. Дыбовскому его соотечественником и коллегой Б. Пилсудским, с которым исследователь состоял в переписке [12].

Кроме того, согласно подписям и содержанию, несколько фото были сделаны в Приморье – на территории дома и хозяйства М.И. Янковского, с которым Б. Дыбовский был знаком по исследованиям в Забайкалье и Степной Даурии 1870-х гг. Покидая Камчатку летом 1883 г., Б. Дыбовский держал путь через г. Владивосток и останавливался в бухте Славянка, где М.И. Янковский основал первый в то время на Дальнем Востоке конный завод [13]. Таким образом, данная коллекция – это не только фотографии, сделанные самим исследователем, и не только изображения, снятые на Камчатке, но и подборка, сделанная с целью объемно представить различные «образы» Дальнего Востока: величественную природу и тяжелую каторгу, социальные группы и этнокультурные сообщества.

Безусловно, некоторые важные аспекты научной деятельности Б. Дыбовского на Камчатке остались «за кадром» альбома. К таковым, в частности, относятся его исследования на Командорских островах. Ученый собирал сведения о природе и хозяйственной деятельности населения островов – им составлены уникальные коллекции, характеризующие растительный и животный мир, собраны материалы по этнографии алеутов. Помимо традиционных изысканий, в плане развития эволюционистских опытов он прибегал и к смелым экспериментам; так, в автобиографии Б. Дыбовский приводил следующие результаты своих успешных опытов:

- 1) переселение северных оленей на о. Беринга, при благосклонной помощи капитана Зандмана;
- 2) переселение лошадей на о. Беринга, при помощи бывшего капитана парохода «Африка», ныне адмирала Алексеева;
- 3) акклиматизация кроликов на Командорских островах и на Камчатке;
- 4) акклиматизация домашних коз на Командорских островах [2, с. 12].

Б. Дыбовский на собственные средства приобрел оленей и корм для обеспечения их в период первоначальной адаптации, а также оплатил стоимость их доставки на Командорские острова. Животные прижились на о. Беринга, дали потомство, став важным подспорьем для хозяйства местных жителей. По свидетельствам камчатских краеведов, благодарные але-

¹ Камчатский краевой объединенный музей (ККОМ). Ф. 60. Оп.1. Д. 19. Л. 1.

² Там же.

уты даже сочинили легенду о «Добром Белом боге», приславшем им оленей, и в свою очередь отправили ученому в Европу подарок на 70-летие – скелет морской коровы, который Б. Дыбовский безуспешно пытался отыскать во время пребывания на островах [13].

Следует отметить, что естественнонаучные опыты были интересны Б. Дыбовскому не сами по себе, а как часть его деятельности в качестве ученого-гуманиста. Исследователь вспоминал: «Когда я познакомился с племенами, населяющими Камчатку и Командорские острова, моим желанием стало исследовать эти условия и найти способы их улучшить» [14, с. 241]. В ходе длительных полевых работ среди алеутов Б. Дыбовский основательно «погружался» в изучаемую культуру: принимал участие в обрядово-праздничных мероприятиях и хозяйственных работах, изучал их язык и поведение, и, конечно, фотографировал [15]. В оценках Б. Дыбовским положения алеутов звучат неутешительные выводы, при этом проявляется утопический гуманизм исследователя: «Процесс уничтожения и денационализации с прогрессом цивилизации должен уступить место ясному пониманию необходимости существования многообразия каждого вида для всестороннего и гармоничного развития и прогресса человечества. Если грустно и больно наблюдать человека в расцвете сил, безвинно приговоренного к смертной казни, то стократно больнее видеть целые племена, которые приговорены к смерти неблагоприятными условиями жизни» [14, с. 240].

По мнению Б.С. Шостаковича, природа интереса Б. Дыбовского к гуманитарным наукам коренилась в глубоком убеждении ученого, что существует общая биологическая первооснова всякого рода знаний, в том числе и гуманитарных, и разнообразие научных знания могут быть синтетически увязаны в рамках единственной общей науки – антропологии [3]. В частности, в статье «К вопросу о так называемой “женщине” с позиции естествознания» Б. Дыбовский трактовал антропологию как универсальную науку о человеке, в которой находят свое органическое слияние все «ветви» знания на общем их «материнском биологическом стволе» [16, с. 101]. В работе «Сон и сновидения» Б. Дыбовский заявлял, что антропология должна служить научным аргументом для «усиления нравственности человечества», что антропологические исследования должны принести наглядные доказательства существования потенциала для прогресса среди всех рас, а обязанность антропологов состоит как раз в том, чтобы направить свою деятельность на устранение расовых, племенных и национальных предрассудков [17, с. 28].

Свои теоретические воззрения Б. Дыбовский последовательно воплощал на практике, сочетая исследовательскую, медицинскую и общественную деятельность в ходе четырехлетних работ на Камчатке. «В течение этого времени мы пять раз объехали весь полуостров с медицинской целью, а также для собирания зоологических коллекций и неоднократно посетили Командорские острова. Предполагаемые биологи-

ческие исследования пришлось ограничить до очень скромных размеров, благодаря отсутствию поддержки и сочувствия местных властей. За попытки прекратить злоупотребления купцов и духовенства нам пришлось испытать много неприятностей. Убедившись в бесплодности стараний облегчить участь эксплуатируемых туземцев, я был принужден вовремя ретироваться и, воспользовавшись кстати пришедшим приглашением занять кафедру во Львове, я покинул Камчатку», – вспоминал исследователь [2; 12].

Имя Б. Дыбовского по праву находится в ряду выдающихся ученых того времени. Его научное наследие составляет около 400 работ по зоологии и зоогеографии, антропологии и этнографии, лимнологии и физической географии Восточной Сибири и Дальнего Востока. Особое значение в наследии Б. Дыбовского имеют фотографии – визуальные образы региона, запечатленные им в ходе странствий по Дальнему Востоку. Известно, что при выезде с Камчатки в 1883 г. исследовательский «багаж» Б. Дыбовского составлял 60 ящиков различных размеров, общим весом 116 ц; в коллекциях находились и значительные объемы фотографических документов³.

Таким образом, анализ материалов из Камчатского музея, которым посвящена статья, позволяет сделать вывод о том, что фотоизображения Б. Дыбовского, выполненные в классической манере, без особых художественных изысков, представляют собой «взгляд» иностранного исследователя на различные стороны жизни Камчатки и смежных территорий. В процессе перелистывания «альбома Дыбовского» разнородные фотографические изображения постепенно складываются в единый собирательный образ. И именно благодаря документальным фотоизображениям Б. Дыбовского современные посетители его выставок, читатели книг и альбомов как в России, так и за рубежом составляют свое представление об истории дальневосточного фронта на рубеже XIX–XX вв.

Автор выражает благодарность за содействие в работе над статьей сотрудникам Камчатского музея и лично главному хранителю С.В. Графской.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Darwin C.R. On the origin of species by means of natural selection, or the preservation of favoured races in the struggle for life. London: John Murray, 1859. 534 p.
2. Дыбовский Б.И. Автобиография // Юбилейный сборник к пятидесятилетию Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. Киев, 1901. С. 1–12.
3. Бенедикт Дыбовский. Новосибирск: Наука, 2000. 296 с.
4. Golovnev I.A., Golovneva E.V. Discovering the Far East: Images of the Territory in the Works of V. K. Arsenyev / Facets of Culture in the Age of Social Transition: Proceedings of the All-Russian Research Conference with International Participation. KnE, Engineering, 2018. P. 20–26.
5. Головнева Е.В., Головнев И.А. «Рисунки Камчатку...»: архивные и современные репрезентации региона в детских рисунках быстринских эвенков // Сибирские исторические исследования. 2019. № 1. С. 28–47.

³ ККОМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 19.

6. *Dybowski B.* O Syberyi i Kamczatce. Krakow, Warszawa: Gebethner i Wolff, 1912. 614 p.

7. *Крашенинников С.П.* Описание земли Камчатки. М.: Эксмо, 2013. 480 с.

8. *Винкевич Г.А.* Выдающийся географ и путешественник. Минск: Наука и техника, 1965. 106 с.

9. *Витер И.В., Смышляев А.А.* Город над Авачинской бухтой (история города Петропавловска-Камчатского). Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 2000. 208 с.

10. *Стеллер Г.В.* Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2011. 576 с.

11. *Дорошевич В.М.* Сахалин (Каторга): в 2 ч. М.: Изд. тов. И.Д. Сытина, 1903. 640 с.

12. *Шостакович Б.С.* Бронислав Пилсудский – корреспондент Бенедикта Дыбовского и Вацлава Серошевского // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского при Сахалинском областном государственном краеведческом музее. Южно-Сахалинск, 1999. № 3. С. 42–48.

13. *Кусков В.П.* Камчатские были. Петропавловск-Камчатский: Дальневост. кн. изд-во, 1970. 112 с.

14. *Дыбовский Б.И.* Командорские острова // Вопросы истории Камчатки. Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2004. Вып. 7. С. 211–287.

15. *Dybowska M.* Kamczatka i jej ludy autochtoniczne w fotografii, tekstach i ekspozatach Benedykta Dybowskiego. Warszawa: Mar, 2003. 80 p.

16. *Dybowski B.* O kwestii tak zwanej «kobieciej» ze stanowiska nauk przyrodniczych. Lwow: Księgarnia Polska, 1897. 107 p.

17. *Dybowski B.* Sen i marzenia senne. Warszawa: Biblioteka naukowa, 1907. 28 p.

REFERENCES

1. *Darwin C.R.* On the origin of species by means of natural selection, or the preservation of favoured races in the struggle for life. London, John Murray, 1859, 534 p.

2. *Dybovsky B.I.* Autobiography. *Yubileyny sbornik k pyatidesyatiletiiy Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva.* Kiev, 1901, pp. 1–12. (In Russ.)

3. *Kozhova O.M., Shostakovich B.S.* Benedikt Dybovskiy. Novosibirsk, Nauka, 2000, 296 p. (In Russ.)

4. *Golovnev I.A., Golovneva E.V.* Discovering the Far East: images of the territory in the works of V. K. Arsenyev. Facets of culture in the age of social transition: proc. of All-Russ. research conf. with intern. participation. Yekaterinburg, 2018, pp. 20–26. (In Russ.)

5. *Golovneva E.V., Golovnev I.A.* “Drawing Kamchatka...”: archival and modern representations of the region in Bystrinsky Evens’ children drawings. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, 2019, no. 1, pp. 28–47. (In Russ.)

6. *Dybowski B.* About Siberia and Kamchatka. Krakow, Warszawa, Gebethner i Wolff, 1912, 614 p. (In Pol.)

7. *Krashenninnikov S.P.* Description of the Land of Kamchatka. Moscow, Eksmo, 2013, 480 p. (In Russ.)

8. *Vinkevich G.A.* An outstanding geographer and traveler. Minsk, Nauka i tekhnika, 1965, 106 p. (In Russ.)

9. *Viter I.V., Smyshlyayev A.A.* City above the Avacha Bay (history of the city of Petropavlovsk-Kamchatsky). Petropavlovsk-Kamchatsky, Kamchatskiy pechatnyy dvor, 2000, 208 p. (In Russ.)

10. *Steller G.V.* Description of the Land of Kamchatka. Petropavlovsk-Kamchatsky, Novaya kniga, 2011, 576 p. (In Russ.)

11. *Doroshevich V.M.* Sakhalin (hard labour). Moscow, Izdaniye tovarishchestva I.D. Sytina, 1903, 640 p. (In Russ.)

12. *Shostakovich B.S.* Bronislav Pilsudsky – a correspondent of Benedict Dybowski and Vatslav Seroshevsky. *Izvestiya Instituta naslediya Bronislava Pilsudskogo pri Sakhalinskom oblastnom gosudarstvennom kraevedcheskom muzee.* Yuzhno-Sakhalinsk, 1999, no. 3, pp. 42–48. (In Russ.)

13. *Kuskov V.P.* Kamchatka’s true stories. Petropavlovsk-Kamchatsky, Dal’nevostochnoe knizhnoe izdatel’stvo, 1970, 112 p. (In Russ.)

14. *Dybovsky B.I.* Commander Isls. *Voprosy istorii Kamchatki*, 2004, no. 7, pp. 211–287. (In Russ.)

15. *Dybowska M.* Kamczatka and her indigenous people in photography, texts and exhibits of Benedict Dybowski. Warsaw, Mar, 2003, 80 p. (In Pol.)

16. *Dybowski B.* On the issue of the so-called “woman” from the position of natural sciences. Lviv, Księgarnia Polska, 1897, 107 p. (In Pol.)

17. *Dybowski B.* Sleep and dreams. Warsaw, Biblioteka naukowa, 1907, 28 p. (In Pol.)

Статья принята редакцией 06.06.2019

DOI: 10.15372/HSS20190303
УДК 930.1(571.1/.5)“1900/1930”

А.А. НИКОЛАЕВ

ИСТОРИОГРАФИЯ СИБИРСКОГО МАСЛОДЕЛИЯ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8
Новосибирский военный институт им. генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии
РФ, 630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, д. 6/2

В статье анализируются публикации по истории сибирского маслоделия и молочной кооперации, вышедшие с начала XX в. В дореволюционный период появились монографии, в которых нашли отражение проблемы конкуренции кооператоров и частного бизнеса, освещена роль иностранного капитала и государства в поддержке маслоделия. Исследования начала 1920-х гг. отчасти унаследовали традиции системного научного анализа дореволюционного этапа, но уже во второй половине 1920-х гг. возобладала советская доктрина, игнорировавшая достижения дореволюционной маслодельной кооперации. Наиболее значимые труды, посвященные периоду нэпа, сместили фокус исследования на технико-технологические аспекты модернизации маслодельной отрасли. Только начиная с 1970-х гг. исследователи вновь обратили внимание на феноменальное развитие маслоделия и маслодельной кооперации, но до сих пор их комплексный, многофакторный анализ, начиная от зарождения в конце XIX в. и до ликвидации в начале 1930-х гг., отсутствует.

Ключевые слова: историография, Сибирь, маслоделие, маслодельная кооперация, нэп, модернизация, комплексный анализ, община.

A.A. NIKOLAEV

HISTORIOGRAPHY OF SIBERIAN BUTTER INDUSTRY IN THE FIRST THIRD OF THE XX CENTURY

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation
Novosibirsk Military Institute
Named after Army General I. K. Yakovlev of National Guard Troops
6/2, Klyuch-Kamyshenskoe plato Str.,
Novosibirsk, 630114, Russian Federation

The article analyzes publications on the history of Siberian butter industry and dairy cooperation published from the early XX century to the modern period. The main historiographical heritage of pre-revolutionary period are monographs containing the description of socio-economic and natural-climatic conditions and factors favourable for the establishment and development of the butter industry and dairy cooperative societies in Siberia. The author introduces into scientific circulation actual materials reflecting the opposition of cooperators to private enterprises, activity of foreign capital, role of state institutions in supporting butter production, interaction of peasant communities and cooperation. Some works which appeared in the early 1920s partly inherited the tradition of systematic scientific analysis of the pre-revolutionary stage, but in the late 1920s the Soviet doctrine prevailed, which ignored the achievements of pre-revolutionary butter cooperation in Siberia. The most significant works devoted to NEP period shifted the focus of research to technical and technological aspects of the butter industry's modernization. Only in the 1970s–90s, researchers again drew attention to the phenomenal development of the butter production in the pre-revolutionary period. In 2000s, historians showed greater interest in identifying patterns and features of development of Siberian butter manufacturing in the early XX century. The period of the First World War, studied superficially in Soviet historiography, attracted special attention of researchers. Publications on NEP period are few. They revealed the dynamics of butter production in the context of major manufacturers' competitive struggle, causes of slow recovery and declining butter industry and dairy cooperative societies. A considerable drawback of modern historiography is the lack of works in which butter manufacturing and cooperation are

Александр Алексеевич Николаев – д-р ист. наук, заместитель директора по научной работе Института истории СО РАН, профессор Новосибирского военного института им. генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии РФ, e-mail: agronicol@gmail.com.

Aleksandr A. Nikolaev – Doctor of Historical Sciences, Deputy Director of Institute of History SB RAS, Professor of Novosibirsk Military Institute named after Army General I. K. Yakovlev of National Guard Troops.

examined over a long historical period in conjunction with a complex of domestic and international factors. A comprehensive, multivariant analysis of the development of butter cooperation, from its inception in the late XIX century and elimination in the early 1930s to the present time has not been carried out from the economic history stand-point.

Key word: historiography, Siberia, butter industry, dairy cooperation, NEP, modernization, comprehensive analysis, community.

Маслоделие, основываясь в феодальном прошлом на домашней, кустарной переработке молока, только начиная с конца XIX в. стало приобретать высокотоварный характер, превратив Россию в крупнейшего мирового экспортера животного масла. Важнейшую роль в этом прорыве сыграла Сибирь, где маслодельный промысел приобрел широкий размах на частной и кооперативной основе. В 1913 г. сибирский экспорт масла составлял 16 % от мирового уровня, или 60 % от российского вывоза данного продукта [1, с. 161–163]. Молочное животноводство и маслоделие, став основными трендами развития аграрной Сибири в начале XX в., привлекало пристальное внимание современников. Многочисленные статьи о «масляной лихорадке» не претендовали на глубокий научный анализ и представляют сейчас интерес для исследователей как ценные исторические источники. К этой же категории можно отнести небольшие работы, посвященные становлению сибирской молочной кооперации и носящие преимущественно информационно-ознакомительный характер [2; 3]. Их мировоззренческой основой являлись неонароднические представления о кооперации как о механизме мирной социально-экономической трансформации деревни. В них преувеличивался народный самостоятельный характер кооперативного движения и акцентировалось внимание на особой некапиталистической природе кооперации.

Но не эти труды определяли общую картину историографии в дореволюционный период, который в целом следует оценить как весьма продуктивный в конкретно-историческом и теоретическом плане. Основным историографическим достоянием тех лет стали первые обобщающие работы, содержащие монографическое описание социально-экономических и природно-климатических условий и факторов, благоприятствующих возникновению и развитию маслоделия и молочной кооперации в Сибири [4; 5; 6; 7; 8]. Они вносят важный вклад в осмысление общих условий и предпосылок возникновения маслоделия и маслодельных кооперативных предприятий. В научный оборот вводится фактический материал, отражающий противостояние кооператоров частному предпринимательству, деятельность иностранного капитала, роль государственных учреждений в поддержке маслоделия, взаимодействие крестьянских общин и кооперации.

Некоторые из этих работ стали предметом историографических дискуссий на последующих этапах развития. В частности, были заявлены противоположные суждения по оценке взаимодействия крестьянской общины и маслодельной кооперации. В.В. Краинский акцентировал внимание на несовместимости социально-экономических принципов организации поземель-

ной крестьянской общины и кооперации. Истинная кооперация, по его мнению, должна базироваться на свободном предпринимательстве и частной собственности и соответствовать классической западноевропейской форме [9]. Н. Макаров, напротив, пришел к заключению, что в Западной Сибири община не только сосуществовала с кооперацией, но и даже помогала ей, обладая опытом коллективного принятия решений [7]. Процедуры согласования интересов в ходе земельных переделов (при отсутствии жеребьевок, характерных для Европейской России), опыт финансирования хозяйственных общественных проектов (питейные заведения, общинные маслодельные заводы и т.д.) в хозяйственно-психологическом отношении облегчали проникновение кооперации в деревню. А.А. Мурашкинцев отметил, что попытки самих сельских обществ непосредственно организовать предпринимательскую деятельность не увенчались успехом. Общественные крестьянские заводы и заведения создавались под давлением крестьянских начальников для облегчения сбора налогов. Это принципиально отличало их от кооперативных заводов, которые находились за пределами юрисдикции крестьянской администрации [5]. Палитра мнений отражала реальное многообразие экономической действительности и многоканальность взаимодействия общины и кооперации.

Наиболее значимый вклад в исследование дореволюционного этапа в становлении и развитии молочной кооперации в Сибири внесли работы Н. Макарова, который системно анализировал развитие маслоделия и отмечал, что рыночное молочное хозяйство является продуктом сложного взаимодействия естественных, технических и экономических факторов. К естественным условиям он относил наличие кормовой базы и потребности полеводства в навозе для воспроизводства плодородия пашни, обозначая их как внутрихозяйственные организационно-производственные условия молочного хозяйства. Под техническими условиями понималось наличие приспособленных помещений и оборудования (сепараторы, ледники и холодильники) для переработки молока, а также транспортная инфраструктура. Экономические факторы, к коим автор относил размер оплаты за пуд молока, транспортные издержки, спрос на молочную продукцию, определяли рентабельность молочного хозяйства [8, с. 3–5].

Н. Макаров охарактеризовал специфические условия Сибири, которые предопределили своеобразие кооперативного союзного строительства. Удаленность региона от внешних рынков сбыта, высокая степень концентрации оптовой торговли в руках 20–25 частных иностранных фирм с системой филиальных отделений, биржевой характер торговли маслом с участием оптовых фирм и местных властей непосредственно

вливали на структуру и принципы деятельности Союза сибирских маслодельных артелей. Крупным частным торговым сетям мог противостоять соответствующий по уровню концентрации капитала кооперативный союз, опирающийся на прочную низовую сеть. Другая выявленная особенность относилась к характеристике низовой сети, которая в Сибири, в отличие от Европейской России, выросла не на уставной, а на договорной основе. Возникающие маслодельные артели заключали с сельским сходом особый договор, заносимый в книгу регистрации волостных правлений. Упрощенная форма регистрации четко фиксировала права и обязанности своих участников, регламентировала торгово-закупочную и финансовую деятельность, содействовала быстрому росту числа кооперативов [8, с. 62].

Некоторые работы, появившиеся в начале 1920-х гг., отчасти унаследовали традиции системного научного анализа дореволюционного этапа развития маслоделия и становления молочной кооперации. Была переиздана монография Н.П. Макарова, появились небольшие исследования А.А. Шиша и А.М. Королева [10; 11; 12], которые в целом не подверглись воздействию новой классовой доктрины. В поле зрения исследователей включается и период новой экономической политики, выявляется урон, нанесенный маслоделию Первой мировой и Гражданской войнами, обозначаются тенденции восстановительных процессов. Но уже во второй половине 1920-х гг. возобладала советская доктрина оценки дореволюционного этапа. Более того, к концу 1920-х гг. советская концепция, игнорировавшая достижения дореволюционной маслодельной кооперации в Сибири, стала доминирующей. Академик Л.С. Сосновский в пространном предисловии к монографии И.Ф. Степаненко и М.П. Комкова достаточно полно отразил официальную точку зрения. По мнению автора, дореволюционная маслодельная кооперация являлась объектом непомерного восхваления со стороны писателей-народников, особенно П. Чайковского, которые оценивали ее как подлинное детище народного творчества и самостоятельности. На самом деле она имела торгашеский характер, так как расчет осуществлялся не деньгами, а товарами в лавке, в ее социальном составе преобладала верхушка сибирской деревни и полностью отсутствовала кооперативная демократия. Балакшины являлись ловкими дельцами с эсэровским туманным прошлым, а ежегодные собрания уполномоченных – театрально-декоративными зрелищами. «Рыжебородый патриарх Балакшин» обладал единоличной диктаторской властью, а иностранные капиталисты – не кто иные, как «акушеры при рождении сибирской маслодельной кооперации». В экспортной работе маслоделов прослеживалась «смычка кулацких кооператоров с иностранным капиталом в ущерб крестьянским интересам». Найм мастеров и рабочих производился с торгов, имела место грубая экспроприация рабочих [13, с. 5–7].

В сложившихся идеологических условиях наиболее значимые труды, посвященные периоду нэпа,

сместили фокус исследования на технико-технологические аспекты модернизации маслодельной отрасли. Наиболее значимой стало монографическое исследование И.Ф. Степаненко и М.П. Комкова, в основу которого легли материалы обследования 2218 маслозаводов, проведенного в феврале – апреле 1927 г. Авторам удалось показать удручающее состояние основных производственных фондов маслозаводов (зданий, ледников, маслохранилищ), оборудования, условий выработки и хранения масла. Однако ключевая проблема – оценка последствий укрупнения маслоартелей и в целом эффективности организационно-экономических преобразований – оказалась не обозначенной. Монография не дала ответов на животрепещущие вопросы: о выгодности и удобстве для членов молочной кооперации приема молока через вновь созданную сеть сливочных отделений в отдаленных сельских поселениях, о преимуществах и недостатках замещения мелких маслозаводов одним крупным механизированным в большом сельском поселении и о том, как повлияла модернизация производственной базы на процесс кооперирования крестьянских хозяйств [14].

Чуть позже, когда результаты нового строительства и реконструкции маслозаводов проявились более отчетливо, В.П. Ершов и И.Ф. Степаненко попытались оценить их на локальном материале четырех укрупненных маслоартелей Каменского округа: В.-Бурлинской, В.-Пайвинской, Тюменцевской и Плотниковской. По их данным, в трех из четырех артелей параллельно с укрупнением «росла хозяйственная связь крестьянства с маслозаводом, продукция которого увеличивалась, как увеличивалась и товарность молочного скота, выражающаяся в заносах молока на корову». Только в Тюменцевской маслоартели, охватывающей четыре села, обнаруживались большая неустойчивость и колебания по всем основным показателям, и на заводе отмечена противоречивая динамика [15, с. 23].

Опираясь на материалы, предоставленные статистиком-экономистом Каменского молочного союза Д.Д. Беркутовым, они сделали более общий вывод об отсутствии каких-либо неблагоприятных последствий политики укрупнения артелей, приводя данные о росте числа сдатчиков молока, количества у них коров, о поступлении молока на маслозаводы и его заносе в расчете на одну корову. Ввод в строй новых механизированных заводов, охватывавших от 3 до 8 населенных пунктов, взамен старых не привел к перебоям в поставках молока и отрыву сдатчиков молока от маслозаводов, а выход масляной продукции увеличился. «Не касаясь вопроса о том, как происходило укрупнение маслодельных артелей (так как это не входит в нашу задачу в настоящее время) и, отмечая, что в этом деле было много ненормальностей, – заключали авторы, – все же с точки зрения общей цели – реконструкции маслодельной промышленности – укрупнение заводов имеет огромное положительное значение» [15, с. 13]. Однако столь оптимистическая оценка скорее отражала стремление авторов сгладить нега-

тивные явления в угоду политической конъюнктуре. В дальнейшем они обратили внимание на вызревавшие подспудно проблемы, связанные с низкой отдачей от вложенных средств в капитальное строительство, а именно, неуклонное снижение выхода масла из молока и безудержный рост производственных расходов [15, с. 26, 27, 28].

В 1932 г. появилась небольшая, но довольно содержательная работа А.Ф. Меринова – в прошлом председателя правления Алтайского губпотребсоюза. В ней приведены удручающие цифры падения маслозаготовок и маслоэкспорта в конце 1920-х гг. Согласно приведенным данным основным районом экспорта до 1931 г. оставались Сибирь – 77 % и Урал – 16 %. Но в 1931 г. участие областей в экспорте резко изменилось. Западносибирский край переориентировался на зерновое производство, и его доля в экспорте масла снизилась до 55,5 % [16, с. 8].

Таким образом, историография 1920-х гг. продемонстрировала существенное сокращение проблемного поля по сравнению с дореволюционным периодом. Только в 1970–1990-е гг. исследователи вновь обратили внимание на феноменальное развитие маслоделия в дореволюционный период [17, с. 137–155; 18, с. 141, 155; 19; 20]. В работах Л.М. Горюшкина вновь была обозначена проблема взаимодействия сельских обществ и маслодельной кооперации. Он отметил, что артельно-общинные маслозаводы делали значительные отчисления в мирской капитал, а получаемую прибыль отчисляли на погашение недоимок, что сковывало хозяйственную самостоятельность и предприимчивость. Многие общинные маслозаводы распались, и следов их деятельности в 1910-е гг. в архивах обнаружить не удалось [19, с. 199, 205–206]. Фактически данная позиция близка к точке зрения А.А. Мурашкинцевича начала XX в.

Академик Н.Н. Покровский, отмечая высокую экономическую эффективность маслодельной кооперации в дореволюционной Сибири, связывал ее успехи с сельской крестьянской общиной. По его мнению, основу общинных традиций составляли не уравнилельные тенденции, а нормы трудового права, в которых уважался честно заработанный достаток; именно они могли бы помочь постепенному и умелому внедрению после революции выгодных для крестьянства форм кооперации [21, с. 229]. В.В. Кабанов в целом обосновал теоретическую конструкцию, согласно которой кооперация и община являлись антиподами. Тождество носило внешний символический характер [22, с. 22–24; 23]. Община, в сущности, была основой консервативного традиционного уклада, где преобладали элементы принудительно-вынужденного объединения и эгалитарной психологии, как производных коллективно-землепользования. Ей были присущи отношения круговой поруки, детерминировавшие экономическое поведение крестьянских хозяйств и формировавшие низкую степень экономической свободы. Однако применительно к Сибири В.В. Кабанов занял более сдержанную позицию, учитывая мнение Н.Н. Покровского.

При аргументации точки зрения о поддержке крестьянскими общинами маслодельной кооперации ссылаются на факты вступления в кооперацию целых обществ. Но они все же носили единичный характер и происходили при конкретных обстоятельствах: наличии предбанкротных мирских заведений (например, питейных), давлении крестьянских начальников, преследующих фискальные цели, конкретной обстановки в данном обществе. Случаи вступления целых обществ в маслодельную кооперацию являлись исключениями. Нормой считалась другая ситуация: сельское общество вступало в кооперацию на долевых условиях (деньгами, постройками, арендой земли и т.д.), но чаще вступала в кооперацию отдельная часть крестьянских хозяйств на индивидуальной основе. А вся проблема как раз состоит в выявлении картины соприкосновения сельского крестьянского мира с кооперацией. Многие нюансы этого сложного многомерного процесса на примере первых артелей освещены в работе А.В. Гутерца (гл. 8 «Пробуждение Сибири») [24, с. 164–190].

В 2000-е гг. интерес историков к выявлению закономерностей и особенностей развития сибирского маслоделия в начале XX в. заметно усилился, о чем свидетельствует историографическая статья А.В. Иванова [25, с. 46–51]. Особое внимание исследователей привлек период Первой мировой войны, изученный в советской историографии поверхностно [26, с. 28–45; 27; 28, с. 18–23; 29, с. 27–52]. В.М. Рынкуву удалось раскрыть характер взаимодействия государственного аппарата с Союзом сибирских маслодельных артелей и частными торговыми организациями. Наряду с негативными факторами введения государственной монополии на заготовку масла он отметил позитивные стороны государственного регулирования отрасли, за счет чего удалось спасти маслоделие от разорения спекулянтами на начальном этапе войны, изменить порядок приемки масла по сортам, ввести через Союз сибирских маслодельных артелей новую форму своеобразных фьючерсных контрактов в виде ссуд Государственного банка производителям под залог масла.

А.О. Бунин отметил уникальность сибирского артельного маслоделия, которое развивалось самостоятельно в отрыве от схем, разрабатываемых и обсуждаемых земскими и кооперативными деятелями начала XX в. применительно к Европейской России [26, с. 34].

Свой вклад в определение причин, вызвавших расцвет сибирского маслоделия в начале XX в., внес М.В. Шиловский. Он предложил рассматривать введение Челябинского тарифного перелома, действовавшего с 1896 по 1911 г., не как следствие лоббирования интересов помещиков Европейской части России и фискальных интересов казны, а как осознанный маневр правительства по развитию товарного маслоделия с целью использования зерна в качестве сильных кормов для животноводства [30, с. 23, 24]. Предложенная трактовка существенно уточняет роль государства в формировании региональной специализации сельского хозяйства, что обуславливалось необходимостью обслуживания финансовых обязательств и кредитов,

полученных на Западе для строительства Транссиба. Несмотря на определенные достижения, кооперативно-масляная проблематика периода войн и революции имеет немало белых пятен как в ракурсе экономической, так и социально-политической истории. Можно отчасти согласиться с мнением Н.Ю. Пивоварова и В.М. Рыноква в том, что современная историография этого периода продолжает накапливать фактический материал, но «авторы не стремятся к обобщениям и склонны преувеличивать позитивное политическое влияние и экономические успехи кооперации, некритично воспроизводя исторические источники» [31, с. 35–58].

Публикации по периоду нэпа не многочисленны, наиболее значимое исследование выполнено В.А. Ильиных, который проанализировал динамику маслозаготовок в контексте конкурентной борьбы основных маслозаготовителей, допущенных государством в систему рыночных отношений, и А.А. Николаевым, выявившим причины медленного восстановления и угасания маслоделия и маслодельной кооперации [32; 33, с. 81–93].

Одним из существенных недостатков современной историографии остается отсутствие работ, в которых маслоделие и кооперация рассматривались бы в течение длительного исторического периода во взаимосвязи с совокупностью внутрисибирских и международных факторов. В этом контексте представляют интерес работы А.А. Николаева, которому удалось выявить основные факторы расцвета сибирского маслоделия в дореволюционный период и причины его медленного восстановления в условиях нэпа [33, с. 36–49; 34, с. 138–162].

Подводя итоги, можно утверждать, что комплексный, многофакторный анализ развития маслоделия и маслодельной кооперации, начиная от зарождения в конце XIX в. и до ликвидации в начале 1930-х гг. до настоящего времени, отсутствует, а отдельные периоды изучены неравномерно и не с одинаковой глубиной проникновения в предмет исследования. Между тем изучение феномена сибирского маслоделия в переломную эпоху имеет не только важное научное, но и практическое значение в плане использования исторического опыта государственного регулирования аграрной сферы и функционирования многообразных форм самостоятельной предпринимательской активности населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX – начало XX. Новосибирск: Наука, 1967. 412 с.
2. Маляревский Г.Я. Сведения о Союзе сибирских маслодельных артелей. Курган, 1918. 48 с.;
3. Чайковский Н.В. Кооперативное дело в Сибири: Союз Сибирских маслодельных артелей. СПб.: С.-Пб. отд-ние Ком. о сел. ссудосберегат. и пром. товариществах, 1914. 56 с.
4. Мурашкинцев А.А. Кооперативное маслоделие в Западной Сибири. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1902. 26 с.;
5. Мурашкинцев А.А. О производстве и сбыте экспортного масла в Западной Сибири. Отчет по командировке в Тобольской губернии. СПб.: Тип. Ю.А. Мансфельд, 1902. 59 с.;
6. Трегубов Н.М. Экономическое исследование маслоделия в Сибири. Харьков: Печатня С.П. Яковлева, 1906. 178 с.;
7. Макаров Н.П. Крестьянское кооперативное движение в Западной Сибири. М.: Сотрудничество, 1910. 204 с.;
8. Макаров Н. Рыночное молочное хозяйство. Пг.: Тип. Минва земледелия, 1917. 105 с.
9. Краинский В.В. Община и кооперация. Очерки по истории крестьянских хозяйств в Западной Европе и России. СПб.: Тип. «Россия», 1907. 43 с.
10. Макаров Н.П. Рыночное молочное хозяйство и кооперация. М.:Л.: Книгосоюз, 1926. 224 с.
11. Шиша А.А. Роль иностранного капитала в экономической жизни Сибири. Новониколаевск: Сибоблгосиздат, 1923. 92 с.;
12. Королев А.М. Сибирская молочная кооперация (прошлое и настоящее). М.; Л.: Книгосоюз, 1926. 62 с.
13. Сосновский Л. Предисловие // Степаненко И.Ф., Комков М.П. Сибирское маслоделие. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1928. С. 3–36.
14. Степаненко И.Ф., Комков М.П. Сибирское маслоделие. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1928. 201 с.
15. Еришов В.П., Степаненко И.Ф. Механизированные маслозаводы Сибири. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1930. 299 с.
16. Меринов А.Ф. За качество экспортного масла. М.; Л.: Внешторгиздат, 1932. 48 с.
17. Алексеева В.К. Кооперативное движение в Сибири: конец XIX – начало XX в. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1993. 118 с.
18. Горюшкин Л.М. Кооперация в сибирской деревне в годы Первой мировой войны // Хозяйственное освоение Сибири и рост ее народонаселения (XVIII – XX вв.). Новосибирск, 1979. С. 142–157.
19. Горюшкин Л.М. Крестьянская община и маслодельная кооперация в Сибири (конец XIX – начало XX вв.) // Крестьянство Сибири XVIII – начала XX в. (классовая борьба, общественное сознание и культура). Новосибирск: Наука, 1975. С. 189–206.
20. Емельянов Н.Ф., Пережогина И.Н., Семенова О.Г. Крестьянский социализм в Зауралье при капитализме. Курган: Изд-во Кург. гос. пед. ун-та, 1994. 160 с.
21. Покровский Н.Н. Мирская и монархическая традиции в истории российского крестьянства // Новый мир. 1989. № 9. С. 218–229.
22. Кабанов В.В. Судьбы кооперации в советской России: проблемы, историография // Кооперативный план: иллюзии и действительность. М., 1995. С. 212–248.
23. Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация в России XX века. М.: Изд. центра Ин-та рос. истории, 1997. 155 с.
24. Гутерц А.В. Николай Верещагин. На благо отечества. Вологда: Изд. дом «Вологжанин», 2011. 376 с.
25. Иванов А.В. Отечественная историография и история маслодельной кооперации Сибири начала XX века // История науки и техники. М., 2008. № 8. С. 46–50.
26. Бунин А.О., Кабанов А.Ю. Масло-молочная кооперация Сибири в конце XIX – начале XX века: проблемы становления и развития // Кооперация Сибири: проблемы истории, экономики и социальных отношений: сб. науч. тр. Новосибирск: Сибпринт, 2009. Вып. 6. С. 28–45.
27. Панова М.В. Сельская кооперация Западной Сибири в период Первой мировой войны и революции: дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. 230 с.;
28. Рынков В.М. Роль сибирской кооперации в заготовках продовольствия в годы Первой мировой войны // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. 2013. № 5–6. С. 27–52.
29. Рынков В.М. Сибирская кооперация в годы Первой мировой войны: проблемы и итоги изучения // Кооперация Сибири: проблемы социальной и экономической истории: сб. науч. тр. Новосибирск: Сибпринт, 2013. Вып. 7. С. 27–52.

30. Шиловский М.В. Роль государства в развитии производительных сил Сибири во второй половине XIX – начале XX: к постановке проблемы // Роль государства в хозяйственном освоении и социокультурном развитии Азиатской России XVII – начала XX века: сб. материалов регион. науч. конф. Новосибирск, 2007. С. 15–25.

31. Пивоваров Н.Ю., Рынков В.М. Сибирская кооперация в системе властных отношений в эпоху войн и революций 1914–1920 гг. // Власть и общество в Сибири в XX веке: сб. науч. ст. Новосибирск: Параллель, 2012. Вып. 3. С. 35–58.

32. Ильиних В.А. «Масляная война» 1923–1928 гг. в Сибири (государство, кооперация и частный капитал на заготовительном рынке в условиях нэпа). Новосибирск: [б.и.], 1996. 98 с.

33. Николаев А.А. Сибирское маслоделие в 1920-е годы: попытки вернуть былое могущество в условиях нэпа. // Экономика и организация промышленного производства. 2016. №7. С. 81–92.

34. Николаев А.А. Как Сибирь в начале XX в. оказалась в центре мировой торговли маслом // Экономика и организация промышленного производства. 2016. № 6. С. 36–49.

REFERENCES

- Goryushkin L.M. Siberian peasantry at the turn of two centuries. Late XIX – early XX. Novosibirsk, 1967, 412 p. (In Russ.)
- Malyarevskiy G.Ya. Information about the Union of Siberian butter-making cooperatives. Kurgan, 1918, 48 p. (In Russ.)
- Chaykovskiy N.V. Cooperative motion in Siberia: Union of Siberian butter-individual cooperatives. Saint Petersburg, 1914, 56 p. (In Russ.)
- Murashkintsev A.A. Cooperative butter production in West Siberia. Saint Petersburg, 1902, 26 p. (In Russ.)
- Murashkincev A.A. On butter production and export in West Siberia. (A report on a business trip to Tobolsk Province). Saint Petersburg, 1902, 59 p. (In Russ.)
- Tregubov N.M. Economic study of butter manufacturing in Siberia. Khar'kov, 1906, 178 p. (In Russ.)
- Makarov N.P. Peasant cooperative movement in West Siberia. Moscow, 1910, 204 p. (In Russ.)
- Makarov N. Market dairy farming. Petrograd, 1917, 105 p. (In Russ.)
- Krainskiy V.V. Community and cooperation. Essays on the history of peasant households in West Europe and Russia. Saint Petersburg, 1907, 43 p. (In Russ.)
- Makarov N.P. Market dairy farming and cooperation. Moscow, Leningrad, 1926, 224 p. (In Russ.)
- Shisha A.A. The foreign capital's role in the economic life of Siberia. Novonikolaevsk, 1923, 92 p. (In Russ.)
- Korolyov A.M. Siberian dairy cooperation (past and present). Moscow, Leningrad, 1926, 62 p. (In Russ.)
- Sosnovskiy L. Preface. Stepanenko I.F., Komkov M.P. *Sibirskoe maslodeliye*. Novosibirsk, 1928, pp. 3–36. (In Russ.)
- Stepanenko I.F., Komkov M.P. Siberian butter industry. Novosibirsk, 1928, 201 p. (In Russ.)
- Ershov V.P. Stepanenko I.F. Mechanized butter plants in Siberia. Novosibirsk, 1930, 299 p. (In Russ.)
- Merinov A.F. For the quality of export butter. Moscow, Leningrad, 1932, 48 p. (In Russ.)
- Alekseeva V.K. The cooperative movement in Siberia: the late XIX – early XX century. Novosibirsk, 1993, 118 p. (In Russ.)

18. Goryushkin L.M. Cooperation in the Siberian village during the First World War. *Khozyaystvennoe osvoenie Sibiri i rost eyo narodonaseleniya (XVIII – XX vv.)*. Novosibirsk, 1979, pp. 142–157. (In Russ.)

19. Goryushkin L.M. Farming community and dairy cooperatives in Siberia (the late XIX – early XX centuries). *Krest'yanstvo Sibiri XIX – nachala XX v. (klassovaya bor'ba, obshchestvennoe soznanie i kul'tura)*. Novosibirsk, 1975, pp. 189–206. (In Russ.)

20. Emel'yanov N.F., Perezhogina I.N., Semenova O.G. Peasant socialism in the Urals under capitalism. Kurgan, 1994, 160 p. (In Russ.)

21. Pokrovskiy N.N. Secular and monarchical traditions in the Russian peasantry history. *Novyy mir*; 1989, no. 9, pp. 218–229. (In Russ.)

22. Kabanov V.V. Fates of cooperation in Soviet Russia: problems, historiography. *Kooperativnyy plan: illyuzii i deistvitel'nost'*. Moscow, 1995, pp. 212–248. (In Russ.)

23. Kabanov V.V. The peasant community and cooperation in Russia in the XX century. Moscow, 1997, 155 p. (In Russ.)

24. Guterts A.V. Nikolay Vereshchagin. For the good of the fatherland. Vologda, Vologzhanin, 2011, 376 p. (In Russ.)

25. Ivanov A.V. Domestic historiography and history of butter producing cooperation of Siberia in the early XX century. *Istoriya nauki i tekhniki*, 2008, no. 8, pp. 46–50. (In Russ.)

26. Bunin A.O., Kabanov A.Yu. Dairy cooperation of Siberia in the late XIX – early XX centuries: problems of formation and development. *Kooperatsiya Sibiri: problem istorii, ekonomiki i sotsial'nykh otноsheniy*. Novosibirsk, 2009, pp. 28–45. (In Russ.)

27. Panova M.V. Rural cooperation in West Siberia during the First World War and revolution: dissertation. Moscow, 2001, 230 p. (In Russ.)

28. Rynkov V.M. The role of Siberian cooperation in food procurement in the First World War. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Series. Gumanitarnye nauki*, 2013, no. 5/6, pp. 27–52. (In Russ.)

29. Rynkov V.M. Siberian cooperation during the First World War: problems and study results. *Kooperatsiya Sibiri: problemy sotsial'noy i ekonomicheskoy istorii*. Novosibirsk, 2013, vol. 7, pp. 27–52. (In Russ.)

30. Shilovskiy M.V. The state's role in the productive forces development of Siberia in the late XIX – early XX centuries: the problem formulation. *Rol' gosudarstva v khozyaystvennom osvoenii i sotsiokul'turnom razvitii Aziatskoy Rossii XII – nachala XX veka: sb. materialov region. nauch. konf.* Novosibirsk, 2007, pp. 15–25. (In Russ.)

31. Pivovarov N.Yu., Rynkov V.M. Siberian cooperation in the system of power relations in the era of wars and revolutions of 1914–1920. *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke*. Novosibirsk, 2012, vol. 3, pp. 35–58. (In Russ.)

32. Il'inykh V.A. “Butter war” of 1923–1928 in Siberia (the state, cooperation and private capital in the procurement market under NEP conditions). Novosibirsk, 1996, 98 p. (In Russ.)

33. Nikolaev A.A. Siberian butter production in the 1920s: attempts to return the former power under NEP conditions. *Ekonomika i organizatsiya promyshlennogo proizvodstva*, 2016, no. 7, pp. 81–92. (In Russ.)

34. Nikolaev A.A. How Siberia found itself at the center of butter world trade in the early XX century. *Ekonomika i organizatsiya promyshlennogo proizvodstva*, 2016, no. 6, pp. 36–49. (In Russ.)

Статья принята редакцией 20.06.2019

DOI: 10.15372/HSS20190304
УДК 94:061(481)''1928''(093.3)

С.Г. ПЕТРОВ

**«ВООБЩЕ КОНГРЕСС[-]ТО ЭТОТ БОЛЬШЕ ПОХОЖ НА ПИКНИК,
ЧЕМ НА УЧЕНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ»: ПИСЬМА В.В. АДОРАТСКОГО
О ПОЕЗДКЕ НА МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ИСТОРИКОВ 1928 г.***

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье рассматривается прошедший в августе 1928 г. в норвежской столице Осло VI Международный конгресс исторических наук, в работе которого впервые приняла участие официальная советская делегация. Внимание уделяется такому историческому источнику, как эго-документы, содержащие личные впечатления советских участников конгресса о пребывании в Норвегии. В статье введен в научный оборот, проанализирован и опубликован состоящий из шести писем полный корпус частных посланий из Осло В.В. Адоратского. Данный эпистолярный корпус содержит не встречающуюся более нигде подробную информацию о работе конгресса, услышанных докладах, культурных столкновениях, встречах с зарубежными коллегами, общении с ними, а также о повседневной бытовой стороне поездки в Осло, начиная с получения виз, решения непростых транспортных проблем и до описания ярких впечатлений от культурной программы конгресса, местных достопримечательностей, банкетов и застолий, проживания в студенческом общежитии.

Ключевые слова: история исторической науки, VI Международный конгресс историков, советские историки, В.В. Адоратский, эпистолярные источники, повседневность.

S.G. PETROV

**“IN GENERAL, THIS CONGRESS IS MORE LIKE A PICNIC
THAN A SCIENTIFIC ENTERPRISE”: LETTERS OF V.V. ADORATSKY
ABOUT THE TRIP TO THE INTERNATIONAL CONGRESS OF HISTORIANS, 1928**

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The paper considers the VI International Congress of Historical Sciences held in August 1928 in Oslo, the Norwegian capital. The official Soviet delegation took part in the work of Congress for the first time. It pays attention to such a historical source as ego-documents containing personal impressions of the Soviet participants of the Congress about their sojourn in Norway. The article introduces into scientific circulation, analyzes and publishes full body of private messages consisting of six letters from Oslo by V.V. Adoratsky. This epistolary corps contains nowhere else published detailed information about the Congress activity, presented reports, lobby discussions, meetings with foreign colleagues, communication with them, as well as the everyday life during the trip to Oslo, starting with getting visas, solving difficult transportation problems, and to depicting the vivid impressions of the cultural program of the Congress, local sights, solemn banquets and feasts, habitation in a student hostel.

Key words: history of historical science, VI International Congress of Historians, Soviet historians, V.V. Adoratsky, epistolary sources, everyday life.

Прошедший в августе 1928 г. в норвежской столице Осло VI Международный конгресс исторических наук вошел в историю отечественной исторической науки как первый

подобного рода форум, на котором присутствовала официальная советская делегация. На конгресс приехало 12 человек: М.Н. Покровский (председатель делегации), В.В. Адо-

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-09-00094а: «Интеллектуальный лидер и его окружение: формирование социокультурной идентичности».

Станислав Геннадьевич Петров – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: petrov_istochnik@mail.ru.

Stanislav G. Petrov – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History SB RAS.

ратский, Б.Л. Богаевский, В.П. Волгин, С.М. Дубровский, Е.А. Косминский, Н.М. Лукин, И.И. Минц (секретарь делегации), В.И. Пичета, П.Ф. Преображенский, В.А. Юринец, М.И. Яворский¹. Они представляли Москву и Ленинград, а также Белоруссию (Пичета) и Украину (Юринец, Яворский). Большинство из них были из когорты историков-марксистов, преподавателей Коммунистической академии и Института красной профессуры, состоявших в непосредственном подчинении М.Н. Покровского.

Формальная сторона конгресса (количество участников конгресса, представленные государства, состав советской делегации, тематика докладов и т.д.) освещены в справочных, коллективных и монографических изданиях [2; 3, с. 178; 4, с. 22–23]. В периодической печати того времени приведено содержание прозвучавших на конгрессе отдельных научных докладов, в том числе и В.В. Адоратского, опубликованы отчеты и доклады о поездке в Норвегию [1, с. 90–96; 5; 6; 7; 8; 9]. Изданы также сохранившиеся официальные документы, посвященные подготовительной работе, проведенной перед поездкой [10]. Вместе с тем, до сих пор остаются без внимания эго-документы, в которых рассказывается о частных впечатлениях о конгрессе и пребывании в Осло.

В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) в личном фонде академика В.В. Адоратского сохранился небольшой корпус таких эго-документов – шесть его частных писем, присланных из Норвегии жене и дочери – Серафиме Михайловне и Варваре Владимировне (в письмах жена названа домашним именем – Сара)². Письма эти находятся в одном архивном деле вместе с другими посланиями В.В. Адоратского, адресованными тем же лицам и содержащими его впечатления от длительной заграничной командировки 1928 г., продолжавшейся больше двух месяцев³. Сохранившиеся документы имеют крайние даты – 3 июля и 1 сентября 1928 г. Помимо участия в этом конгрессе он был членом делегации на советской исторической неделе в Берлине, прошедшей в июле 1928 г. Свое пребывание в Германии до Осло и после него В.В. Адоратский использовал, чтобы переслать в СССР вещи и книги, оставшиеся здесь в результате длительного проживания в разных немецких городах до революции его самого, жены и дочери, когда они были эмигрантами, а затем, в годы Первой мировой войны, – гражданскими пленными.

В письмах В.В. Адоратского весьма подробно освещается эта часть его зарубежной командировки, особенно все то, что связано с местами, которые были памятны ему и его адресатам, и с произошедшими за время их отсутствия изменениями. Более подробно, чем о международном конгрессе в Осло, говорится в письмах и о советской исторической неделе в Берлине, причем приводятся сведения, которые обычно не вносятся в официальные отчеты.

¹ К сожалению, до сих пор не установлено точное число историков, входивших в советскую делегацию и принявших участие в конгрессе. В литературе и источниках их количество колеблется от 11 до 17 человек. На мой взгляд, наиболее полный состав с указанием фамилий участников и названий прозвучавших в Осло докладов привел И.И. Минц, но при этом он не включил себя в данный перечень [1, с. 94].

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 559. Оп. 1. Д. 140. Л. 33–40 об.

³ Там же. Л. 1–32, 41–50.

Так, например, в послании от 9 июля 1928 г. он сообщал об ужине 8 июля в небольшом винном ресторане, где в присутствии почти 30 немецких историков глава советских историков-марксистов М.Н. Покровский в своем выступлении отметил, что «он учился методологии истории у немецких ученых (у Ранке)»⁴. А в письме от 11 июля 1928 г. о своей прозвучавшей днем раньше двухчасовой лекции о состоянии советских архивов и архивной реформе В.В. Адоратский, не без гордости за свое знание немецкого языка, радостно оповестил своих домашних, что «М.К. Любавский сказал мне, что я был первый немецкий оратор, которого он понял. Пока из всех наших оказалось[,] что я говорю всех правильнее по[-]немецки»⁵.

В Норвегии Адоратский был впервые, норвежским языком он не владел, поэтому письма из Осло написаны несколько иначе, но также с подробным описанием всего увиденного и происходившего с ним. Напомню, что основной адресат его писем, жена, была инвалидом, практически не выходящим из дома. Видимо, с учетом этого обстоятельства автор старался придать письмам занимательный характер, окрашивая зачастую свои описания легким ироническим взглядом на норвежскую действительность. В его посланиях можно найти подробные рассказы о работе конгресса, услышанных докладах, кулуарных столкновениях, встречах с зарубежными коллегами, общении с ними, взаимоотношениях между участниками советской делегации, но особенно о том, что могло вызвать неподдельный интерес домашней женской аудитории – о повседневной бытовой стороне поездки в Осло, начиная с получения виз, решения простых транспортных проблем и до описания ярких впечатлений от культурной программы конгресса, местных достопримечательностей, банкетов и застолий, проживания в студенческом общежитии и т. д. Конечно же, все это придает особый колорит письмам Адоратского, делает их ценным историческим источником, содержащим не встречающуюся более нигде подробную информацию о пребывании советских историков на конгрессе в Осло.

Одной из особенностей писем являются детальные описания состава разнообразных продуктов и меню завтраков, обедов, ужинов, торжественных банкетов и ресторанных застолий. Столь заостренный гастрономический интерес можно объяснить психологическими последствиями испытанного в годы Первой мировой войны отчаянного голода, когда Адоратские были гражданскими пленными в Германии. Подобные раблезианским описания пиршеств также могли быть последствием хронических советских трудностей с продовольствием. Напомню, что в этот период в СССР на отдельных территориях уже была введена карточная система распределения продуктов, и на горизонте маячил очередной массовый голод. Адоратский даже счел возможным образно сравнить конгресс историков с непрерывно продолжавшимся праздничным пикником. Нужно, правда, сказать, что в такого рода оценках этого научного форума он был не одинок. Уже после приезда в Москву М.Н. Покровский отметил, что у участников конгресса из других стран отношение к нему было, скорее, как к «всемирному параду» и «приятному препровождению времени»: «На 5 дней конгресса приходилось

⁴ Там же. Л. 8.

⁵ Там же. Л. 9.

3 банкета, до полднюины приемов, начиная от приема у короля, 3 парадных завтрака» [7, с. 232].

Остановлюсь еще на одном моменте, который привлекает внимание при чтении писем Адоратского – исключительно доброжелательное отношение организаторов конгресса норвежцев и других скандинавских ученых-историков к советской делегации и докладу о советских архивах автора писем. Думается, что свою роль здесь сыграли особые отношения, сложившиеся у них с Центрархивом. На рубеже 1920–1930-х гг. скандинавские ученые получили самый широкий доступ к архивным материалам по истории отношений их стран и России с древнейших времен вплоть до советского периода и беспрецедентные возможности по их копированию. Все это было сделано в условиях, когда в других европейских странах допуск историков к таким доку-

ментам был закрыт. Оживленные связи со скандинавскими учеными привели даже к созданию совместной специальной Международной комиссии по научно-историческому исследованию взаимоотношений скандинавских стран и России [11, с. 74; 12].

Письма В.В. Адоратского публикуются с сохранением авторской орфографии и имеющейся пунктуации. Сокращенные слова, пропущенные знаки препинания дописываются в квадратных скобках. Воспроизведены авторские подчеркивания слов и особенности написания строчных и прописных букв. В археографических легендах, чтобы не повторять шифр одного и того же архивного дела (РГАСПИ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 140), в котором находятся публикуемые письма, приводится только соответствующая им нумерация листов.

№ 1

12 августа 1928 г.

(л. 33) Милые Сара и Варя, сегодня в 11 часов прибыли в Осло. (Как здесь разъясняют[,] норвежцы говорят не [«]о[»], а [«]у[»]). Я писал уже вам с дороги (отправил 1) открытку с парома, в брюхе которого стоял наш поезд, переезд продолжался часов 6[,] был великолепен. Потом 2) письмо с того же парома, на его бумажке. 3) Наконец[,] открытку уже из Норвегии с фиордами[)]. Из Швеции послать не удалось, я на шведов разсердился: – это такие дураки: – разводили бузу из[-]за визы, а кондуктора их ничего не понимают, остолопы на всех языках (и по[-]шведски тоже), потому что рядом со мной ехала дама[,] говорившая прекрасно по[-]шведски, но тоже толку добиться не могла. Мы сели в Берлине в поезд 11-го августа около 10 ч[асов]. В 10 ч[асов] 15 [минут] он отошел. Пошел на Рюген (переехали небольшой пролив на остров Рюген), потом по Рюгену до Сасница), а оттуда паромом в Швецию – Треллеборг. У меня было спальное место 2-го класса. Надо сказать, что без этих спальных мест я был бы уже давно «карutt»¹, потому что такая далекая езда, это все же такая трепка – из Мюнхена в Осло – это не шутка – расстояние приблизительно не меньше[,] чем из Москвы в Тифлис. Спальное место я заказал еще в Мюнхене[,] т[ак] к[ак] знал точно день[,] когда поеду. Действительно посадили меня в вагон, который шел прямо из Берлина в Осло. А Мих[аил] Ник[олаевич]² с женой³ и Минцем⁴ (секретарем нашей делегации) попали почему[-]то в вагон[,] который шел в Стокгольм, почему им пришлось^а пересаживаться. В трюме парома, в темноте поезд стоял целых 5, если не 6 часов[,] совсем пустой – тут[-]то бы и устроить спальные места. На шведскую территорию мы попали около 9 часов веч[ера]. Так нет! Только когда вся публика набилась в вагон, да еще так, что там[,] где полагается 4 спальных места, набилось 6 человек, только тогда стали готовить постели. Шведские кондуктора [-] проводники^б спального вагона^в [-] толстые, молчаливые, обливаясь потом, и не в состоянии будучи^г членораздельно разъяснить даже по[-]шведски[,] куда же денутся лишние // (л. 33 об.) сидящие тут люди, свирепо и сосредоточенно швыряли простыни, подушки, матрацы, одеяла^д, а мы толклись в узком проходе[,] подталкиваемые мотавшимся от скорого хода поездом и ходящими взад и вперед такими же безпризорными пассажирами. Я отводил душу[,] ругая^е по[-]немецки[,] шведские порядки, разговаривая с[о] шведской седой дамой[,] ехавшей^ж в Стокгольм и тоже вышвырнутой в коридор свирепым проводником. Потом дело разъяснилось так: Шведские жел[езные] дороги имеют обычай (ради экономии что-ли) спальные вагоны днем использовать для сидячих мест. В двух местном купе садят троих. Двое из этих троих тут будут и спать, а третьего на ночь куда[-]то вышибают. Глупо до последней степени. Но наконец все уладилось[,] и ча[са]м к половине одиннадцатого я оказался всего вдвоем с испанцем из Барселоны – архитектором – специалистом по истории искусства (архитектуры)[,] тоже едущим на конгресс в Осло. Мы с ним объяснялись по[-]французски. Спал ночь я превосходно. Утром таможенный досмотр был очень поверхностный; а в вагон дали замечательный завтрак[,] за который взяли две кроны (т[о] е[сть] 2 марки – 1 рубль). Большая корзинка с крышкой[,] в ней пять отделений разного размера[,] отделенных перегородками. В одном лежит термос с кофе (три чашки больших), в другом [-] большая коробка с 6³ большими кусками хлеба с сыром, ветчиной, яйцами и два больших куска кекса, баночка со сливками с завинчивающейся металлической крышкой[,] пакетик с сахаром

^а Исправлено черными чернилами поверх ранее написанного: приходилось;

^б – ^в вписано черными чернилами над строкой со знаком вставки;

^г вписано черными чернилами над строкой со знаком вставки;

^д исправлено, в документе: одеяла;

^е исправлено черными чернилами поверх ранее написанного: ругаясь;

^ж исправлено черными чернилами поверх ранее написанного: ехавший;

^з исправлено черными чернилами поверх ранее написанного: 3;

и с солью, чашка, блюдечко, ложка, бумажная салфетка. Как глупо было устройство вечером, настолько умно было устроено это. Местность[,] по которой шел поезд[,] – специфически скандинавская: серые скалы кругловатые, не острые, поросшие мхом и лесом. Фиорды сначала мелкие с невысокими горами. Крупные фиорды [–] на севере Норвегии, их мы не видали. // (л. 34) Много берез, дома больше деревянные, дороги пыльные, шоссе хуже немецких, вообще такой чистоты[,] как в Германии[,] нет. Такой местностью я ехал с 7 часов утра до 11 час[ов] утра 12-го августа. По фиордам ездят яхты, моторки, вообще[,] видимо^И[,] приятно покататься. Это уже море^К, хотя вид у него[,] совсем как у озера или у реки. Воздух морской, порождающий аппетит. Посему есть хочется сильно. На пароме (пароходе) я обедал, ел судака, сидя в большой рубке[,] напоминающей лучшие волжские пароходы, только еще больше и внушительнее. От Осло по этому морскому фиорду нужно плыть паромом часов 6[,] чтобы добраться до настоящего моря.

На вокзале нас встретили представители нашей миссии⁵, повели в дом миссии. Первое впечатление от Осло – тихий, провинциальный городок, с уютными голубыми (this is the hom[e] colour here!⁶) вагончиками[,] Такой чистоты и вылизанности, как в немецких городах[,] нет, но нельзя сказать, что грязно. Квартира нам была уже готова, я еще на пароме видел напечатанную тетрадку, где все наши фамилии были напечатаны с соответственными указаниями, где мы будем жить. Покровский[,] я и еще несколько попали в Блиндерн (Blindern) – это за городом студенческое общежитие. Очаровательное место. Двухэтажные корпуса, коридорная система, небольшие комнаты с покрытым лаком полом, в который можно смотреться. При каждом^Л 2-х^М комнатах – душ с горячей и холодной водой, который я немедленно же принял (habe mich fücktig gewaschen) – поэтому опять имянинник. Тут же нас накормили обедом: – в три часа – 1) яйцо крутое с макаронами[,] 2) Вареное мясо с грудой капусты простой, цветной, помидор, картофеля[,] 3) Торт со сбитыми сливками и цукатами. Вид торта – имянинный gala⁷. //

(л. 34 об.) Все помещения студенческого общежития (мне дали № 404[,] откуда я заключаю, что оно вмещает более 4-х сотен) отличаются чистотой, уютностью, элегантностью, массой света и воздуха. Кругом лужайки, посередине фонтан, забор из кустов крупных чайных роз, к[ото]рые в настоящее время цветут. Пейзаж: – даль фиорда с волнистой линией холмов[,] поросшей щеткой леса – вроде наших волжских берегов (горы не высокие). Воздух хорош.

Вот пока все.

В вагоне со мной ехал еще профессор из Салоник (грек)[,] видом похожий на дон Кихота, много итальянцев. Кто они такие – не знаю. Завтра от 5 до 7 приглашены к Олафу Броку⁸ на чай. Послезавтра открытие[,] а 15 [–] мой доклад.

Целую вас. Все[-]таки[,] как ни хорошо, хочется скорее домой.

Твой В[ладимир].

12/VIII[,] Oslo[,] Blindern[,]

Studentenheim⁹.

Л. 33–34 об. Рукописный подлинник, автограф черными чернилами.

№ 2

13 августа 1928 г.

(л. 35) 13 августа 1928 г. Oslo. Blindern[,]

Милые Сара и Варя, вчера была прекрасная погода, а сегодня пасмурно и с перерывами льет дождик. Но тепло. Вчера после обеда секретарь здешнего посольства т[оварищ] Мирный¹⁰ возил нас на машине[,] показывал Осло и окрестности. Местами Осло напоминает Казань, местами [–] пригород Лондона, в окрестностях все больше двух-этажные деревянные домики[,] выкрашенные в зеленый (некоторые прямо черные) цвет[,] с белыми рамами и облицовкой окон. Домики кокетливые и чистенькие. Ездили на самый высокий пункт около Осло – (приблизительно 600 метров) – оттуда чудный вид на фиорд – панорама. На верху совсем прохладно. Съехали вниз и на берегу около порта сидели в кафе[,] закусили и вернулись домой. Кровать узкая и жесткая, но ничего, спал я здорово. У норвежцев перина в белой наволочке. Я ее, конечно, выставил на комод и спал под своим пледом. Оказался очень теплым и как раз размером[,] чтобы им можно было одеться (но пришлось спать без простыни, т[ак] к[ак] простыня пришита к проклятой перине). Использую душ во всю[,] тем более, что неизвестно[,] еще кого поместят рядом со мной – там двойная комната; наверное[,] поместят супругов[,] и тогда будут опасные конкуренты на пользование душем. В Германии я достал замечательное мыло – без запаха, чистая пена и на тесемке с костяным кольцом, так что его можно вешать. Мылится монбланами пены. Сегодня в 5 часов будем на чае у Брока, а завтра уже открытие. Подумываю об обратном пути. Поеду через Берлин[,] где мне придется пробыть несколько дней[,] чтоб обделать все дела, купить тебе слуховой аппарат и уладить окончательно перевозку книг. // (л. 35 об.) Здесь студенты говорят или по[-]немецки[,] или по[-]английски[,] на каковых язы-

^И вписано черными чернилами над строкой со знаком вставки;

^К исправлено черными чернилами поверх ранее написанного: моря;

^Л – ^М исправлено черными чернилами поверх ранее написанного: каждой ко[мнате].

ках мы и объясняемся. Я стал оживлять свой английский язык. Mädchen¹¹, которые прислуживают за завтраком, понимают только по[-]норвежски. Я знаю пока только[:] [«]brød^a[»] – хлеб и [«]tak^b[»] – благодарю. Начинаю подзревать, что норвежский язык просто исковерканный немецко-английский (Humbug¹²).

Завтрак здесь с 8 до 10[,] поражает изобилием: Дают 1) тарелку овсянки[,] 2) огромный бокал молока[,] 3) гору масла[,] 4) яйцо[,] 5) хлеба[,] сколько угодно[,] 6) сыр разных сортов[,] 7) сардинки[,] 8) кофе со сливками[,] сколько хочешь[,] 9) малиновое варенье. Я добросовестно ел все.

Сегодня получил круглый значек члена конгресса с изображением викингского корабля с парусом и надписью кругом по краю медали: [«]VI-e Congres international^b des sciences historiques. Oslo 1928[»]¹³. Красуется у меня на отвороте пиджака. Вот пока все.

В письмо кладу две открытки.

Целую Вас[.]

Ваш В[ладимир].

13/VIII/1928. Oslo[.]

Blindern[,] Studentenheim^г.

Вчера^д видел Мейснеров¹⁴[,] и они написали на конверте привет, но т[ак] к[ак] я вчера не успел отправить письма (мы живем за городом[,] и где почта я еще не знаю), то я вложил в новый конверт^е.

Л. 35–35 об. Рукописный подлинник, автограф черными чернилами.

№ 3

16 августа 1928 г.

(л. 36) 16/VIII/1928.

Ну, наконец, я отделался от доклада. 14 августа конгресс торжественно открылся в актовом зале университета. Я посылал вам карточку с видом университета. Актальный зал был бы совсем недурен, если бы не отвратительные вхутемасо-безграмотные «фрески» на стенах. В 10 ч[асов] утра вошел король (которого я не видал)[,] заиграла музыка что[-]то симфоническое, все сели. Музыка сыграла минут 10[,] потом фотографировали зал со всеми присутствующими, а потом проф[ессор] университета в Осло Коht¹⁵ (читают Кут) стал говорить на четырех языках (франц[узском], немец[ком], английский[ом], норвежск[ом]) о конгрессе, его значении[,] и потом говорил о национальном вопросе (что, я толком не понял). Затем вышел католический французский поп – монсиньор Бодрийяр (Baudrillar) [-] в шелковом малиновом галстуке, сутане и малиновой чапашке и произнес проповедь о Людовике XIV. (Понимать его было трудно.) Лучше всех произнес речь немец Brandi¹⁶ о Карле V. Затем говорил чрезвычайно похожий на московского проф[ессора] Егорова¹⁷ (был с нами на берлинской неделе) – Henri Pirenne¹⁸ – об исламе в начале средних веков – я ни одного слова не понял[,] и[,] наконец[,] какой[-]то американец Alfr[ed] Kidder¹⁹ (Washington)[,] которого я понял еще меньше. Открытие было, по[-]моему, образцово скучным. Вавилонское столпотворение языков[,] и ничего не поймешь. На послеобеденное заседание я не пошел, потому что мне было необходимо проверить себя[,] точно ли мой доклад уложится в 1/2 часа. Этим я и занялся. Оказалось, что укладывается. Тогда я успокоился[,] и мы пошли (или[,] вернее[,] поехали) в город на вечер в так называемый Akerhus^{a, 20} – Ословский Кремль, где местный муниципалитет давал^b нам прием в 7 1/2 ч[асов] вечера. Очень старинные интересные постройки на горе, командующие над городом и заливом. Превосходный вид на бухту, где перед самыми окнами внизу красовался великолепный белый с желтой трубой океанский громадина – пароход (немецкий пароход[,] делающий рейс в Южную Америку) – весь залитый огнями, в светлых[,] начинавших наступать сумерках. В залах средневекового вида (как в шильонском замке) стояли громадные столы[,] обильно уставленные снедью и питьем (богатейшее угощение: не только закуски, как бутерброд[ы,] омары, разные рыбы, но и блюда с холодными курицами, какими[-]то дичинами и т[ак] д[алее], великолепные^b торты – словом[,] // (л. 36 об.) Осло не поскупилось). Мы добросовестно отдали честь всему[,] и я заключил пиршество двумя приличными кусками торга. Надо сказать, что на приеме было 1000 человек, а еды заготовлено было на глазомер – на две тысячи. Девушки – в белых платьях и голубых лентах через плечо (дочери местных бюргеров и почтенных людей) [-] очень приветливо разносили и разливали воду, пиво и вино. Вино стояло[,] также наливаемое в рюмках с мой кулак величиной[,] стройными рядами. Публика толкалась в тесных^г залах и гудела. Было тес-

^a Так в документе, следует: brød;

^b так в документе, следует: takke;

^в исправлено черными чернилами поверх ранее написанного: internationale;

^г исправлено, в документе: Studentenhjem;

^{д-е} вписано простым карандашом.

^a Исправлено, в документе: Akerhus;

^b исправлено простым карандашом поверх ранее написанного: делал;

^в исправлено простым карандашом поверх ранее написанного: великолепныя;

^г исправлено простым карандашом поверх ранее написанного: тесным;

но, но во всяком^д случае веселее, чем утром. Знакомых у меня из местных людей – оказалось только одна жена Брока²¹. Самого Брока я не мог отыскать в толчее. В 9 ½ часов мы ушли[,] а в 10 я уже спал.

Вчера 15-го, спешно позавтракав, я отправился на свою секцию. Надо сказать, что еще^е 14 вечером я получил записку от здешнего завед[ующего] архивом Scheel'я²² с просьбой не отказаться быть председателем на вечернем заседании нашей секции 15-го. На секции у нас народу было не много, но больше, чем на других. До меня были три доклада[,] из которых один – доклад Пашковского (поляк – архивист – долго служивший в архиве в Берлине, а после войны перекочевавший в Польшу). Хотя он великолепно говорит по[-]немецки (также и по[-]русски недурно)[,] доклад свой он сделал по[-]итальянски (на очень приличном итальянском языке)[,] видимо[,] из демонстрации. Он говорил о необходимости подчинить архивы действующих учреждений научному контролю (в вопросе уничтожения материалов, но также и в вопросе самой^ж организации архива) – архивного управления. Предложив, чтобы конгресс принял соответствующую резолюцию. Мейснер и я поддержали это предложение.

Потом дали слово мне. Доклад я сделал, как будто вполне прилично, после доклада ко мне подходили и некоторые даже поздравляли с тем[,] что сделал хороший доклад. Но во время моего доклада произошел некий инцидент, которого я сам не заметил, но о котором мне рассказал Минц[,] присутствовавший среди публики. (Между^з прочим, на моем докладе публики было 27 человек – это много^н.) // (л. 37) Среди публики были два^к француза[,] и секретарем сидела французская девица. Когда я стал говорить о культурном значении нашей архивной реформы[,] сделанной пролетарским государством, – французы стали подхихикивать и шептаться между собой, что[-]то насчет большевизма. Девица им сочувственно вторила. И так было во всех тех местах доклада, где говорилось о пролетарской революции, советском государстве и т[ак] д[алее]. Когда я кончил, взял слово Фрис²³, присутствовавший на моем докладе. Он заявил прежде всего, что в виду того, что мной (проф[ессором] Адоратским) сделан доклад об архиве[,] он не будет повторять то, что хотел рассказать о наших архивах. Но он должен заявить, что он был прямо поражен[,] какую огромную работу проделали русские архивисты в самое тяжелое время, и заявить также, что прием[,] оказанный ему в архиве[,] и возможность использовать находящиеся там сокровища – превзошли все его ожидания. Вообще он говорил в самых теплых выражениях, так что физии французики стали сильно вытягиваться[,] и они «смылись», когда после Фриса встал Мейснер и произнес тоже не менее прочувствованную речь, в которой отметил блестящее разрешение нами вопроса об уничтожении архивных материалов и вопроса о частных архивах[,] спасенных нами для исторической науки. Французская девица[,] секретарствовавшая[,] была прикована к месту и потому «смыться» не могла. Председатель секции какой[-]то немецкий профессор²⁴ (симпатичный, напоминавший мне по своей внешности нашего Михайлова²⁵ – председателя общ[е]ства старых большевиков) произнес прочувственное заключительное слово. Таким образом[,] можно сказать[,] что доклад сошел удачно. Я пустил по рукам свои диаграммы и сборники наших архивных^л законов. После доклада к[о] мне подходил^м ряд лиц с просьбами дать им нашу литературу. Я обещал при условии присылки ими нам их литературы. После доклада завтракали с Мейснером и Фрисом в ресторане. А после завтрака я должен был еще выдержать испытание – председательствовать на вечернем заседании[.] // (л. 37 об.) Это тоже сошло в конце концов довольно благополучно[,] и в половине восьмого я отправился на обед к проф[ессору] Булю²⁶, пригласившему меня – одного из нашей делегации. Bull – симпатичный норвежец, марксист[,] у него дочь 18 лет (совсем взрослая симпатичная девица) и сын 15 лет. Приглашены к ним были два шведских профессора и какая[-]та шведская дама – брюкерка²⁷[,] обстриженная под Bubikopf²⁸ и курившая папиросы. Французский профессор из Страсбурга и трое немцев. Gofz – из Лейпцига – историк искусства, Моммсен²⁹ (внук известного Моммсена) – историк новейшей истории – симпатичный человек и какой[-]то неизвестный мне профессор. Обед был nett³⁰[,] и было ничего себе, я чувствовал себя приятно. Теперь свалено все официальное, я свободен. Сегодня в 5 ч[асов] прием у нас в посольстве[,] и тогда[,] пожалуй[,] окончательно от всяких приемов я освобожусь. К своему удовольствию[,] я к королю не попал. Приглашены были из нашей делегации – трое.

Ну[,] пока целую крепко. Напишу еще завтра.

Ваш В[ладимир].

16/VIII.1928.

Л. 36–37 об. *Рукописный подлинник, автограф простым карандашом (л. 36–36 об.) и черными чернилами (л. 37–37 об.).*

^д исправлено, в документе: всякому;

^е исправлено простым карандашом поверх ранее написанного: вч[ера];

^ж вписано простым карандашом над строкой со знаком вставки;

^з – и вписано черными чернилами в правом углу нижнего поля;

^к вписано черными чернилами над строкой со знаком вставки;

^л вписано черными чернилами над строкой со знаком вставки;

^м исправлено, в документе: подходило.

№ 4

17 августа 1928 г.

(л. 38) 17 августа 1928 г. вечером.

Сегодня с утра бегаю за визами на обратный выезд, а после обеда был осмотр норвежского народного музея: «Norsk Folkemuseum»³¹. Это очень большой парк с множеством настоящих крестьянских домов[,] иногда очень старинных – XIII-го века[,] привезенных из разных частей Норвегии и поставленных там в парке, в Осло. Около 7½ в парке на эстраде под открытым небом были танцы и пение. Молодые девицы и молодые люди[,] одетые в крестьянские костюмы (очень изящные)[,] устроили хоровод, пение и танцы. 1) Сначала пелась печальная длинная песня о какой[-]то несчастной любви: отец что[-]то был против. 2) потом был хоровод по-веселее[.] 3) Потом танцевала одна пара нечто вроде мазурки[,] перелицованной по-норвежски[.] 4) Потом танцевали шесть пар вроде^a кадрили – шесть фигур с переплетами и топотом ногами друг перед другом. 5) Танцевали двое парней[,] кувыркаясь, становясь на голову и сшибая ногой шляпу, которую держала на палке девица[,] стоявшая на стуле. 6) В заключение протанцевали оригинальный танец восемь пар: мужчины каждый держал по пылавшему факелу, а девицы каждая [-] гирляндочку (вроде веночка) цветов. Они становились в ряд друг перед другом, наступали и отступали, девицы становились на одно колено и преклоняли головы пред парнями. Потом ходили полонезом, расходились, переменились и т[ак] д[алее]. Танцы были или под собственное пение хором, или под скрипку.

Песни пела певица под аккомпанемент^b пианино[,] стоявшего под открытым небом под брезентом. Содержание песен: 1) Мужик играет на скрипке, он купил ее[,] продал последнюю корову. Молодая жена его плачет, и он наигрывает и заявляет, что ни за что не согласен продать скрипку, чтобы опять купить корову. 2) Молодые супруги живут высоко в горах. Жена пошла в // (л. 38 об.) долину, а муж остался с маленьким ребенком. Тот плачет, просит есть. Муж не знает, что ему делать, и кричит вниз в долину, зовет жену. А та поет ему снизу издали, что бы он взял посуду и надоил молока у коровы.

Костюм крестьянский: мужской [-] штаны до колен с^b серебр[яными] пуговицами^г, шерстяные чулки рисунком вроде кавказских – белые^д с черным рисунком или чисто белые. Жилет – зеленый или красный[,] суконный [-] и коротенькая курточка сверху. На голове фуражка такого фасона:^e низкие башмаки. Женщины: в белых рубашках, вроде как у наших баб[,] в коротких юбках темных, в черных чулках и башмаках. Корсаж и юбки вышиты по черному зеленым и синим[,] на голове чепчик тоже из сукна в цвет платья и вышитый так же[,] как корсаж. На груди брошь[.]

После пения и танцев было угощенье, но т[ак] к[ак] было сыро и холодно[,] мы сбежали в Осло в ресторан [«]Humlen[»], где обычно ужинаем. Там нас уже знают[,] и девицы – норвежские кельнерши³² – очень милые[,] объясняются с нами на половину по[-]немецки, на половину по[-]английски, а теперь мы начинаем и по[-]норвежски. Они говорят[:] [«]vaeg saa god[»]³³ (выходит [«]вер-шо-гу[»])[,] что значит [-] любезное приглашение есть, когда кушанье подано. Мы спрашиваем[:] [«]Fiske[»] (рыба[,]) [«]flyndern^ж[»] – камбала. [«]Kalv[»] – телятина, [«]Brød^з[»] – хлеб[,] и т[ак] д[алее]. [«]Bitte[»] – по[-]норвежски [«]веде[»]. [«]Нет[»] (отрицание^и) – [«]ikke[»].

В порту были в кафе – нам очень понравилось – демократично, дешево и чисто. Завтра конец конгресса.

Л. 38–38 об. Рукописный подлинник, автограф простым карандашом.

№ 5

18 августа 1928 г.

(л. 39) 18 августа, утром. Сегодня погода несколько приличнее, а то все время льет дождь. Вчера под конец дня облака разошлись и танцы могли состояться безпрепятственно. После завтра я уезжаю из Осло. В общем я здесь пробыл 6 дней (остается еще два с ½)[,] но[,] кажется[,] будто я тут уже давным[-]давно, столько всего навидался. Ходил смотреть немного город. Он очень своеобразен – скорее[,] напоминает английский город, чем немецкий.

Надоело жить в студен/ерхейм³⁴ – далеко от центра[.] А так[,] вообще[,] жить тут хорошо. Чистота сказочная. Лестницу моют с мылом [«]Фрекен[»], все замечательно чистенькие. Только разговаривать с ними невозможно[:] ничего не понимают. В ватере первоклассная чистота. Но главное это умывальник – душ с горячей водой во всякое время дня и ночи. Я во всю пользуюсь[,] конечно[,] этой благодатью. Перед сном обливаюсь,

^a Исправлено, в документе: вроди;

^b исправлено, в документе: аккомпанимент;

^{в-г} вписано простым карандашом над строкой со знаком вставки;

^д исправлено простым карандашом поверх ранее написанного: черные;

^e далее следует рисунок головы человека в профиль с головным убором, похожим на жокейку.

^ж так в документе, следует: flyndre;

^з так в документе, следует: brød;

^и вписано простым карандашом над строкой со знаком сноски.

моюсь ежедневно с ног до головы. Пол покрыт лаком[,] и в него^а можно смотреться. Кругом домиков кусты роз (розовые чайные). Когда дождя нет, – вид на фиорд.

3 ч[аса] 30 мин[ут] 18/VIII/1928^б. Ну[,] наконец[,] конгресс закончился сегодня в 1 час дня пленумом. Осталось только заседание президиума. В 5 ч[асов] должна собраться наша делегация в посольстве. Некоторые уезжают уже сегодня с поездом в 6 ч[асов] 5 минут. Я с этим поездом выезжаю 20-го, т[о] е[сть] после-завтра. 21 в 7 час[ов] вечера буду в Берлине. Остановлюсь Geisbergstr[аße,] 39. Там русский пансион сравнительно недорогой. Вы можете мне туда написать одно, два письма. Я пробуду в Берлине до 30 августа, чтобы обделать окончательно все дела по отправке книг и распрощиться с Германией. Я рад[,] что начинаю подвигаться в направлении к дому. Напишу подробнее завтра, а потом уж из Берлина.

Целую.

Ваш В[ладимир].

Л. 39. Рукописный подлинник, автограф черными чернилами.

№ 6

20 августа 1928 г.

(л. 40) Милая Сарочка, сегодня в 6 ч[асов] уезжаю из Осло. Вчера ездили на пароходе по фиорду. Пароход не большой[,] был набит членами конгресса, при чем все[,] по большей части[,] с женами и дочерьми. Вообще конгресс[-]то этот больше похож на пикник, чем на ученое предприятие. День был очень удачный – самый лучший из всех 8 дней, которые мы провели в Осло. По заливу мы пошли[,] следуя берегу, заворачивая в разные заливы, проплывая между камней по узким проливам. На берегу купающиеся махали пароходу. Местами берег стоит стеной[,] все больше серые скалы. После 1½ часов ходу по берегу повернули на другую сторону фиорда, переплыли его, где он очень широк – километров 8–9[,] и пошли обратно. Плыли мимо дач. На камнях, аршина 1½–2[,] у воды стоят домики. Тут же купальня, тут же стоит лодка[,] по большей части моторка или парусная. Около домика небольшая площадка с цветником, сзади крутая скала с лесом[.] Некоторые места напоминают Пикерсгиль³⁵, только скалистая почва. Местами вообще фиорд напоминал Волгу.

В 5 ч[асов] вечера пристали обратно к пристани и пошли пить чай и ужинать на [«]Skansen[»] (ресторан под открытым небом под стенами местной ословской крепости). Прекрасный вид на рейд, на стоящие на нем пароходы. К самому городу приходят океанские громадины, ревущие густым басом, как шмели.

Здесь в Блиндерн сестра-хозяйка Fräulein Sonunerfeld³⁶ – очень симпатичная, специально покровительственно относилась к нам из Советской России. Жалко расставаться с душем[.] Но я рад, что еду домой. Жаль, что не удалось посмотреть большой фиорд, но признаться надоело ездить. Хотя тут все очень удобно[,] и ездили мы в прекрасных условиях, но все же дорога треплет и довольно сильно устаешь от нее. Очень соскучился о тебе и Варе и хотел бы специально выразить тебе мою неизменную любовь и пре // (л. 40 об.) данность. Милая Сара, ты, конечно, представляешь себе[,] как я о тебе соскучился и как крепко хочу тебя обнять и поцеловать. Очень давно от вас не было никаких вестей[,] надеюсь, что в Берлине получу от вас письма.

В русском пансионе[,] Geisbergstr[аße,] 39[,] хорошо. Это совершенно новый дом с горячей водой в умывальниках[,] очень чистыми комнатами. За кровать и завтрак берут 4.50[.] Обед стоит 1.20 – вполне удовлетворительный. Говорят по[-]русски. Я надеюсь, что устрою окончательно пересылку наших книг и вещей[,] и у меня будет еще время походить спокойно по Берлину, посмотреть, что мне интересно[,] без гонки. До сих пор в Берлине я был занят, а последний день перед Осло был исключительно нелеп благодаря идиотским шведским визам, которые надо было вымалывать, волноваться, гонять по Берлину в ауто под угрозой, что пропадет билет.

Я здесь купил себе очки по рецепту Авербаха³⁷ – они очень удобны, но я не могу теперь почти вовсе читать без очков. Это очень скучно, когда на улице надо смотреть в план. Надо лезть в карман[,] доставать очки, надевать их на нос[,] и только тогда можно что[-]нибудь рассмотреть в плане. Хорошо, что футляр для очков очень удобный и его приятно открывать.

Вчера вечером пили чай на самом вершине горы около Осло, куда идет трамвай. Дом бревенчатый, огромный, изящно построенный, внутри весь покрытый лаком, с огромными каминами. На стенах головы северных оленей, лосей с очень красивыми рогами и симпатичными мордами. По случаю конгресса мы – его члены [-] пользуемся скидка[ми] в ряде лучших ресторанов[,] и потому нам обходится не так дорого. Вообще же[,] еда здесь дорога.

Немцы – любезны: не взяли с меня ни копейки за визу – для обратного въезда в Берлин [-] и разрешили быть в Германии до 1-го Октября.

Целую крепко[.]

Ваш В[ладимир].

20/VIII/1928.

Л. 40–40 об. Рукописный подлинник, автограф черными чернилами.

^а Исправлено черными чернилами поверх ранее написанного: немо;

^б вписано черными чернилами над строкой со знаком вставки.

КОММЕНТАРИИ

¹ karutt (нем.) – усталый, разбитый, погибший.

² Покровский Михаил Николаевич (1868–1932) – российский и советский историк, общественный и политический деятель, глава марксистской исторической школы в СССР, академик Белорусской АН (1928), академик АН СССР (1929). В 1918–1932 гг. – заместитель наркома просвещения РСФСР. С 1920 г. – заведующий Главархивом, затем Централхивом. В 1918 г. участвовал в организации Социалистической (с 1924 г. – Коммунистической) академии, был председателем ее президиума. С 1921 г. – ректор Института красной профессуры. С 1925 г. – председатель Общества историков-марксистов.

³ Зарайская Любовь Николаевна (1877–1955) – жена М.Н. Покровского.

⁴ Минц Исаак Израилевич (1896–1991) – советский историк, специалист по истории Октябрьской революции и гражданской войны в СССР, член-корреспондент АН СССР (1939), академик АН СССР (1946). В 1926 г. окончил Институт красной профессуры. В 1926–1932 гг. – заместитель директора Института красной профессуры, руководитель исторического отдела. В 1932–1949 гг. – заведующий кафедрами истории СССР в МИФЛИ и МГУ, с 1937 г. – и в ВПШ при ЦК КПСС. В 1947–1950 гг. – профессор АОН при ЦК КПСС. В 1950–1972 гг. – заведующий кафедрой истории СССР МГПИ. С 1954 г. – старший научный сотрудник Института истории АН СССР (позднее Институт истории СССР).

⁵ Имеются в виду глава советского полпредства в Норвегии А.М. Коллонтай и ее помощник С.М. Мирный. Об этом более подробно см.: [7, с. 231–232].

⁶ this is the hom[е] colour here! (англ.) – это родной цвет здесь!

⁷ gala (фр.) – торжество, празднество

⁸ Брок Олаф (Broch Olaf) (1867–1961) – норвежский филолог, славист, переводчик, историк, основоположник описательной фонетики славянских языков. С 1896 г. – член Академии наук Норвегии, с 1916 г. – иностранный член-корреспондент Петербургской АН, с 1917 г. – РАН, с 1925 г. – АН СССР. С 1896 г. – доцент университета в Христиании, с 1902 – профессор. В 1923 и 1928 гг. работал в советских архивах. С 1928 г. – член специального Комитета по изучению советских архивов, касавшихся взаимоотношений Скандинавских стран и России. В 1949 г. исключен из АН СССР за анти-советскую деятельность.

⁹ Studentenheim (нем.) – студенческое общежитие.

¹⁰ Мирный Семен Максимович (1896–1973) – политический деятель, дипломат, разведчик. В 1923–1926 гг. – заместитель председателя репатриционной комиссии, вице-консул, консул СССР в Турции. В 1926 г. – в центральном аппарате, в резерве НКВД СССР. В 1927–1931 гг. – секретарь полпредства СССР в Норвегии. В 1931–1934 гг. – референт и помощник заведующего 1-м Западным подотделом НКВД. В 1935–1937 гг. – секретарь полпредства СССР в Венгрии. С 1937 г. – советник полпредства в Швеции.

¹¹ Mädchen (нем.) – девушка, девушка, прислуга.

¹² Humbug (нем.) – вранье, ерунда, бред.

¹³ «VI-e Congres international des sciences historiques. Oslo 1928» (франц.) – «VI Международный конгресс исторических наук. Осло 1928 г.».

¹⁴ Имеются в виду О.Г. Мейснер и его супруга. О.Г. Мейснер – доктор наук, советник Прусского государственного архива в Берлине. В мае 1928 г. он работал в Москве в Централхиве с дипломатической перепиской России и Берлина, Вены, Парижа в 1808–1855 гг. и с письмами королей Пруссии Фридриха-Вильгельма III и IV и германского императора Вильгельма I [11, с. 73].

¹⁵ Кут Хальвдан (Koht Halvdan) (1873–1965) – норвежский историк, биограф, политический деятель. С 1909 г. – член Норвежской рабочей партии. В 1910–1935 гг. – профессор истории университета в Христиании. В 1912–1927 гг. и 1932–1936 гг. – председатель Норвежского исторического общества. В 1923–1939 гг. – президент Норвежской Академии наук. В 1926–1933 гг. – президент Международного комитета исторических наук. В 1928 г. – председатель VI Международного конгресса историков в Осло. В 1929–1937 гг. – де-

путат парламента Норвегии. В 1935–1940 гг. – министр иностранных дел. В 1918–1936 гг. – член Комитета по присуждению Нобелевской премии мира.

¹⁶ Бранди Карл (Brandt Karl) (1868–1946) – немецкий историк, медиевист. С 1897 г. – преподаватель Марбургского университета. В 1902–1936 гг. – профессор средневековой и современной истории в университете Геттингена. С 1936 г. – член-корреспондент Берлинской академии наук. С 1938 г. – почетный член Венгерской академии наук.

¹⁷ Егоров Дмитрий Николаевич (1878–1931) – российский и советский историк, специалист по немецкому средневековью, библиоковед, библиограф, член-корреспондент АН СССР (1928). В 1917–1925 гг. – профессор Московского университета. С 1919 г. – заведующий отделом всеобщей истории в библиотеке Румянцевского музея. С 1921 г. – заместитель директора Румянцевского музея, затем заместитель директора Библиотеки СССР имени В.И. Ленина. В 1928 г. – участник советской исторической недели в Берлине. В 1930 г. арестован, выслан в Ташкент, работал в Республиканской библиотеке. Реабилитирован посмертно.

¹⁸ Пиренн Анри (Pirène Henri) (1862–1935) – бельгийский историк, медиевист, специалист по экономической истории западноевропейского средневековья. В 1886–1930 – профессор Гентского университета, в 1918–1921 гг. – его ректор. Член Бельгийской королевской академии наук, литературы и изящных искусств. С 1918 г. – иностранный член-корреспондент РАН, с 1925 г. – АН СССР. С 1921 г. – член-корреспондент Британской академии. С 1927 г. – член-корреспондент Американской академии медиевистики.

¹⁹ Киддер Альфред Винсент (Kidder Alfred Vincent) (1885–1963) – крупнейший американский археолог, специалист по изучению доклассических цивилизаций Месоамерики. С 1914 г. – доктор антропологии в Гарварде. В 1929–1950 гг. – руководитель подразделения исторических исследований в Институте Карнеги. С 1927 г. – член американской Академии искусств и наук. С 1936 г. – член Национальной академии наук США. С 1939 г. – почетный куратор отдела юго-западной американской археологии в музее Пибоди Гарвардского университета.

²⁰ Akerhus – средневековый замок-крепость, основанный в конце XIII в. В 1527 г. замок сгорел дотла и был заново построен из камня. В первой половине XVII в. перестроен в стиле эпохи Возрождения и окружен стеной. С этого времени принято говорить о замке Акерхус и крепости Акерхус. В первой половине XIX в. проведена полная реставрация замка, он стал использоваться для правительственных приемов.

²¹ Трампе Нина Генриетта (Trampe Ninni Henriette) (1868–1955), с 1896 г. – жена Олафа Брока, дочь командор-капитана Йенса Эдварда Трампе (1837–1893).

²² Скеел Андреас Фредрик Грен (Scheel Andreas Fredrik Grøn) (1886–1932) – норвежский историк, архивист. С 1909 г. – кандидат филологии, с 1924 г. – доктор наук. В 1910–1912 гг. – преподаватель. С 1915 г. – секретарь в Государственном архиве Норвегии. С 1917 г. – заведующий Государственным архивом в Хамаре. С 1922 г. – заведующий Государственным архивом в Осло.

²³ Фрис Оге (Friis Aage) (1870–1949) – датский историк, биограф, общественный деятель. В 1913–1935 гг. – профессор Копенгагенского университета, в 1932–1933 гг. – его ректор. В 1925 г. работал в советских архивах. В 1928 г. инициировал создание специального Комитета по изучению советских архивов, касавшихся взаимоотношений скандинавских стран и России. В 1929–1939 гг. – председатель Датского исторического общества.

²⁴ В статье В.В. Адоратского, посвященной поездке в Осло, сказано: «В заключение председатель заседания секции проф. Рейнке-Блох (Бреславль) благодарил Централхив за доклад, иллюстрированный диаграммами и схемой организации архивного управления в РСФСР» [5, с. 100].

²⁵ Михайлов (Елинсон) Лев Михайлович (1872–1928) – политический и общественный деятель, большевик. В 1921–1922 гг. – де-

полпред РСФСР в Норвегии. В 1923–1924 гг. – полпред Наркоминдела СССР при СНК Туркестанской АССР, член Среднеазиатского бюро ЦК РКП(б). В 1924–1928 гг. – ответственный секретарь Всесоюзного общества старых большевиков.

²⁶ Буль Эдвард (Bull Edvard) (1881–1932) – норвежский историк, биограф, политический и общественный деятель, один из лидеров и идеологов Норвежской рабочей партии. С 1917 г. – профессор университета в Христиании (Осло). В 1927–1932 гг. – председатель Норвежской исторической ассоциации. В 1923–1932 гг. – вице-председатель Норвежской рабочей партии. В 1928 г. – министр иностранных дел Норвегии.

²⁷ брюккерка – женщина, одетая в брюки.

²⁸ Bubikorf (нем.) – женская стрижка под мальчика, появившаяся в первой половине 1920-х гг.

²⁹ Моммзен Вильгельм (Mommsen Wilhelm) (1892–1966) – немецкий историк, специалист по истории политических и социальных движений XIX в. Внук лауреата Нобелевской премии по литературе Теодора Моммзена (Mommsen Theodor) (1817–1903), историка, филолога-классика и юриста. В 1922–1927 гг. – ассистент Геттингенского университета, затем преподаватель французской истории. С 1928 г. – внештатный профессор. С 1929 г. – ординарный профессор университета в Марбурге. С 1940 г. – член Национал-социалистической немецкой рабочей партии. В 1942 г. преподавал в университете Гессена. В 1945 г. в ходе процедур денацификации лишен звания профессора. В 1955 г. восстановлен в этом звании.

³⁰ nett (нем.) – милый, славный, приятный.

³¹ «Norsk Folkemuseum» – Норвежский народный музей, расположенный на полуострове Бюгдей в Осло. Основан в 1894 г., официально открыт в 1902 г. Представляет собой выставочный комплекс под открытым небом, в котором 150 исторических зданий и большой павильон, где проходят выставки. Крупнейший музей истории культуры, и единственный, который имеет общенациональные коллекции с начала XVI в. по настоящее время. Здесь представлены уникальные собрания артефактов городского и деревенского быта разных регионов Норвегии и исторических периодов. Это предметы быта и домашнего обихода, сельскохозяйственные орудия и шедевры декоративно-прикладного искусства. В музее можно увидеть, как в прошлые века велось хозяйство, как выглядели разные предметы обихода, костюмы, постройки и жилища в городах и деревнях Норвегии. Артефакты отражают работу и повседневную жизнь на протяжении последних пяти веков, причем усилиями сотрудников музея народная история Норвегии оживает в музыке, танцах и реконструкциях.

³² кельнерши – официантки, буфетчицы, прислуга в ресторане, в пивной.

³³ «vaer saa god» (норв.) – «вот, держи».

³⁴ студен/ерхейм – ошибочная транслитерация немецкого слова «Studentenheim» (студенческое общежитие).

³⁵ Пикерсгиль – дачное место на берегу Волги близ Казани.

³⁶ Fräulein Sonnerfeld (нем.) – госпожа Зоннерфельд.

³⁷ Авербах Михаил Иосифович (1872–1944) – российский и советский офтальмолог и педагог, академик АН СССР (1939), Заслуженный деятель науки РСФСР (1933). С 1910 г. – заведующий кафедрой глазных болезней и директор глазной клиники Московских высших женских курсов (позднее 2-й Московский медицинский институт). В 1904–1911 гг. – приват-доцент Московского университета. Один из основателей и председатель Общества глазных врачей в Москве. В 1931–1944 гг. – заведующий кафедрой глазных болезней Центрального института усовершенствования врачей. С 1935 г. – директор НИИ глазных болезней имени Г. Гельмгольца.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Минц И.И. Марксисты на исторической неделе в Берлине и VI международном конгрессе историков в Норвегии // Историк-марксист. 1928. Т. 9. С. 84–96.
2. Желенина И.А. Международные конгрессы историков // Советская историческая энциклопедия. М., 1966. Т. 9. Стб. 271–272.
3. Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966. Т. 4. 854 с.
4. Дудзинская Е.А. Международные научные связи советских историков. М., 1978. 290 с.
5. Адоратский В.В. Архивное дело на VI конгрессе историков // Историк-марксист. 1928. Т. 9. С. 97–100.
6. Доклад В.В. Адоратского на Конгрессе исторических наук в Осло // Архивное дело. 1928. № 2 (15). С. 69–70.
7. О поездке в Осло (Доклад М.Н. Покровского на заседании Президиума Коммунистической академии 15/XII-1928 г.) // Вестник Коммунистической академии. М., 1928. Кн. 30 (6). С. 231–237.
8. Resumes des communications presentees au Congres / Congres international des sciences historiques (6; 1928; Oslo). [Oslo:] Le comite organisateur du congres, 1928. 406 p.
9. Ve Congrès international des sciences historiques, Oslo, 1928: actes du Congrès. Paris: Les Presses universitaires de France: Comité international des sciences historiques, 1929. 211 p. (Bulletin of the International Committee of Historical Sciences; Vol. 2. Pt. 1. № 6).
10. Документы об участии советских ученых в VI Международном конгрессе исторических наук / публ. подгот. О.В. Трескова // Советские архивы. 1973. № 6. С. 50–56.
11. Архивы СССР и научные учреждения за границей // Архивное дело. 1928. № 2 (15). С. 73–76.
12. Ковчинская С.Г. Деятельность Скандинавского научно-го комитета «Северное общество» в Советской России на рубеже 1920–1930-х гг. // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та / серия: общ. и гум. науки. 2013. № 7. Т. 2. С. 7–12.

REFERENCES

1. Mints I.I. Marxists participating on the Week of History in Berlin and VI International Congress of Historians in Norway. Istorik-marksist, 1928, vol. 9, pp. 84–96. (In Russ.)
2. Zhelenina I.A. The International Congresses of Historians. Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya. Moscow, 1966, vol. 9, col. 271–272. (In Russ.)
3. Nechkina M.V. (ed.) Essays on the history of historical science in the USSR. Moscow, USSR AS Publ., 1966, vol. 4, 854 p. (In Russ.)
4. Dudzinskaya E.A. International scientific relations of the Soviet historians. Moscow, 1978, 290 p. (In Russ.)
5. Adoratsky V.V. Archival affairs at the VI Congress of Historians. Istorik-marksist, 1928, vol. 9, pp. 97–100. (In Russ.)
6. Adoratsky V.V. Report by V.V. Adoratsky at the Congress of Historical Sciences in Oslo. Arkhivnoe delo, 1928, no 2, pp. 69–70. (In Russ.)
7. Pokrovsky M.N. On the trip to Oslo (paper of M.N. Pokrovsky delivered at the meeting of the Communist Academy Presidium on the 15th of December 1928). Vestnik Kommunisticheskoy akademii. Moscow, 1928, bk. 30, pp. 231–237. (In Russ.)
8. Resumes des communications presentees au Congres. Congres international des sciences historiques (6; 1928; Oslo). Oslo, Le comiteorganisateur du congres, 1928, 406 p.
9. Ve Congrès international des sciences historiques, Oslo, 1928: actes du Congrès. Paris, 1929. 211 p. (Bulletin of the International Committee of His-torical Sciences; vol. 2, pt. 1, no. 6).
10. Treskova O.V. (comp.) Documents on the Soviet scientists' participation in the VI International Congress of Historical Sciences. Sovetskie arkhivy, 1973, no. 6, pp. 50–56. (In Russ.)
11. The Soviet Union archives and scientific institutions abroad. Arkhivnoe delo, 1928, no. 2, pp. 73–76. (In Russ.)
12. Kovchinskaya S.G. The Scandinavian Scientific Committee “Northern society” activities in Soviet Russia at the turn of 1920s–1930s. Uchyonye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obshchestven-nye i gumanitarnye nauki, 2013, no. 7, vol. 2, pp. 7–12 (In Russ.)

Статья принята редакцией 11.07.2019

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

DOI: 10.15372/HSS20190305
УДК 329+94(47+57) КПСС"1929"

М.А. ФЕЛЬДМАН

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МАРАФОН НА ВЫЖИВАНИЕ ЛЮДЕЙ И ИДЕЙ, ИЛИ XVI КОНФЕРЕНЦИЯ ВКП(Б) БЕЗ РЕТУШИ И ГЛЯНЦА

Уральский институт – филиал Академии народного хозяйства и государственной службы,
РФ, 620144, Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66

В статье рассмотрены основные события, произошедшие на XVI конференции ВКП(б) в апреле 1929 г. Сделаны выводы о формах и результатах дискуссии на партийном форуме. Указаны, как позитивные изменения в историографии событий третьей декады 1929 г., так и традиционные оценки роли и значения XVI конференции ВКП(б) в жизни Советского государства. Приведены доказательства отношения делегатов конференции к произвольному, оторванному от реальности, увеличению плановых показателей в течение осени 1928 – весны 1929 г. Прослежена связь практики трех докладов о пятилетнем плане развития народного хозяйства (Госплана, ВСНХ и СНК) на пленумах ЦК и партийной конференции и внутрипартийной дискуссии о выборе путей модернизации страны. Развивается тезис о том, что большинство делегатов конференции говорили о допустимости при определенных условиях (создания крепких колхозов) принятия в коллективное хозяйство кулаков, критикуя тех, кто требовал превентивных репрессивных мер против наиболее умелых крестьян.

Ключевые слова: конференция, пленум, партия, делегаты, коллективизация, кулаки, крестьяне, пятилетка, план, перелом.

M.A. FELDMAN

POLITICAL MARATHON FOR THE SURVIVAL OF PEOPLE AND IDEAS OR XVI CONFERENCE OF THE ALL-UNION COMMUNIST PARTY OF BOLSHEVIKS WITHOUT RETOUCHING AND POLISHING

Ural Institute – a branch of the Academy of National Economy and Public Administration,
66, 8 Marta Str., Ekaterinburg, 620144, Russian Federation

The question of the possibility of the Soviet society's development on the "new economic policy" base in the historical literature of the early XXI century received mainly a negative answer: according to many authors' views, there was no alternative to Stalin's modernization in the USSR in the late 1920s. For example, the thesis of "delivering as one" of delegates of the XVI AUCP(b) conference remains until now, 90 years later. The paper objective is to reveal whether the postulate of the integrity of the XVI conference delegates is true; to find out who were participants of fierce internal party struggle during a year (April 1928 – April 1929); is there really no need to talk about any form of discussion at the conference, and as a consequence – how fair it is to claim that there were no alternatives to Stalin's mobilization model? The article deals with the events of the XVI AUCP(b) conference in the general political context of the first months of 1929. Among delegates of the XVI AUCP(b) conference the most significant was the group of Communists who opposed the most unbridled initiatives of the Stalinists. The New Economic Policy (NEP)'s positive results developed some potential of social immunity from left-wing radical actions, and violence in the lives of some Soviet functionaries. It was those managers who tried to

Михаил Аркадьевич Фельдман – д-р ист. наук, проф. кафедры, Уральский институт – филиал Академии народного хозяйства и государственной службы, e-mail: feldman-mih@yandex.ru.

Mikhail A. Feldman – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Chair, Ural Institute – Branch of the Academy of National Economy and Public Administration.

talk about acute social and economic problems; to preserve at least a “truncated” NEP. This group’s position was weakened by long-standing hatred of private capital, especially kulaks, but without applying the preventive repressive measures. Contrasting to four previous Plenums of the AUCP(b) Central Committee in spring 1928 – spring 1929, which divided the party elite into supporters of preserving a multi-layered economy (“resisting”), conformists, and those who actively supported Stalin’s line, the majority of delegates of the XVI AUCP(b) conference demonstrated both resistance to the course of continuous collectivization, and emphasized conformism, regularly voting for resolutions condemning the “right”.

Keywords: conference, plenum, party delegates, collectivization, kulaks, peasants, five-year plan, plan, crisis.

В научной литературе XVI конференции ВКП(б) уделено не так уж много внимания: отечественные и зарубежные авторы упоминали ее как свидетельство подтверждения политической победы Сталина над оппонентами на Апрельском пленуме ЦК ВКП(б); как пример безоговорочной поддержки сталинского курса делегатами конференции и как завершение отказа от двухвариантного пятилетнего плана и перехода к только «оптимальному варианту» [1, с. 185].

Брошюра агитационно-пропагандистского отдела ЦК ВКП(б) «Об итогах XVI конференции ВКП(б)» вышла вскоре после завершения партийного форума в последней декаде апреля 1929 г., дополнив так называемую «Библиотеку агитатора» [2]. Руководство ЦК ВКП(б) через самые различные информационные каналы спешило ввести в общественное сознание сталинские оценки событий драматического и действительно переломного апреля 1929 г. После победы сторонников Сталина на Пленуме ЦК в апреле 1929 г. [3, с. 5] XVI конференции ВКП(б) должна была закрепить на общепартийном уровне отход от политики нэпа. Текст брошюры начинался с утверждения о том, что напряженная международная обстановка диктует необходимость максимально ускоренного развития СССР в технико-экономическом отношении. В связи с этим значение XVI конференции ВКП(б) определялось «принятием пятилетнего плана развития народного хозяйства» – «Программы развернутого социалистического наступления» [2, с. 6].

Такая дефиниция прочно вошла в советскую историческую науку [4, с. 136], фокусируя в свою очередь приоритет поставленных XVI конференцией задач: во-первых, «обеспечение максимального развития производства средств производства»; во-вторых, «решительное усиление социалистического сектора в городе и деревне» [2, с. 7, 10]. Как видно, задачи раннеиндустриальной модернизации были тесно увязаны с постепенным разрушением рыночных отношений и разорением (вытеснением) слоев населения, находящихся за пределами государственного сектора.

Незыблемость понимания роли XVI конференции ВКП(б) как инстанции, утвердившей запуск первого пятилетнего плана развития народного хозяйства, не вызвала сомнений у историков советской эпохи. Комментировались только детали: так, В.И. Касьяненко отмечал *внимательное* обсуждение делегатами XVI конференции ВКП(б) первого пятилетнего плана. Однако, судя по авторскому тексту, «внимательное обсуждение» главным образом было сконцентрировано на осуждении сторонников нэпа [5, с. 91].

Глобальный вопрос: почему после утверждения на пяти съездах плановых работников СССР, а также на двух пленумах ЦК ВКП(б) в июле и ноябре 1928 г. двух вариантов пятилетнего плана, допускающих определенную гибкость хозяйственной политики [6, с. 111], после недельного обсуждения (26 марта – 4 апреля 1929 г.) на объединенном заседании Совнаркома, Совета Труда и Оборона СССР постановлением правительства СССР от 23 апреля 1929 г. был оставлен только один вариант – оптимальный [7, с. 138], на конференции, начавшейся вечером 23 апреля, даже не обсуждался. За рамками исторических исследований он находился до начала 1990-х гг. Только в 1990-е гг. стало возможным заявить о том, что доводы ученых о несбалансированности «оптимального варианта», о том, что многие его элементы экономически не обоснованы, не были приняты во внимание Сталиным и его командой [8].

В начале XXI в. историки обратили внимание на принципиально важный момент в ходе работы XVI конференции ВКП(б): заявление руководителя Госплана Г.М. Кржижановского об отсутствии действительной интеграции планов промышленной и военной модернизации. Оговорка председателя Госплана – «один из неразработанных разделов нашей пятилетки – это трактовка нужд военного ведомства, трактовка нужд обороны» [9, с. 57, 59] – указывала на подлинный, а не на мнимый недостаток «программы развернутого социалистического наступления»: зависимость пятилетних планов от перемен внешнеполитического курса советского руководства.

При этом общая оценка XVI конференции ВКП(б) не подверглась изменениям. О капитуляции оппозиции, «уже не выступавшей против пятилетнего плана в варианте ВСНХ» (т.е. в сталинском), писал Верт [1, с. 185]. По мнению О.В. Хлевнюка, апрель 1929 г. стал временем победы сталинской фракции и, как следствие, принятием политики «большого скачка» [10, с. 159]. Поддерживая в целом эту мысль, Р. Такер тем не менее уточняет, что и пленум ЦК ВКП(б) в апреле 1929 г., и XVI конференция ВКП(б) поддержали в сущности политику намного более умеренную, чем та, что начал вскоре осуществлять Сталин. Так, принятый на конференции пятилетний план не требовал проведения сплошной коллективизации. В резолюции конференции не предусматривалось резкого сокращения «индивидуального сектора», в ней говорилось только о необходимости сократить к 1933 г. его количественный рост [11, с. 109].

По точному замечанию Р. Такера, и после всеобщих пленумов ЦК ВКП(б) 1929 г. те, «кто поддержал

позицию Сталина (или, по крайней мере, большая их часть), ... «будучи наследниками политической культуры большевистского движения, допускающей внутрипартийные споры», ... не были еще «сталинистами» в смысле автоматического одобрения всех решений Сталина» [11, с. 169]. Тем не менее тезис о единстве действий делегатов конференции и спустя 90 лет остается неизблемым. Похоже, абзац из еще одной брошюры ЦК – «Итоги XVI конференции ВКП(б)» – «конференция была мощной демонстрацией ленинского единства и идейной монолитности нашей партии» [12, с. 6] – надолго «заколдовал» историков (в силу неполноты знания).

Насколько же верен постулат о «монолитности» делегатов XVI конференции, ставших на протяжении года (апрель 1928 – апрель 1929), в той или иной степени, участниками ожесточенной внутрипартийной борьбы? Действительно ли не приходится говорить о какой-либо форме дискуссии на конференции, и как следствие, – насколько справедливы утверждения об безальтернативности сталинской мобилизационной модели? При анализе вариантов политического поведения участников заседаний XVI конференции ВКП(б) были использованы методики, предложенные Е.А. Осокиной [13]. Рассматривая отношения внутри советского общества в сталинский период как социально-культурологический и антропологический феномен, она выделила категории активного (реального, организованного) и пассивного (стихийного, неорганизованного) сопротивления наступлению сталинизма [13, с. 390]. Варианты поведенческого конформизма, инструменты конформизации в 1920-е гг. были изучены С.В. Яровым [14]. Указанный методический инструментарий позволил систематизировать выступления делегатов XVI конференции следующим образом: проявление осознанного сопротивления сталинизму; сопротивление ряда участников как форма социального иммунитета; случаи конформизма, покорность власти.

Большинство делегатов XVI конференции ВКП(б) с решающим голосом составляли региональные партийные и советские функционеры [15, с. 588], зафиксировавшие негативные социальные последствия шагов по деформации нэпа в 1928 г., ощутившие рост народного недовольства в городе и деревне [13, с. 95–97]. Каким было подлинное поведение этих участников партийного форума? Выяснению этого вопроса и посвящена данная статья.

Трудно объяснить, почему было принято решение: сразу же после восьмидневного марафона Апрельского пленума ЦК ВКП(б), завершившегося в первой половине дня 23 апреля 1929 г., вечером в тот же день начать работу XVI конференции ВКП(б). Но историкам приходится отвечать и на трудные вопросы. Диапазон ответов ограничен между формальной стороной вопроса – стремлением представить, открывающемуся в мае 1929 г. V съезду Советов СССР Пятилетний план развития народного хозяйства, а также неформальной – желанием Сталина закрепить успех на Апрельском пленуме ЦК ВКП(б), достигнутый за счет

применения *массированного социально-политического обмана* (бездоказательных фальсификаций, например, о «создании в последнее время условий, необходимых для массового развития колхозов и совхозов») [16, с. 481–482] и т.п.

Анализ материалов (Апрельского 1929 г.) пленума ЦК ВКП(б) показывает, что победа сталинского курса носила непрочный характер, поскольку даже в выступлениях приверженцев генсека звучали признания в неподготовленности к обобществлению сельского хозяйства в самых различных регионах СССР. Кроме того, ряд участников пленума либо уклонились от критики «правых», либо «отделались» коротким замечанием [17]. Резолюции Апрельского пленума ЦК ВКП(б), клеймящие сторонников сохранения нэпа и относящие любое инакомыслие к антипартийным действиям, завершали один политический марафон и должны были дать целенаправленный вектор очередному партийному форуму.

Нельзя не отметить: предисловие к Стенографическому отчету XVI конференции ВКП(б), изданному в 1962 г., представляет собой яркий образец исторической мысли советской эпохи. С одной стороны, хрущевская «оттепель» вычеркнула из «списка героев» имя Сталина – фамилия генсека просто не приводится на 25 страницах текста. С другой стороны, неоднократно звучат обвинения в адрес «правых» в попытках произвольно снизить темпы роста экономики. В качестве «тяжелого греха» А.И. Рыкова и его сторонников упоминается попытка допустить «мирное вращение кулака в социализм» [15, с. XIII].

Нестыковка идеологической конструкции и реальной жизни отчетливо видна в заявлении авторов предисловия о том, что «конференция проходила в сложной международной обстановке», «подкрепленном» сообщением о подписании в Москве в феврале 1929 г. Протокола между СССР и Эстонией, Латвией, Польшей и Румынией о досрочном введении в действие Парижского договора об отказе от войны как орудия национальной политики, а также информацией о внутренних затруднениях ведущих стран Запада «накануне глубочайшего экономического кризиса в конце 1929 г.» [15, с. VI]. В предисловии не приведено ни одного факта в оправдание нагнетания обстановки «осажденной крепости» в Советской стране!

Предисловие к Стенографическому отчету XVI конференции ВКП(б) акцентировало внимание на *единстве взглядов делегатов*, одобривших Пятилетний план развития народного хозяйства на 1928/29 – 1932/33 гг. – «научно обоснованную программу построения фундамента социалистической экономики» [15, с. V]. Но обратимся к ключевому положению предисловия: «доклад А.И. Рыкова (о Пятилетнем плане развития народного хозяйства на 1928/29 – 1932/33 гг.) не удовлетворил делегатов», поскольку ... «Рыков сделал ударение на наличии опасностей, грозивших осуществлению пятилетнего плана, и ничего не сказал о путях их преодоления, тем самым ставя под сомнение реальность пятилетки» [15, с. XIV].

Насколько этот тезис подтверждается материалами Стенографического отчета? Доклад председателя СНК СССР и СНК РСФСР А.И. Рыкова о Пятилетнем плане развития народного хозяйства на 1928/29 – 1932/33 гг. на вечернем заседании 23 апреля 1929 г. фактически открывал работу XVI конференции ВКП(б). Главе советского правительства хорошо было известно о произвольном, совершенно оторванном от реальности увеличении плановых показателей в течение осени 1928 – весны 1929 г. Однако соблюдение партийной дисциплины и единства партии для многих большевистских лидеров было первостепенной ценностью. Вот почему докладчик неоднократно подчеркивал единство руководства партии в вопросах о темпах роста экономики: ожесточенные дискуссии в Политбюро и на пяти пленумах 1928–1929 гг. были оставлены в прошлом; содержание доклада было глубоко оптимистично и даже местами пафосно. Рыков был самокритичен: «многие из нас ошибались, думая, что при переходе от так называемого восстановительного периода к реконструктивному темпы развития нашего хозяйства и, в частности, промышленности потерпят решительное снижение и будут гораздо ниже тех, которые оказались в действительности в последние годы» [15, с. 11].

Последующую часть доклада пронизывала вера в то, что темпы роста будут высокими и дальше! Завершался доклад на радужной ноте: Пятилетний план был представлен как «результат блестящей предыдущей работы нашей партии» [15, с. 24]. В идеологически выдержанном тексте доклада (не обремененном ни теоретическими тезисами, ни статистическими данными) содержалось одно-единственное место, которое могло привлечь внимание сталинцев. Как подчеркнул Рыков, «при всей огромности намечаемой работы обобществленный сектор (колхозы и совхозы) к концу пятилетия даст лишь 40 % всей массы товарного хлеба; остальные же 60 % приходятся на индивидуальный сектор. Нельзя считать, что задача обобществления сельского хозяйства и забота о развитии бедняцко-средняцкого хозяйства взаимно исключают друг друга. Наоборот, вся проблема подъема и реконструкции сельского хозяйства может быть разрешена успешно лишь при правильном сочетании этих обеих задач» [15, с. 16].

В данном случае глава СНК приводил известные показатели пятилетнего плана. Но если те же самые цифры в докладе руководителя Госплана Г.М. Кржижановского (впервые в его выступлениях 1928–1929 гг.), «в духе времени» сопровождалась антикулацкой риторикой» [15, с. 37], а у председателя ВСНХ В.В. Куйбышева – еще и угрозами («не мирным путем будет социализирована деревня, не мирным путем будут расти колхозы и совхозы» [15, с. 70]), то указанный фрагмент речи Рыкова явственно утверждал возможность существования колхозно-совхозного и индивидуального секторов в деревне.

Практика трех докладов о пятилетнем плане развития народного хозяйства (Госплана, ВСНХ и СНК) была устойчивой: пленумы ЦК в ноябре 1928 г.

и в апреле 1929 г. открывались выступлениями Рыкова, Кржижановского и Куйбышева. Не стала исключением из правил и работа XVI конференции ВКП(б). Предварительное сближение плановых установок Госплана и ВСНХ, как отмечалось в исторической литературе, на деле означало в большей степени уступки госплановцев директивам ВСНХ под руководством В.В. Куйбышева и стоящего за его спиной Сталина [6, с. 231, 233]. За каждой уступкой шло сокращение пределов многоукладной экономики.

В то же время ни доклад Кржижановского, ни доклад Куйбышева, открывшие утреннее заседание 24 апреля, не содержали каких-то критических замечаний в адрес выступления главы советского правительства. Можно предполагать, что в ходе длительных споров и согласований трех руководителей («хозяйственников» – по терминологии того времени) формировались и общие подходы. Только в самом конце докладов Кржижановского и Куйбышева прозвучало ритуальное осуждение «правого уклона» [15, с. 55, 78].

Утреннее и вечернее заседания 24 апреля продолжили 17 коротких выступлений делегатов. Четырнадцать партийцев (в том числе шестеро – члены и кандидаты в члены ЦК) либо не упомянули ни словом о «правом уклоне», поднимая конкретные технократические вопросы, либо говорили обтекаемо о недопустимости сомнения в правильности партийной линии. Еще один выступающий – Г. И. Петровский – ограничился короткой сентенцией: «помешает ли нам правый уклон осуществить пятилетку, индустриализацию страны? Все уклоны в сторону капиталистической стихии партия, несомненно, отметет» [15, с. 114, 115].

Два делегата обрушили на «правых» ожесточенную критику. Так, Ю. Ларин (М.А. Лурье), сконцентрировав свое выступление на недочетах доклада Рыкова («не говорил о классовой борьбе», «указал на трудности подъема производительности труда, но не сказал, на каких путях мы их преодолеем»), более чем произвольно резюмировал: «получается впечатление, что та пятилетка, которую он докладывал, является, по его же мнению, нереальной» [15, с. 145].

Тем не менее соотношение критиков представителей «правого уклона» и «умолчавших» было очевидно и для участников конференции, и для Сталина. После грозных резолюций Апрельского (1929 г.) пленума, клеймящих «правых» как оппортунистических ренегатов, это было явной неожиданностью для Сталина: резолюции пленума, продавленные командой генсека при помощи обмана и фальсификации данных, и многолетние партийные связи, подкрепленные жизненной практикой, оказывались в разных реальных плоскостях.

Третий день – 25 апреля – не изменил хода событий. Двенадцать делегатов конференции (в том числе шестеро членов и кандидатов в члены ЦК), выступивших на утреннем заседании, всерьез и критически обсуждали самые различные аспекты пятилетнего плана. Вместо политического уничтожения сторонников сохранения многоукладной экономики звучали сдер-

жанные пожелания о «недопустимости колебаний в партии» (у председателя Ленинградского областного совнархоза И.Ф. Кадацкого), либо необходимости «отпора всяким колебаниям в проведении генеральной большевистской линии» (у заведующего отделом агитации, пропаганды и печати ЦК ВКП(б) А.И. Криницкого) [15, с. 158–159].

В выступлениях делегатов отражались реальные проблемы советской экономики. Так, председатель правления Центрального союза потребительских обществ (Центросоюз) И.Е. Любимов заявил: «нет ни одной страны в мире, где было бы так высоко налоговое обложение, и нет ни одной страны, где так низки были бы фактические торговые издержки как у нас. Они у нас составляют в отношении стоимости товаров 26 %, тогда как в Америке и в ряде других стран они доходят до 90 %». Не случайно после такого налогового пресса у сельской потребительской кооперации в СССР прибыль за год не превышала 1,4 %, а у городской – 0,9 % [15, с. 190–191].

Логическим завершением четвертого заседания конференции стало выступление кандидата в члены ЦК ВКП(б), заведующей отделом агитации и пропаганды Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) К.И. Николаевой. Известный деятель партии (в 1924–1926 гг. возглавлявшая отдел работниц ЦК ВКП(б)) Николаева прямо заявила: «не все ... понимают новую экономическую политику. Есть товарищи, которые рассматривают нэп как нечто застывшее, не видят нового в переживаемом этапе и делают неверные выводы: “назад к нэпу”, “нормализация рыночных отношений”. Что означает назад к нэпу? Разве есть решения партии, отменяющие нэп? Ничего подобного нет; мы вступили в новый период нэпа, в период реконструкции всего народного хозяйства города и деревни» [15, с. 193].

Вместо проклятий в адрес сторонников нэпа, заявлений о разрыве с прежним курсом и периодом заседание закончилось здравницей новой экономической политике, а вместо отрицания рынка – призывом к сочетанию рыночных отношений с развитием контрактации, кооперации, производственного кооперирования бедняцко-средняцких хозяйств; создания колхозов и совхозов на основе технической реконструкции деревни [15, с. 194]. Дискредитация людей для сталинской команды оказывалась куда более простым делом, чем дискредитация идей оппонентов.

Собственно говоря, это подтвердило и вечернее заседание конференции 25 апреля, завершающее обсуждение пятилетнего плана. Председатель Совета союзов сельскохозяйственной кооперации М.Ф. Владимирский сделал акцент на «генетической связи» простейшей кооперации и колхозов и совхозов, подчеркнув, что «темпы колхозного движения зависят именно от того, насколько кооперация в состоянии будет осуществить те темпы производственного кооперирования, которые запроецированы в нашей пятилетке» [15, с. 237]. Получалось, что не «воля партии», не указания партийных вождей, а объективные факторы должны были определять темпы коллективизации,

понимаемой к тому же в качестве составной части кооперации.

Подводя итоги обсуждения пятилетнего плана, Г.М. Кржижановский, используя опыт тактических действий Сталина на пленумах 1928 г., построил свое выступление на основе высмеивания «слабого звена» критиков Госплана – особенно Ю. Ларина [15, с. 257, 260] за легковесность его суждений. Завершающие восторженные слова руководителя Госплана в честь пятилетнего плана – «лучшего памятника основоположнику нашей партии» [15, с. 270] – казалось, примирли делегатов конференции.

Очередное обсуждение пятилетнего плана на пяти заседаниях партийной конференции явно шло не по сталинским лекалам, но после победы на Апрельском (1929 г.) пленуме ЦК генсек мог позволить выдержать паузу, ограничившись за семь дней конференции одной короткой презрительной репликой [15, с. 318], молча фиксируя любые отклонения от того, что хотел бы услышать.

День 26 апреля (шестое заседание конференции) открылся обширным докладом М.И. Калинина «Пути подъема сельского хозяйства и налоговое облегчение середняка». Из доклада следовало, что за годы революционных потрясений не только были ликвидированы помещичьи имения, но и подорвана экономическая мощь кулацкого хозяйства: из 40 % земельного фонда у зажиточных крестьян осталось только 5,5 %. «Было проведено повальное раскулачивание кулаков в области землепользования. И в настоящий момент кулак может только нелегально или полулегально, или арендовать землю у бедноты, запахивать лишнюю землю» [15, с. 271, 277].

«Всесоюзный староста» привел немало примеров улучшения положения дел в деревне: рост площади под многопольным оборотом в 4 раза; увеличение в 2 раза снабжения крестьян сельскохозяйственным инвентарем; увеличение масштаба агротехнических мероприятий; рост доли крестьян, охваченных простейшими видами кооперации [15, с. 272–274].

Главная проблема заключалась в том, что процесс измельчания размеров крестьянских хозяйств вызывал снижение товарности бедняцких и средняцких дворов, владеющих 94,5 % земельного фонда. Но цифры, приведенные докладчиком, носили явно некритический характер: у бедняцких и средняцких хозяйств по сравнению с довоенным временем товарность упала на 3 %, колхозы и совхозы давали только 6 % товарного хлеба [15, с. 277]. Проблема увеличения товарности крестьянских хозяйств, (но не классовая борьба в деревне!) выходила на первый план в этой части доклада М.И. Калинина. Перевод индивидуального крестьянского хозяйства на коллективные начала включал и меры по «систематическому ограничению капиталистических элементов деревни». Нетрудно заметить отличие такого тезиса от лозунга «вытеснения кулачества» из сельского хозяйства.

Сам переход к коллективному хозяйству мог быть сделан только при обеспечении технической рекон-

струкции села. Доклад включал и предложения по снижению налоговой нагрузки на крестьян-середняков, исходя из «стремления поднять крестьянское индивидуальное хозяйство». Хотя докладчик произнес немало слов осуждения «правых» и «правого уклона» [15, с. 282–286], делегаты не могли не заметить, что ни одна фамилия из «правых» не была названа.

Спустя 90 лет видно и другое: меры, изложенные Калинин, мало чем отличались от предложений Рыкова на пленумах ЦК 1928–1929 гг. «Наш план отличается от утопии, которая имела в свое время самодовлеющую ценность, как научный социализм отличается от утопического социализма» [15, с. 282], – резюмировал М.И. Калинин. «Правые», требующие разделить индустриальный проект, и их утопические действия потерпели поражение. Но спустя несколько дней «всесоюзный староста» повторил главный конструкт оппонентов Сталина. Осторожность и политическая расчетливость не оставляли Калинина в конце 1920-х гг. Значит, председатель ВЦИК СССР чувствовал настроения значительной части делегатов.

Судя по выступлениям заведующего агитпропотделом Нижегородского губкома партии В.В. Ломинандзе, секретаря Сибирского крайкома ВКП(б) С.И. Сырцова, наркома земледелия РСФСР Н.А. Кубяка, первого секретаря обкома партии Центрально-Чернозёмной области И.М. Варейкиса, других партийных и советских работников, они готовы были поддержать многое из названного Калинин: предложенные меры неоднократно звучали в резолюциях XV съезда партии и последующих пленумов ЦК, формировавших агротехническую основу реконструкции деревни.

Но одна из составляющих большевизма – идейная ненависть к «капиталистическим элементам деревни», усиленная «выбиванием» зерна в период хлебозаготовок 1928 г., вылилась в готовность поддержки «безвозмездного отчуждения у кулаков живого и мертвого инвентаря, не говоря уже о денежных капиталах и натуральных накоплениях» и «выкорчевывания кулачества» [15, с. 314, 329]. На четвертый день работы пленума прозвучали слова, столь ожидаемые Сталиным. Как видно, там, где в дело вступал примат классово-борьбы, человеческий фактор и технический прогресс начинали жить в разных полушариях большевистского сознания.

Ситуацию обсуждения проблем сельского хозяйства ярко характеризует выступление наркома земледелия Украины А.Г. Шлихтера. В нем звучало скрытое раздражение против «недооценки роли совхозов» и недостаточного ракурса «мобилизации бедняцко-середняцких масс против кулака» в докладе М.И. Калинина, переадресованное «правым оппортунистам» и лично Н.И. Бухарину. Но финиш венчает дело: по мнению Шлихтера, существовали предпосылки для того, чтобы *за десять лет завершить коллективизацию на Украине (!)* [15, с. 303–305, 309].

Казалось бы, уже решенный в пользу Сталина и его сторонников один из стержневых вопросов дискуссионный на Пленумах ЦК 1928 – весной 1929 г. – от-

ношение к зажиточному крестьянству – вдруг вновь всплыл как айсберг на вечернем заседании 26 апреля. Наиболее четко свое отношение выразила А.С. Калыгина – председатель Смоленского губисполкома: «там, где имеются тракторные колонны с тысячами гектаров со многим количеством деревень, где все хозяйства должны перейти по договору на совместную запашку земли, конечно, можно оставлять кулака в колхозе». Эту же мысль поддержал еще ряд делегатов [15, с. 357, 359]. Варейкиса, требующего запрета приема зажиточных крестьян в колхозы, осадил ироническая реплика С.В. Косиора: «ты за классово чистые коллективы?» [15, с. 334].

Но для Сталина было недопустимо завершить обсуждение доклада Калинина на столь нерадужной ноте. Последним на трибуну на вечернем заседании 26 апреля вышел слушатель Института красной профессуры Г.М. Стрельцов, большую часть своего выступления построивший на обвинениях против «правых» и лично Н.И. Бухарина [15, с. 370–374]. Историческая реальность вступала в бой с большевистской идеологией, но за спиной последней находились резолюции Апрельского 1929 г. пленума ЦК ВКП(б).

Утреннее заседание 27 апреля продолжило обсуждение доклада Калинина. Критика «правых» присутствовала у большинства из 13 выступивших. Однако одновременно крепчал голос тех, кто противился насильственной коллективизации. Наиболее четко эту мысль (к удивлению автора предлагаемой статьи) выразил С.М. Буденный. Нельзя давить на крестьян, принуждая к вступлению в колхозы, заявил военачальник. «Если мы будем подходить к ним с такими формами принуждения – не давать улучшенных или чистосортных семян и т.д., – то будем разрешать построение коллективных хозяйств по-чиновничьи, и этим будем тормозить развитие колхозов». Это будет «чиновничий подход, которого сейчас на селе хоть отбавляй» [15, с. 415].

Большинство делегатов говорили на утреннем заседании о допустимости при определенных условиях (создания крепких колхозов) принятия в коллективные хозяйства и кулаков; критикуя тех, кто требовал превентивных репрессивных мер против наиболее умелых крестьян. Так, З.М. Беленький, член коллегии Наркомата рабоче-крестьянской инспекции, подчеркнул: «не правы те, кто говорит, что никогда и ни при каких условиях не следует принимать кулаков в колхозы» [15, с. 405].

У черты, за которой идеологические конструкции были готовы превратиться в репрессивные правовые нормы, среднее звено большевистских лидеров заколебалось и было готово отступить. Но и сторонники Сталина в этот день, оказавшись в явном меньшинстве, вынуждены были откеститься от политики «чрезвычайных мер» [15, с. 409]. Подводя итоги обсуждению доклада, Калинин объявил, что большинство делегатов поддержали тезисы доклада. «Всесоюзный староста» резюмировал: одной из важнейших задач партии является «подъем индивидуальных бедняцких и се-

редняцких хозяйств». Что же касается «капиталистических элементов деревни»: кулаки допускаются в колхозы, но не в их руководящие органы [15, с. 437–442]. Обсуждение двух важнейших вопросов на партийной конференции явно шло не в русле сталинских замыслов: социально-экономические проблемы заслонили вопросы классовой (внутрипартийной) борьбы. Реалии индустриализации в крестьянской стране вступали в бой с утопиями, и, как казалось, в этот апрельский день одерживают победу.

Однако идеология взяла реванш: информационный доклад секретаря ЦК В.М. Молотова об итогах объединенного Апрельского (1929) пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) с резким осуждением взглядов «правых» (группы Бухарина) был принят «единогласно при отсутствии воздержавшихся» [15, с. 585]. Столь же «единогласно» был принят доклад Е.М. Ярославского «О чистке и проверке членов и кандидатов партии» [15, с. 589–611]. Прения по докладу не открывались. Подуставшим делегатам конференции (многие из них заседали, считая участие в пленуме ЦК, уже две недели) Ярославским было преподнесено немало смешных историй о «разложившихся в бытовом отношении партийцах». За смехом легче было не думать о масштабах проведенных чисток: о том, что вычищенных за 1921–1928 гг. оказалось 435 075 чел. [15, с. 589] – четверть состава партии; о том, что из 254 делегатов с решающим голосом на конференции присутствовали 222 партийных работника – и только двое рабочих с производства [15, с. 588]; о том, что уже были названы социальные группы, выбранные для проведения дополнительных чисток [15, с. 600–602].

Партийные форумы в СССР неизменно должны были заканчиваться на счастливой ноте. И эта нота прозвучала, когда председательствующий Я.Э. Рудзутак провозгласил: «настоящая конференция утвердила план непосредственного, материально осязаемого, действительного социалистического строительства».

Для Сталина реализация индустриального проекта, воплощенного в пятилетнем плане, была жизненно важным делом: от успеха пятилетки зависела судьба генсека и судьба «его» СССР. Но в сталинской интерпретации «социалистического строительства» в правящей партии и госаппарате было место только абсолютно послушным исполнителям, не участвовавшим ни в каких оппозициях и даже не работавшим где-либо с оппозиционерами. Делегаты XVI конференции ВКП(б), в своем большинстве обращавшиеся к реальным фактам и дававшие им (в меру свободы от марксистских догм) свое толкование, оказались из иного человеческого материала.

Наиболее значительной была та часть коммунистов, которая на конференции проявила *сопротивляемость* наиболее оголтелым инициативам сталинцев. Положительные результаты нэпа выработали некоторый потенциал социального иммунитета от леворадикальных действий и насилия в жизни части советских функционеров. Именно эти управленцы пытались перевести разговор на острые социально-экономические

проблемы; стремились к сохранению хотя бы «усеченного» нэпа. Позиции указанной группы ослабляла устоявшаяся ненависть к частному капиталу, прежде всего к кулачеству, но не доходившая до поддержки *превентивных* репрессивных мер.

В отличие от предшествующих четырех пленумов ЦК ВКП(б) весной 1928 – весной 1929 г., разделивших партийную элиту на сторонников сохранения многоукладной экономики («сопротивляющихся»), конформистов, а также активно поддерживающих линию Сталина, большинство делегатов XVI конференции ВКП(б) демонстрировали одновременно и сопротивляемость курсу на сплошную коллективизацию, и подчеркнутый конформизм, исправно голосуя за резолюции, осуждавшие «правых».

В результате резолюции XVI конференции, с одной стороны, осуждали «правых» как «антипартийных отступников», с другой стороны, воспроизводили главные мысли А.И. Рыкова и его сторонников, намечая на пятилетку умеренные темпы роста колхозно-совхозного сектора в советской деревне, например, по всесоюзной валовой сельскохозяйственной продукции – с 2 до 15 %. Кроме того, акцент был сделан на охват крестьянских хозяйств испытанными в годы нэпа видами кооперирования: с 37,5 до 85 %. Резолюции резюмировали: «крупное общественное хозяйство не противопоставляется индивидуальным бедняцким и средняцким хозяйствам как враждебная сила, а смыкается с ними» [15, с. 623, 624, 630].

Казалось, воздействие сталинского обмана на Апрельском (1929 г.) пленуме ЦК ВКП(б) закончилось, наступала пора прозрения. Но последняя апрельская неделя 1929 г. открывала уже другой период советской истории: вытеснив политических оппонентов за пределы руководства либо лишив их реальных рычагов управления, Сталин уже не нуждался в каких-либо резолюциях партийных форумов. Конференции и съезды должны были превратиться в своеобразный декорум замыслов вождя. Дискуссии на XVI конференции ВКП(б) уже не было: в апреле 1929 г. они уходят в прошлое. Это последний партийный форум, на котором демонстрируется разное понимание одного глобального вопроса, но без прямой полемики. Однако противостояние сталинскому курсу не исчезает – оно обретает иные формы, создавая своеобразную синусоиду реальной советской истории, с провалами, вызванными леворадикальными экспериментами и тоталитарным террором, и усилиями по их преодолению или смягчению. Индустриальный проект и утопическая химера не «сталкивались лбами», а порождали новые причудливые образования: советское государство, советское общество, советский человек.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Верт Н.* История советского государства. 1990–1991. М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. 480 с.
2. Об итогах XVI конференции ВКП(б). М.; Л.: Госиздат, 1929. 42 с.

3. Данилов В.П., Ватлин Ю.А., Хлевнюк О.В. Введение. Апрельский пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 1929 г. // Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК и ЦКК ВКП(б). 1928–1929 гг.: в 5 т. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 4: Пленум ЦК ВКП(б) 16–23 апреля 1929. С. 5–17.
4. Лельчук В.С. Социалистическая индустриализация СССР и ее освещение в советской историографии. М.: Наука, 1975. 312 с.
5. Касьяненко В.И. Завоевание экономической независимости СССР. М.: Политиздат, 1972. 336 с.
6. Звездин З.К. От плана ГОЭРЛО к плану первой пятилетки. М.: Наука, 1979. 269 с.
7. Гладков И.А. К истории первого пятилетнего народнохозяйственного плана // Плановое хозяйство. 1935. № 4. С. 106–142.
8. Рогачевская Л.С. Альтернативы первому пятилетнему плану развития народного хозяйства // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М.: Наука, 1994. С. 319–336.
9. Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920 – середина 1930-х). СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2002. 472 с.
10. Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М.: Изд-во АСТ, 2016. 464 с.
11. Такер Р. Диктатор у власти. 1928–1941 гг. М.: Центрполиграф, 2013. 798 с.
12. Итоги XVI конференции ВКП(б). М.: Прибой, 1929. 224 с.
13. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: РОССПЭН, 2008. 271 с.
14. Яров С.В. Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х годов. СПб.: Изд-во Европейский Дом, 2006. 570 с.
15. Шестнадцатая конференция ВКП(б). 23–29 апреля 1929. Стеногр. М.: Политиздат, 1962. С. 837.
16. Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК и ЦКК ВКП(б). 1928–1929 гг.: в 5 т. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 4: Пленум ЦК ВКП(б) 16–23 апреля 1929. 767 с.
17. Фельдман М.А. Конец «романтической» эпохи. Дискуссия на Апрельском (1929 г.) пленуме ЦК ВКП(б) о выборе пути, форм и методов «социалистической» модернизации // Общественные науки и современность. 2019. № 3. С. 135–148.

REFERENCES

1. Vert N. The Soviet state history. 1990–1991. Moscow, Progress, Progress-Akademiya, 1992, 480 p. (In Russ.)
2. On the XVI CPSU(b) conference results. Moscow, Leningrad, Gosizdat, 1929, 42 p. (In Russ.)

3. Danilov V.P., Vatlin Yu.A., Khlevnyuk O.V. Introduction. The April Plenum of the CPSU(b) Committee and Central Control Commission in 1929. *Kak lomali NEP. Stenogrammy plenumov TsK i TsKK VKP(b). 1928–1929 gg.* Moscow, 2000, vol. 4, pp. 5–17. (In Russ.)
4. *Lel'chuk V.S.* The USSR socialist industrialization and its interpreting by the Soviet historiography. Moscow, Nauka, 1975, 312 p. (In Russ.)
5. *Kas'yanenko V.I.* Conquering the USSR economic independence. Moscow, Politizdat, 1972, 336 p. (In Russ.)
6. *Zvezdin Z.K.* From GOERLO to the first five-year plan. Moscow, Nauka. 1979, 269 p. (In Russ.)
7. *Gladkov I.A.* On the history of the first five-year plan of national economy. *Planovoe khozyaistvo*, 1935, no. 4, pp. 106–142. (In Russ.)
8. *Rogachevskaya L.S.* Alternatives to the first five-year plan of the national economy development. *Rossiia v XX veke. Istoriki mira sporyat.* Moscow, Nauka, 1994, pp. 319–336. (In Russ.)
9. *Ken O.N.* Mobilization planning and political decisions (late 1920s – mid 1930s). Saint Petersburg, *Evropeiskiy Dom*, 2002, 472 p. (In Russ.)
10. *Khlevniuk O.V.* Stalin. A leader life: a biography. Moscow, AST, 2016, 464 p. (In Russ.)
11. *Taker R.* A dictator in power. 1928–1941. Moscow, Tsentrpoligraf, 2013, 798 p. (In Russ.)
12. The XVI CPSU(b) conference results. Moscow, Priboi, 1929, 224 p. (In Russ.)
13. *Osokina E.A.* Behind the facade of “Stalin’s abundance”: distribution and market in provision of supplies to population in the industrialization period. 1927–1941. Moscow, ROSSPEN, 2008, 271 p. (In Russ.)
14. *Yarov S.V.* Conformism in the Soviet Russia: Petrograd of 1917–1920s. Saint Petersburg, *Evropeiskii Dom*, 2006, 570 p. (In Russ.)
15. The Sixteenth conference on the 23–29 of April, 1929. Verbatim record. Moscow, Politizdat. 1962, 837 p. (In Russ.)
16. How the NEP was broken. The verbatim of plenums of the CPSU(b) Central Committee and Central Control Commission. 1928–1929. In 5 vols. Moscow, ROSSPEN, 2000, vol. 4: The Plenum of the CPSU(b) Central Committee on the 16–23 of April 1929, 767 p. (In Russ.)
17. *Feldman M.A.* The end of “romantic” epoch. (Discussion at the April (1929) CPSU(b) Plenum about choosing the way, forms and methods of “socialist” modernization). *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, 2019, no. 3, pp. 135–148. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 19.07.2019

DOI: 10.15372/HSS20190306
УДК 94(470.5)“1936/1937”

Г.Е. КОРНИЛОВ

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ КРИЗИС И ГОЛОД В УРАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1936 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1937 г.

Институт истории и археологии УрО РАН,
РФ, 620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16

Статья посвящена анализу продовольственной ситуации в уральской деревне в середине 1930-х гг., когда положение с питанием сельского населения оказалось критическим из-за неурожая. В конце осени 1936 г. разразился голод, но государственной помощи своевременно оказано не было, семенная и продовольственная ссуды стали поступать в колхозы только перед началом весенних полевых работ. Данная ситуация с питанием колхозников анализируется на основе показателя энергетического индекса – соотношения получаемых и затрачиваемых калорий колхозниками и членами их семей. Расчеты проведены на основе данных помесечных бюджетных обследований семей колхозников Свердловской области в административных границах 1936 – 1937 гг. Они позволили проследить этапы вхождения в голод сельского населения. В статье сделан вывод о том, что голод охватил не только сельскую, но и городскую местности региона.

Ключевые слова: продовольственный кризис, голод, уровень питания, структура питания, уральская деревня, хлебозаготовки.

G.E. KORNILOV

FOOD CRISIS AND FAMINE IN THE URAL COUNTRYSIDE IN THE LATE 1936 – EARLY 1937

Institute of History and Archeology UB RAS,
16, S. Kovalevskaya str., Yekaterinburg, 620990, Russian Federation

The article is devoted to the analysis of the food situation in the Ural village in the mid-1930s. This problem has not been sufficiently covered in the historical literature. Materials from a number of publications do not give a clear idea about the famine that broke out in the Ural countryside. It is connected with the fact that historians use data on food consumption according to sources in annual average (publications by S.A. Nefedov and other authors). The article objective is to determine the food situation in the Ural countryside in the summer of 1936 – summer of 1937. Numerous historical sources show that the rural population's nutrition turned out to be critical due to the crop failure caused by drought. Already in the late autumn of 1936, the famine broke out and gained strength; there was no timely state aid, seed and food loans began entering the collective farms only before spring field work. The nutrition situation of the collective farmers is analyzed based on the energy index – the ratio of calories received and expended by collective farmers and their family members. The sources' condition made it possible to compare the peasant nutrition in the 1926/27 fiscal year and collective farmers in 1936, which showed decreasing nutrition energy index of the Ural rural residents for this period. The average data for 1936 do not permit reporting about the famine which broke out in the village, they only indicate the unfavorable food situation. Calculations on main products (crops, flour, meat, milk, butter, potatoes and vegetables, etc.) were based on monthly budget surveys of collective farmer families in Sverdlovsk Region in the administrative boundaries of 1936–1937. The compiled graphs vividly reflect a rapid drop in the collective farmers' consumption in the spring–summer of 1937, which allow reconstructing the hunger stages of rural population in the region. The article concludes that famine hit not only rural, but urban areas in the region as well. The authorities once again, as in 1932–1933, failed to cope with supplying food to population. The help rendered to the starving persons turned out to be untimely and insufficient.

Key words: food crisis, famine, nutrition level, nutrition structure, ural vikase, grain collection.

Геннадий Егорович Корнилов – д-р ист. наук, заведующий сектором экономической истории Института истории и археологии УрО РАН, e-mail: genakorn@mail.ru

Gennady E. Kornilov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Economic History Sector the Institute of History and Archaeology UB RAS.

Продовольственный кризис в СССР во второй половине 1936 – первой половине 1937 г. не получил достаточного отражения в исторической литературе, а о голоде населения в это время мало что известно [1; 2]. Историк С.А. Нефедов исследовал проблему потребления продуктов питания в 1930-е гг. Несмотря на то, что он отметил тяжелую засуху 1936 г. и недород хлебов, резкий продовольственный дефицит в феврале 1937 г., но в целом не заметил голод населения. Усредненные данные за весь 1937 г. искажают состояние питания населения, поскольку урожаем 1937 г. был собран богатый, а с августа ситуация с продовольствием стала резко меняться [3; 4; 5, с. 71–78]. В дневниковых записях (практически ежедневных) А.С. Аржиловского, который после освобождения из лагеря, с конца ноября 1936 г. работал счетоводом на Тюменском деревообрабатывающем комбинате «Красный Октябрь», имеются сведения о голодном пайке для его семьи, о постоянной нехватке продуктов питания. 29 июля 1937 г. он был арестован за «участие в контрреволюционной кулацкой вредительской группировке», 8 сентября 1937 г. расстрелян. Дневник обнаружен в его следственном деле¹.

Одним из основных источников, позволяющих выявить изменения уровня потребления, его структуры в семьях колхозников, являются бюджетные обследования колхозных дворов в Свердловской области. Эти существенные изменения фиксируются более убедительно, если провести пересчет каждого потребляемого продукта в калории, т.е. выявить его энергетическую ценность, и произвести помесечный расчет потребления. Данный исторический источник не позволяет выяснить структуру питания по полу и возрасту. Не фиксировал он и потребление алкогольных напитков [6, с. 253–269].

Неурожаем 1936 г. охватил практически все районы Свердловской области (в административных границах 1934–1938 гг., когда в ее состав входили части Свердловской и Пермской областей, которые будут разделены в октябре 1938 г.). Летняя засуха 1936 г. привела к резкому сокращению урожая всех сельскохозяйственных культур, а затяжные дожди в августе и сентябре не позволили собрать полностью даже то, что выросло. Осенью ряд районов оказался пораженным эпидемиями общественного (колхозного) и индивидуального скота. Однако местные власти поставили задачу перед колхозами полного выполнения государственных планов по поставкам сельскохозяйственной продукции. Весь партийный и советский аппарат был направлен на проведение продовольственных реквизиций в колхозах и совхозах. План выполнить не удалось, но из деревни изъяли подавляющую часть урожая. В итоге уже зимой 1936/37 г. разразился голод, который охватил, в первую очередь, сельское и частично городское население.

Общее ухудшение питания колхозников Свердловской области в 1936 г. зафиксировали работники

Свердловского областного УНХУ. В справке, подготовленной в марте 1937 г. на основе бюджетных обследований хозяйств, структура питания из 19 наименований продуктов представлена в сравнении двух групп: крестьян-единоличников в 1927/28 хозяйственном году и колхозников в 1936 г. (табл. 1).

Данные табл. 1 показывают, что из 14 продуктов питания, по которым собирались сведения, по 5 из них за обозначенный период зафиксировано увеличение размеров потребленных продуктов. Самый большой рост дало потребление картофеля – на 47,3 %, овощей – на 19,1, мяса – на 8,6 %. Потребление хлебных продуктов сократилось, особенно пшеничной муки, но увеличилось потребление ржаной муки (на 7,3 %) и круп с бобовыми (на 34,4 %). Остальные продукты питания показали резкое сокращение, особенно молоко (на 19,7 %), сметана и сливки (на 37,2 %), скормное масло (коровье) (на 61,8 %). Существенно уменьшилось потребление рыбы (на 43,4 %), растительного масла (на 93,2 %). Сократилось потребление сахара, яиц. В данном случае верно наблюдение Ш. Фицпатрик о том, что «еды и питья в деревне после коллективизации стало меньше» [7, с. 149]. Нужно учитывать то обстоятельство, что в справке данные в целом за 1936 г. приводятся усредненные. Ситуация с продовольствием в деревне за первую и вторую половину года была различной.

Тем не менее расчет калорийности продуктов питания показывает заметное ее сокращение в 1936 г. по сравнению с 1927/28 г. и отклонение от обычной нормы.

Данные табл. 2 показывают, что калорийность питания в уральской деревне уменьшилась с 73 078,7 ккал в 1927/28 г. до 68 595,0 ккал в 1936 г. (т.е. на 6,13 %). Дневное потребление в 1936 г. составило 2255 ккал, что было меньше минимальной нормы современных нормам Всемирной организации здравоохранения она составляет 2300–2400 ккал в день) [5, с. 74–75].

Помесячные бюджетные обследования показали, что продовольственные затруднения в уральской деревне стали фиксироваться с осени 1936 г.; следовательно, данные за вторую половину года по объему и структуре питания были существенно ниже, чем за первую половину (см. графики на рис. 1–9). Нужно учесть, что из-за разразившейся эпидемии скота в ряде районов области колхозники стремились его зарезать, а мясо употребляли в пищу. Основу питания составляли в 1936 г. хлебные продукты и крупа, а также картофель (более 75 % от всех калорий, потребляемых колхозниками). При этом 10 % в рационе приходилось на молоко и молочные продукты, 3,99 % – на мясо и 0,29 % – на рыбу. 2,15 % от всей энергетической ценности пищи давали сало, сметана, масло коровье. Подавляющую часть продуктов колхозники получали от своего приусадебного участка. Этот маленький клочок земли позволил колхозникам спастись от массового голода.

Наглядное представление о потреблении главных продуктов в 1936 и 1937 гг. можно получить на

¹Аржиловский А.С. Дневник 1936–37-го годов // Урал. 1992. № 3. С. 138–160.

Т а б л и ц а 1

Питание крестьян Свердловской области в 1927/28 и 1936 гг. (в месяц, в расчете на одного человека, г)*

Продукты	Крестьяне-единоличники 1927/28 хоз. год	Колхозники 1936 г. (общественное и домашнее)	1936 г. в % к 1927/28 хоз. год
Все хлебные продукты	18 561	18 466	99,5
В том числе мука ржаная	7374	7910	107,3
мука пшеничная	7981	7374	77,6
крупа и бобовые	621	836	134,6
Картофель	8382	12 348	147,3
Овощи всякие	3883	4623	119,1
Мясо всякое	1449	1573	108,6
Сало	45	28	62,2
Молоко цельное	13 509	10 841	80,3
Сметана и сливки	390	245	62,8
Масло скоромное	233	89	38,2
Яйца (шт.)	4	3,7	92,5
Рыба	412	233	56,6
Масло растительное	59	4	6,8
Сахар, конфеты, мед	395	385	97,5

* Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 1813. Оп. 1. Д. 170. Л. 53; Колхозная жизнь на Урале. 1935 – 1953 / Сост. Х. Кесслер, Г. Корнилов. М., 2006. С. 150.

Т а б л и ц а 2

Калорийность питания крестьян/колхозников Свердловской области в 1927/28 и 1936 гг.
(в месяц на одного человека, ккал.)

Продукты	(ккал. в кг)	1927/28 г. хоз. год	1927/28 г. в день	1936 г.	1936 г. в день
Мука ржаная	2955	21 790,17	716,39	23 374,05	766,36
Мука пшеничная	3285	26 217,58	861,95	20 347,29	667,12
Крупа и бобовые	3378	2097,73	68,97	2824,00	92,59
Картофель	670	5615,94	184,63	8273,16	271,25
Овощи всякие	204	792,13	26,04	943,09	30,92
Сахар	3875	1530,62	50,32	1491,87	48,91
Масло растительное	8517	502,5	16,52	34,06	1,12
Мясо в среднем	1742	2524,15	82,99	2740,16	89,84
Сало	6470	291,15	9,57	181,16	5,94
Рыба в среднем	860	354,32	11,65	200,38	6,57
Молоко цельное	635	8578,21	282,02	6884,03	225,71
Сметана и сливки	2482	967,98	31,82	608,09	19,94
Масло коровье	7795	1816,23	59,71	693,75	22,75

* Рассчитано по: ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 170. Л. 53; Колхозная жизнь на Урале... С. 150.

графиках (рис. 1–9). Они составлены на основании бюджетных обследований колхозных дворов Свердловской области в расчете на одного человека ежемесячно, в граммах².

Зерновые составляли основу питания и по количеству, и по калорийности. На рис. 1 видно, что сокращение потребления зерновых началось с мая 1936 г. (19 335 г, т.е. 623,7 г в день) и продолжалось из месяца

в месяц до марта 1937 г. (это был самый низкий показатель, он составил 13 024 г, т.е. на один день приходилось в среднем по 420,1 г). В апреле потребление стало несколько увеличиваться – до 14 002 (по 466,7 г в день), в мае – до 14 644 (472,3 г в день) и в июне 1937 г. – 14 213 (473,7 г в день). Скорее всего, некоторое повышение произошло в результате распределения среди колхозников продовольственной ссуды, полученной от государства для привлечения колхозников к весенне-полевым работам.

² ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 170. Л. 54, 55.

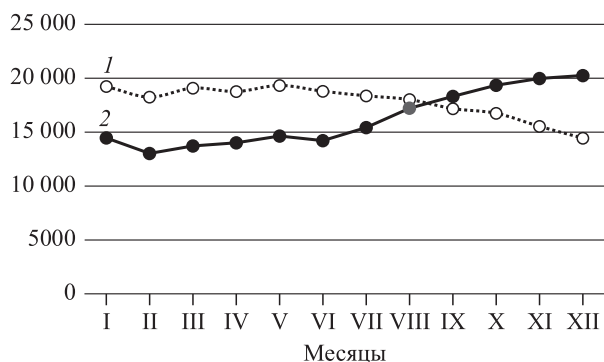

Рис. 1. Помесячное питание колхозников Свердловской области: зерновые (г в месяц).
1 – 1936 г.; 2 – 1937 г.

Печеный хлеб колхозники по большей части приобретали за деньги в магазинах системы потребительской кооперации (сельпо). Для этого требовалось предъявить членскую книжку с уплаченными взносами. Однако печеный хлеб практически исчез из продажи в деревне. Часть колхозников, проживавших недалеко от городов и рабочих поселков, добиралась до магазинов и в порядке очереди покупали несколько булок хлеба. Однако зимой вывезти покупку из города стало невозможно, за несколько булок хлеба деревенских жителей арестовывали, а хлеб конфисковали. Это делалось для того, чтобы «улучшить» ситуацию с хлебом в городах и ликвидировать огромные очереди у магазинов. Потребление печеного хлеба росло с сентября 1936 г. и до января 1937 г., в феврале и марте наблюдалось падение потребления, затем рост продолжался до августа, до получения нового урожая (рис. 2). Если в феврале в среднем на одного человека приходилось по 3717 г (т.е. по 132,7 г в день), то в июле – по 9321 г (т.е. по 310 г в день). В значительной степени печеный хлеб приобретался для питания детей, поскольку в колхозные детские сады родители приносили для своих детей хлеб и молоко. Если хлеб выдавался в детских садах, то за него нужно было ежедневно платить деньгами. Увеличение потребления печеного хлеба в кризисный период свидетельствовало о стремлении властей смикшировать ситуацию и не допустить голода среди сельского населения.

Картофель был основным продуктом питания. Он спасал в любой ситуации. Практически весь приусадебный участок колхозника засаживался картофелем. Его потребление в голодные месяцы увеличивалось (рис. 3). С октября 1936 г. и до апреля 1937 г. потребляли картофеля больше, чем в более благоприятные месяцы. С марта по июль 1937 г. объем потребляемого картофеля резко снизился по сравнению с соответствующими месяцами 1936 г. Его запасы быстро иссякали. Практически такая же картина наблюдалась и с потреблением овощей, в основном это была капуста (рис. 4).

Особенность ситуации с употреблением мяса и сала заключалась в том, что их потребляли – с ок-

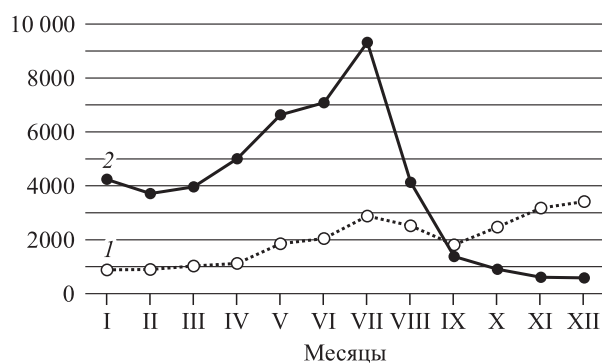

Рис. 2. Питание колхозников Свердловской области: печеный хлеб, со стороны (г в месяц).
1 – 1936 г.; 2 – 1937 г.

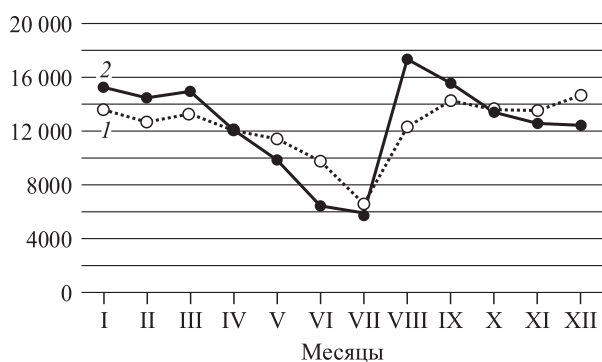

Рис. 3. Питание колхозников Свердловской области: картофель (г в месяц).
1 – 1936 г.; 2 – 1937 г.

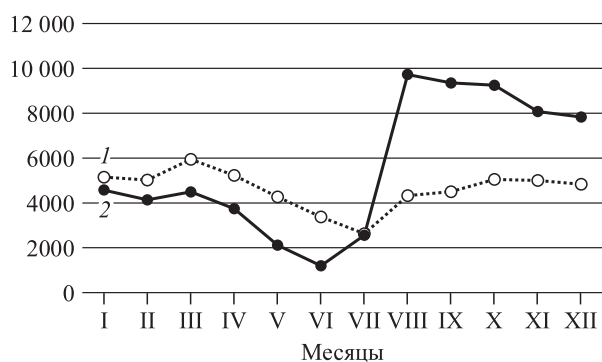

Рис. 4. Питание колхозников Свердловской области: овощи (г в месяц).
1 – 1936 г.; 2 – 1937 г.

тября 1936 г. и до июня 1937 г. включительно – больше, чем обычно в эти месяцы (рис. 5). Это совпало с тем, что в сельской местности области разразились заболевания скота в колхозах и в личном подворье колхозников. С целью не дать животным погибнуть колхозники прирезали скот и их мясо употребляли

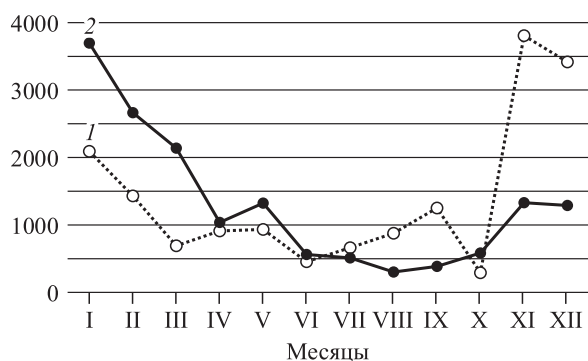

Рис. 5. Питание колхозников Свердловской области: мясо и сало (г в месяц).
1 – 1936 г.; 2 – 1937 г.

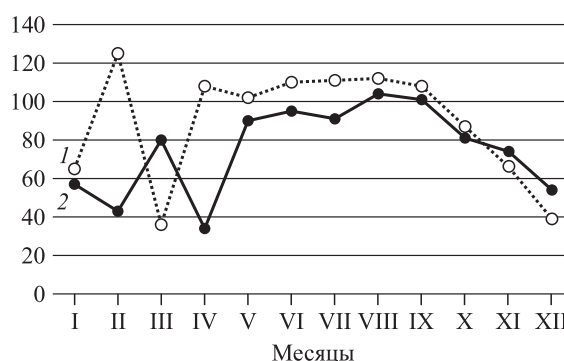

Рис. 7. Питание колхозников Свердловской области: масло коровье (г в месяц).
1 – 1936 г.; 2 – 1937 г.

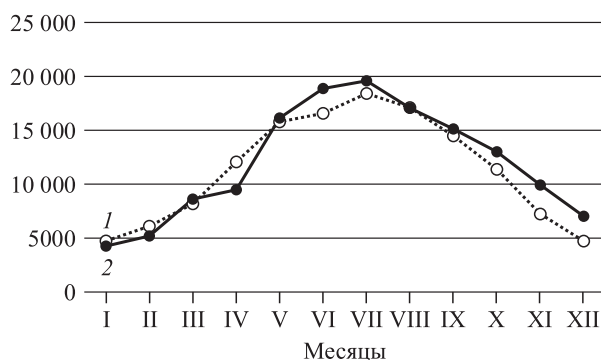

Рис. 6. Питание колхозников Свердловской области: молоко и молочные продукты (г в месяц).
1 – 1936 г.; 2 – 1937 г.

в пищу. Подобная ситуация несколько лет назад наблюдалась в период массовой коллективизации, когда крестьяне не желали отдавать свой скот в колхозы и зимой 1929/30 г. сознательно шли на его убой. В ноябре 1936 г. на одного человека приходилось по 126,9 г мяса в день (это самый высокий показатель за два года), в декабре 1936 г. – 110,2 г, в январе 1937 г. – 119,2, в феврале – 95,1, в марте – 69,0, в апреле – 34,5, к августу потребление упало до 9,7 г в среднем за день.

Потребление молока в деревне в кризисный период сократилось (рис. 6). В январе 1937 г. среднелюдиное потребление молока снизилось на 10,1 % по сравнению с январем 1936 г., в феврале – на 15 %, в марте – выросло на 5,5 %, в апреле вновь снизилось на 21,3 %. После завершения отела коров наблюдалось резкое увеличение потребления молока – в 2–3 раза. Председатели колхозов понимали, что оставить колхозников без молока невозможно, сознательно шли на незаконные действия – расходовали молоко на внутриколхозные нужды в ущерб обязательным государственным поставкам. В постановлении Ирбитского райисполкома от 20 мая 1937 г. отмечалось, что «проверка

показала оседание молока на месте. В колхозе 20 лет КИМа осело от валового удоя 50 %, в колхозе Тельмана – 43 %, в колхозе имени Ворошилова Косаревского сельсовета – 75 %, в колхозе «Пламя революции» – 85, имени Чапаева – 87, имени Молотова Скородумского сельсовета – 68 %»³. Только три четверти колхозных дворов имели коров.

Молоко и картофель практически спасли от голодной смерти огромное количество людей. Масло коровье практически в критические месяцы исчезло из рациона, поскольку для питания использовалось все молоко. Если в июле–сентябре 1936 г. молока потреблялось в среднем по 110 г в месяц на человека, то в октябре – 81, в ноябре – 66, в декабре – 39, в январе 1937 г. – 57, в феврале – 43, в марте – 80 г, в апреле его количество вновь упало до 34 г (рис. 7).

Еще меньше потреблялось растительного масла, в основном оно завозилось в область, в крестьянском хозяйстве практически не производилось. В отдельные месяцы, как в октябре и ноябре 1936 г., бюджеты крестьянских хозяйств масло растительное не фиксировали вообще (рис. 8).

Потребление сахара в деревне было крайне низким (в среднем до 10 г в день), его можно было приобрести только в магазинах сельской потребкооперации (рис. 9).

В целом бюджеты крестьянских хозяйств показывают, что потребление основных продуктов питания стало сокращаться с октября 1936 г. и продолжалось до лета 1937 г. Продовольственный кризис оказался продолжительным, захватив конец зимы, весну и большую часть лета 1937 г. Потребление колхозников резко сократилось. На время весеннего сева местные власти, чтобы привлечь колхозников на работу, вынуждены были искать источники пропитания. Ирбитский райисполком 20 мая 1937 г. дал распоряжение райпотребсоюзу производить торговлю хлебом в сельпо в размерах до 6285 кг в день.

³ Государственный исторический архив в г. Ирбите (ГИА в г. Ирбите). Ф. 463. Оп. 1. Д. 83. Л. 4.

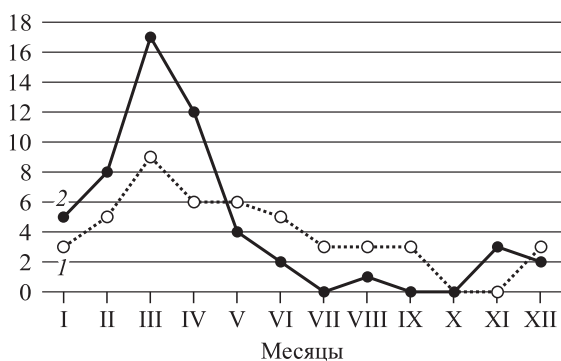

Рис. 8. Питание колхозников Свердловской области: масло растительное (г в месяц).
1 – 1936 г.; 2 – 1937 г.

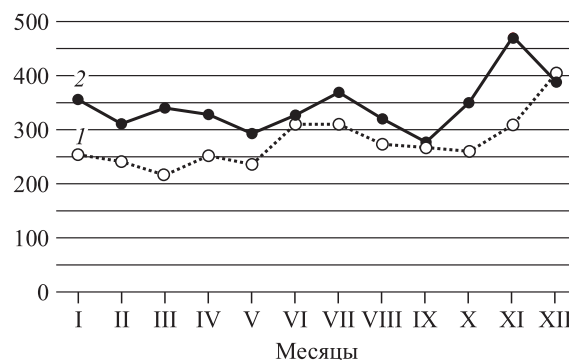

Рис. 9. Питание колхозников Свердловской области: сахар (г в месяц).
1 – 1936 г.; 2 – 1937 г.

Чтобы достичь этого объема, было решено снять с продажи в городе Ирбите 8,5 т хлеба⁴. Когда все источники перераспределения иссякли, местные власти обратились в область с просьбами о выделении хлеба колхозникам. Секретарь Ирбитского райкома ВКП(б) Меркушев 25 июня 1937 г. писал секретарю Свердловского обкома партии Абаляеву: «...Вступая в первоначальную работу сеноуборки у нас абсолютная необеспеченность хлебом в колхозах в связи с недородом в 1936 г. Поэтому убедительно прошу: для того, чтобы минимально создать условия в работе колхозов с тем, чтобы закрепить колхозников на сеноуборке, отпустить Ирбитскому району прод[овольственную] ссуду 600 – 700 ц. Тов. Абаляев по затронутым вопросам, особенно с продссудой, убедительно прошу оказать помощь и в крайнем случае увеличить продажу хлеба в районе с 515 тонн до 720 тонн. В настоящее время продаем на селе печеного хлеба 7 тонн, в том числе обеспечиваются и мероприятия Райлесхоза, и по городу 16 тонн печеного хлеба и очереди не сокращаются»⁵. 5 июля 1937 г. Меркушев снова пишет в обком Абаляеву: «Приближается упорная боевая работа – это хлебоуборка. Тов. Абаляев, я должен рассказать о состоянии снабжения в колхозах. Все колхозы вступили в уборку – нет хлеба, что резко снижает сеноуборку. Убедительно прошу отпустить на сеноуборку продссуды 700 ц, я на месте все, что мог, использовал, все источники. [...] Для того, чтобы хотя бы закрепить известное число колхозников на сеноуборку, вынужден несколько тонн снять хлеба из розничной торговли города и бросить на село. На июль месяц нам выдали наряд на продажу хлеба 275 тонн, это получится 27 тонн печеного хлеба на продажу в день, что абсолютно не обеспечивает потребность района, занятых в промышленности, в организациях, в колхозах. Взрослого населения по району насчитывает-

ся более 40 тыс. человек. Для нормальной торговли надо увеличить лимит на июль до 720 т»⁶.

22 июля 1937 г. инспектор Нархозучета по Ирбитскому району С.М. Кошеев послал письмо в Москву в ЦК ВКП(б), лично Я.А. Яковлеву, и в НКВД генеральному комиссару Госбезопасности Н.И. Ежову. Он сообщил, что с октября 1936 г. работал районинспектором нархозучета, ознакомился с районом, с колхозами. И далее он отметил, что «... уже тогда стоял скот колхозов без кормов, колхозники оставлены без хлеба и в момент принятия Сталинской Конституции были очереди за хлебом, которые не прекратились до сих пор. Они дискредитировали радостную жизнь, а теперь дискредитируют помощь, отпущенную правительством Свердловской области. Незаконными хлебозакупками оставили колхозы без хлеба, вызвали очереди в магазинах за хлебом, оставили колхозников и их детей без хлеба и продовольствия. 50 % всего поголовья скота в районе пропало. По поводу решения правительства об оказании помощи Свердловской области⁷ созвали 18 июля совещание – слет стахановцев колхозников, должны были прибыть 300 делегатов, прибыло 217, а присутствовало 150 человек. В своей речи Меркушев сказал, что, мол, дается области такая цифра помощи, то же в разрезе района и дальше в разрезе почти каждого колхоза и что, конечно, понятно из газет, потребовал работать по 30 часов в сутки без отдыха, но план сенокоса выполнить, план силоса, план ремонта дорог, посевы прополоть, лошадей на лесосплав дать, надо заложить пары, прополоть посевы и т.д. [...] Пригрозил присутствующим, критикуй, но осторожно и знай кого, а то и посидишь в тюрьме»⁸.

Как свидетельствуют источники, помощь сельским районам в виде продовольственной ссуды летом 1937 г. была оказана, связывалась она с выполнением

⁶ Там же. Л. 47, 48.

⁷ Речь шла о постановлении СНК СССР и Политбюро ЦК ВКП(б) «Вопросы Свердловской области» от 5 июля 1937 г. (см.: [8, с. 261–263]).

⁸ ЦДОСО. Ф. 1359. Оп. 1. Д. 353. Л. 21–27.

⁴ ГИА в г. Ирбите. Ф. 463. Оп. 1. Д. 82. Л. 49.

⁵ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДОСО). Ф. 1359. Оп. 1. Д. 353. Л. 18–20.

колхозных полевых и прочих работ. Переживших голодную зиму и весну колхозников надо было подкормить, чтобы они могли работать в колхозе.

Статистики загсов «отреагировала» на голодные месяцы. В среднем за год в 1936 и 1937 гг. в Свердловской области умирало на 24,2 тыс. чел. больше, чем в среднем за два предшествующих года. За 1936 и 1937 гг. «избыточное» число умерших по области составило 48,4 тыс. чел., в том числе в сельской местности – 22,2 тыс. чел. [9, с. 65].

До начала зимних месяцев 1936 г. люди еще как-то справлялись со все ухудшавшимся продовольственным положением, однако с наступлением зимы эта беда превратилась в катастрофу. Голод охватил практически все районы области, приобрел крайние формы. Дефицит продуктов ощущался и в индустриальных центрах области. Недоедание (латентная форма голода) охватило практически всю территорию Свердловской области. Полномасштабная катастрофа разразилась в Коми-Пермяцком национальном округе, где отрицательный прирост населения фиксировался весной – летом 1937 г. Главными продуктами питания были картошка и низкокачественный хлеб, причем в недостаточных количествах, не обеспечивавших физиологического минимума потребления.

Засуха летом 1936 г. не была единственным фактором продовольственного кризиса и голодной трагедии. Несмотря на крайне низкий урожай хлебов, местные власти все силы направили на выполнение любой ценой планов хлебозаготовок (обязательных поставок, натуроплаты МТС, возврат семенных ссуд). Продовольственные затруднения (так писали в то время), которые фиксировались уже в октябре–ноябре 1936 г., усиливались жестким нежеланием партийно-советских органов снижать безвозмездные хлебозаготовительные планы. Ситуация осенью–зимой 1936 г. усугубилась эпизоотией домашних животных. В этих условиях продовольственное обеспечение колхозников резко ухудшилось. Средняя выдача зерна на трудодни по итогам 1936 г. составила менее 1 кг на трудодень, что было на уровне 1932 г. Часть колхозов вообще не распределяла зерно по трудодням. В этих колхозах голод начался уже в ноябре–декабре 1936 г.

Исторические источники, в том числе помещенная динамика потребления продуктов, позволили выделить следующие фазы продовольственного кризиса, перешедшего в голодовку населения. Первая (вхождение в кризис) – август–сентябрь 1936 г. – предкризисное состояние с продовольствием; на этой фазе возможно было скорректировать налогово-заготовительную политику, прекратить изъятие зерна из колхозов. Вторая фаза (угрожающая стадия) – октябрь–ноябрь 1936 г. – переход ситуации с продовольствием в угрожающую стадию кризиса; на этой стадии необходимо было осуществлять меры государственной продовольственной помощи колхозникам. Третья фаза (чрезвычайная) – декабрь 1936 г. – апрель 1937 г. – переход угрожающей стадии кризиса

в чрезвычайную; населению требовалась уже не только продовольственная помощь государства, но и медикаментозная, поскольку последовали первые смерти от голода, увеличивалось количество больных безбелковыми отеками, распространялись заразные инфекционные болезни. Четвертая фаза – апрель–июнь 1937 г. – полномасштабная катастрофа, характеризовавшаяся ростом эпидемических заболеваний, повышенной смертностью населения. Остановить ее позволила бы не только государственная продовольственная помощь, но и активная деятельность учреждений здравоохранения. Эта помощь государства в виде продовольственных ссуд пришла с большим опозданием.

В июле 1937 г. начался поиск виновных в развернувшейся трагедии, когда виды на новый урожай были хорошими. Результаты этого «поиска» вылились, с одной стороны, в открытые судебные процессы «над врагами колхозного строя» (их по области было организовано 11), с другой – в выполнении приказа НКВД СССР № 00447. Власть не сделала вывода о том, что оформившаяся колхозная система не справлялась с поставленными задачами, а в условиях изъятия значительной части произведенной продукции не могла обеспечить минимума необходимых для колхозников продуктов питания. «Временные продовольственные затруднения», так назывались чиновниками трагические события с середины 1936 г. до середины 1937 г., не повторили своими масштабами голодную трагедию 1932–1933 гг. Этот голод носил в основном латентный характер. Государство оказало помощь селу, колхозы получили зерновые ссуды из государственных резервов. В тех местах, где эта помощь оказалась недостаточной и несвоевременной, разразилась страшная трагедия. Только высокий урожай 1937 г. позволил выйти из голодной катастрофы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: РОССПЭН, 1999. 271 с.
2. *Солдаткин А.* Затерянный голод тридцать седьмого // *Родина*. 2008. № 6. С. 102–106.
3. *Нефедов С.А.* Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. 283 с.
4. *Нефедов С.А.* Изменение уровня потребления продуктов питания в результате коллективизации // *Вестник Том. гос. ун-та*. 2011. Вып. 6 (98). С. 208–213.
5. *Нефедов С.А.* Продовольственное потребление советских трудящихся в 1930-е гг. // *Вопросы истории*. 2012. № 12. С. 71–78.
6. *Колхозная жизнь на Урале. 1935–1953 / сост. Х. Кесслер, Г.Е. Корнилов.* М.: РОССПЭН, 2006. 912 с.
7. *Фицпатрик Ш.* Сталинные крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2008. 421 с.
8. *Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы.* М.: РОССПЭН, 2004. Т. 5, кн. 1. 1937 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг. 648 с.
9. *Корнилов Г.Е.* Демографическая ситуация на Урале в середине 1930-х гг. // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2016. Т. 23, № 4. С. 60–66.

REFERENCES

1. *Osokina E.A.* Behind “Stalin’s abundance” facade: distribution and market in the population supply during the industrialization. 1927–1941. Moscow, ROSSPEN, 1999, 271 p. (In Russ.)
2. *Soldatkin A.* The lost famine of 1937. *Rodina*, 2008, no. 6, pp. 102–106. (In Russ.)
3. *Nefedov S.A.* Agrarian and demographic results of Stalin’s collectivization. Tambov, TSU Publ. House, 2013, 283 p. (In Russ.)
4. *Nefedov S.A.* Changes in the food consumption level as a result of collectivization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, no. 6, pp. 208–213. (In Russ.)
5. *Nefedov S.A.* Food consumption by Soviet workers in the 1930s. *Voprosy istorii*, 2012, no. 12, pp. 71–78. (In Russ.)
6. *Kessler H., Kornilov G.E. (comps.)* Collective farm life in the Urals. 1935–1953. Moscow, ROSSPEN, 2006, 912 p. (In Russ.)
7. *Fitzpatrick Sh.* Stalin peasants. Social history of Soviet Russia in the 1930s: the countryside. Moscow, 2008, 421 p. (In Russ.)
8. *Danilova V., Manning R. (eds.)* The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. 1927–1939: documents and materials. Moscow, ROSSPEN, 2004, vol. 5, bk. 1, 648 p. (In Russ.)
9. *Kornilov G.E.* The demographic situation in the Urals in the mid 1930s. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2016, no. 4, pp. 60–66. (In Russ.)

*Статья принята
редакцией 29.07.2019*

DOI: 10.15372/HSS20190307
УДК 94(47+48)“1941/1945”

И.В. БЫСТРОВА

ДОСТАВКА ЛЕНД-ЛИЗОВСКИХ ГРУЗОВ В СЕВЕРНЫЕ ПОРТЫ СССР (1941–1945 гг.)

Институт российской истории РАН,
РФ, г. Москва 117036, ул. Дм. Ульянова, 19

В этой статье на основе метода конкретно-исторического анализа архивных документов ПЗК СССР в США изучается судьба ленд-лизовских грузов по их прибытию в СССР. Отмечено, что в начальный период поставок наблюдались перебои с прибытием грузов (особенно по северному маршруту) в связи с большими потерями в пути. С советской стороны ленд-лизом занималась Правительственная закупочная комиссия СССР в США (ПЗК) Наркомата внешней торговли (НКВТ) СССР. Контроль за прибытием грузов был возложен на инженерный отдел НКВТ. О состоянии прибывавших в порты СССР грузов свидетельствуют отчеты уполномоченных НКВТ, акты порта и таможен. Грузы сортировались по ведомствам; особая группа – «грузы Ленвнештранса» – включала товары для блокадного Ленинграда. С 17-го каравана началась оперативная обработка документов в местах разгрузки пароходов. По актам таможни выявлялись потери, недостатки в упаковке и размещении грузов, факты хищений, особенно продовольственных товаров из прохудившейся упаковки. Установлено, что всего за весь период отгрузок по ленд-лизу было отправлено в СССР 2743 парохода с грузом 17 349 тыс. т. Потери судов за этот период составляли 2,6 %, или 76 судов с грузом 455 тыс. т.

Ключевые слова: Ленд-лиз, советско-американские отношения, северные порты, уполномоченные НКВТ, грузы, система учета.

I.V. BYSTROVA

DELIVERY OF LEND LEASE CARGOES TO THE USSR NORTHERN PORTS (1941–1945)

Institute of Russian History RAS,
19, Dm Ulyanova str., Moscow, 117036, Russian Federation

The USSR Government Purchasing Commission (GPC) in the USA of the National Commissariat of Foreign Trade (NCFT) was responsible for booking, dispatching and transport cargo to the Soviet Union. The article studies the cargos' destiny after their arrival to the USSR using a concrete historical analysis of GPC archival documents. Continuous delays in delivery of cargoes took place at the early supplying period, especially in the Northern route due to heavy losses in route. Cargo arrival supervision was carried on by NCFT Engineer Department. Reports of NCFT authorized persons, ports and customs statements give characteristics of freight condition, nomenclature, quality, as well as plans of their distribution and re-distribution due to losses. Reports describing cargoes used such terms as “crashed during the enemy raid”, “damaged with storm”, “got wet with water”. Cargoes were sorted according to departments including the group “undistributed cargoes” and “cargoes of ‘Lenvneshtrans’ which included goods for besieged Leningrad. Starting with the 17th convoy, freight documents processing was made in points of ship unloading, and delays in paperwork stopped. Documents on PQ-17 convoy disclose specific “fraud” of institutions with one of the best Lend lease goods – canned meat. National Commissar of Foreign Trade A.I. Mikoyan confirmed proposals to allot meat products first of all to Leningrad (2000 tons), and to the nearest fronts. He himself suppressed the departments' abuses, a case to sell in Arkhangelsk soap sent as a gift from the Red Cross, ordered to pass that soap to fronts. Customs acts revealed various kinds of violations, among which the most widespread was “cargo didn't arrive”; they fixed shortcomings in freight wrapping and arrangement while loading the ship, facts of theft, especially of foods from damaged containers. According to GPC data, over the whole period of Lend Lease shipping in total 2743 ships were sent to the Soviet Union (17 349 thousand ton cargo). Losses of ships as a result of enemy activities or the other reasons for this period comprised 2, 6 %, or 76 ships with 455 thousand ton cargo.

Key words: Lend Lease, Soviet-American relations, northern ports, convoy, NCFT authorized persons, cargo, accounting system.

Ирина Владимировна Быстрова – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН, e-mail: irinbystrova1@yandex.ru.

Irina V. Bystrova – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, the Institute of Russian History RAS.

Ключевым направлением военного сотрудничества стран «Большой тройки» в 1941–1945 гг. было выделение и доставка военно-экономической помощи СССР в рамках известной программы ленд-лиза. В данной статье, являющейся продолжением моей статьи об Алисбе [1], показан процесс прибытия грузов в северные порты СССР, их приемки и распределения внутри СССР. Контролем за доставкой ленд-лизированных грузов в места назначения на территории СССР занимался главным образом инженерный отдел Наркомата внешней торговли НКВТ. В начальный период поставок имели место перебои с прибытием грузов. Особые трудности возникали на северном маршруте в связи с большими потерями в пути. Часто в отчетах уполномоченных НКВТ при описании прибывших грузов встречаются такие характеристики, как «разбит при налете вражеской авиации», «повреждены бурей», «подмочены водой» и т.д.

О состоянии, номенклатуре, качестве грузов и проблемах при их распределении на территории СССР и перераспределении в связи с потерями грузов свидетельствуют отчеты уполномоченных НКВТ в северных портах СССР. По каждому прибывшему каравану ленд-лизированных судов уполномоченные НКВТ в Мурманске и Архангельске составляли отчеты на имя заместителя наркома, а иногда и наркома НКВТ.

Подробности организации транспортировки и состав первых конвоев были представлены уже в первых отчетах и сообщениях уполномоченных НКВТ в Мурманске и Архангельске о прибывших грузах из США и Англии в Архангельский и Мурманский порты с 1–8 караванами. Согласно справке уполномоченного НКВТ от 14 ноября 1941 г. «препятствиями на пути конвоев» являлись следующие:

«1. Самолеты врага: в районе порта Белого моря и на пароходе Исландия – Скапа-Флоу.

2. Подлодки врага: на позициях на параллели Канина Носа и отдельно, идущие на Запад на переходе Исландия – Скапа Флоу».

Кроме того, «при переходе у восточных берегов Англии возможны встречи с отдельными самолетами врага».

О распределении грузопотока сообщалось следующее:

«1. На Архангельск: груз армии и флота, боезапасы, автомашины, алюминий, медь, цинк, обувь и армейское сукно, пшеница и сахар (отправка из Англии закончена).

2. На Владивосток: олово, свинец, каучук, шерсть.

3. На Персидский залив: 1/3 потока свинца, джута, шеллака, тигельного графита».

В заключение констатировался положительный вывод о том, что «все грузы намечаются в пределах и сроках, установленных Московской Конференцией»¹.

Уточнение по составу, учету, проблеме проводки и разгрузки первых караванов пришло от уполно-

моченного НКВТ в Архангельске Герасимова в адрес наркома А.И. Микояна и замнаркома А.Д. Крутикова:

Настоящим докладываю о количестве военных грузов, прибывших в порт Архангельска с караванами № 1, 2, 3 и 4.

Примечание: караван, прибывший в порт Архангельск 31 августа 1941 г. в составе п/х «Вестминстер Сити», «Ланкастрион Принц», «Трехата», «Эска» и «Алчиба», в настоящей ведомости не учитывается и числится (по указанию тов. Крутикова) как нулевой.

Караван № 1: пароходы «Джемстон», «Блер Невис», «Лорка», «Ривер Афтон», «Гармоник», «Атлантик», «Копира», «Норд Кинг», «Виль де Аиверс». Дата прибытия – 11/X. 1941». На них прибыли в основном военные грузы: самолеты «Харрикейн», «Томагавк», запчасти к самолетам, танкам «Валентин», моторы к самолетам «Томагавк», авиабомбы, различные виды боеприпасов.

На втором караване, прибывшем 30.X.1941 г., были доставлены пулеметы «Брен», вездеходы бронированные, противотанковая пушка на 3 вездехода с запчастями и другие виды вооружения и боеприпасов.

На 4 и 5 караванах почти на каждом пароходе имелись военные грузы и сахар. Почти на каждом караване – предметы для Русского Красного Креста (медицинские товары, шерстяные изделия и др.), для Польской армии (6 ящиков оборудования, шерстяные изделия, жиры, иглы и др.), для НКВТ (сахар), иногда металлы (цинк, медь); «грузы для чехов»².

Детали прибытия и разгрузки содержались в сообщении тов. Юнакова А.И. Микояну: «11 ноября в 3 ч. 30 мин. по телефону получил уточненные данные от тов. Герасимова» о разгрузке прибывших 30 октября 6 пароходов. В донесении подчеркивались технические и естественно-природные трудности: «На 10 ноября выгружено с п/х 12 416 тн., остаток 229 тн. Медлительность отгрузки объясняется тем, что работает один кран. Вывезено грузов из порта 10 131 тн., остается в порту – остаток от 2 каравана 519 тн., главным образом толуол, и от 3 каравана 2 886 тн.

Два разгруженных парохода грузятся песком и магнезитом.

2 п/х задерживаются с погрузкой, ... находятся во льдах, ледоколы для снятия их достать трудно, т.к. в порту с ледоколами неразбериха. Сначала они находились в ведении Нарковоенморфлота, а теперь их передала порту, который еще не наладил обслуживания их»³.

О составе грузов первых караванов можно судить, например, по данным уполномоченного НКВТ в Архангельске Герасимова от 17/XII-41 г.:

27 ноября с конвоем отправлено в Архангельск: танков «Матильда» – 30, Валентина – 50, запчастей для танков – 122 тонны, грузовиков – 21, запчастей для грузовиков – 44 тонны, пулеметовозов – 40, пулеметов Брена – 80, ружей Бойс – 60, двух фунтовых пушек – 20, боезапасов-0,303 – 205 612, двухфунтовых – 32 076, 7,92 – 430 200, 0,55 – 20 000, дымо-

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 413. Оп.12. Д. 6371. Л. 30-31.

² Там же. Л. 177–178.

³ Там же. Л. 205.

вых – 8 100, 0,45 – 26 000, осветительных – 6 750, сигнальных – 9 300, Харрикейнов – 11, Аэрокобр – 9, боезапас ВВС – 205 тонн, смазки – 284 тонны, груз ВВС – 20 тонн, морских мин – 20, феррохром – 94 тонны, ферросилиций – 621 тонна, никель – 210 тонн, сахар – 2 335 тонн, смазки – 45 тонн, дизельного топлива – 33 тонны, машин – 16 тонн⁴.

Среди грузов 5-го каравана особенно ценными для советской стороны были североамериканские бомбардировщики «Б-25», трехтонные грузовики «Студебеккер» (шасси, кабины, корпуса)⁵. Согласно предварительным сведениям по 5 каравану, давались описания прибывших грузов с пояснениями о возможности их разгрузки по пароходам.

В более поздних сводках выделялись сведения по грузам, уже отгруженным из Мурманска, а также содержались уточненные данные о фактическом прибытии грузов по отдельным пароходам.

Так, в отчете сектора учета, направленном уполномоченным НКВТ в Мурманске на имя А.Д. Крутикова уже 8 апреля 1942 г., имелись сведения о прибывших и отгруженных из Мурманска грузах «Ленвнештранса» по 9/10-м караванам, и отчет о грузах, фактически прибывших в Мурманск на пароходе «Декабрист» 21 декабря 1941 г.

Грузы «Ленвнештранса» включали главным образом предметы «гражданского назначения»: станки различных типов, прессы, приборы, научное оборудование, электромоторы, авточасти, трубы, разные виды проволоки, металлы (алюминий, медь, цинк, латунная лента, биметаллический фосфор), толуол, горючее (изооктан, авиабензин), а также одежду, ткани и продовольствие (мука, сахар, масло)⁶, которые направлялись на снабжение блокадного Ленинграда.

В отчете уполномоченного в Мурманске Фотченко от 2 марта содержались предварительные данные о грузах, прибывших с караваном № 10. На документ была наложена резолюция заместителя наркома внешней торговли А.Д. Крутикова, разъяснявшая расхождение в оценках между советской стороной и англичанами, которые отвечали за проводку конвоев в СССР. По подсчетам советских органов, «последний караван по счету является десятым, но англичане считают его одиннадцатым, мотивируя, что девятый и десятый прибыли в Мурманск одновременно»⁷.

Согласно описанию уполномоченного в Мурманске, караван состоял из следующих пароходов: «Эмпайр Магпи», «Кингс Вуд», «Харт Либери», «Лаудер Кастл», «Мэрилин», «Барвин», «Далдорг», «Эмпайр Баффин», «Степан Халтурин» (на этих судах прибыли грузы из Англии), «Макабао», «Ашхабад», «Корд Кинг», «Сити оф Флинт» (грузы из США). По составу эти грузы были в основном военные – вооружение и боеприпасы, а также грузовики, топливо и промышленное оборудование.

Грузы сортировались по ведомствам, которым они распределялись: так, грузы ВВС Красной Армии включали самолеты «Харрикейн», «Аэрокобра», патроны, запчасти для самолетов; грузы для НКВМФ: пушки «Эрликон», снаряды, патроны; грузы ГАУ КА: пушки, снаряды, минометы, бомбы; грузами для ГУС КА были средства связи. Выделялась также группа «нераспределенные грузы» и группа «грузы Ленвнештранса» гражданского назначения: станки, прессы, насосы, электрооборудование; алюминий, никель, кобальт, хром; проволока колючая, трубы стальные; горючее, графит, фенол, фосфор и другие химические вещества; кожа, обувь, хлопчатобумажная ткань; медикаменты, грузы Красного Креста; сахар, какао-бобы, пшеница, мука; одеяла, шерстяные изделия и др.⁸

Затем составлялись более детальные отчеты о прибывших грузах по отдельным пароходам. Из необычных предметов, которые готовились к отправке с обратным конвоем, на пароход «Революционер» грузились «грузы для англичан»: канцелярские принадлежности и фильмы, на пароход «Эмпайр Сельвин»: «литература» и др.⁹

Упорядочение системы учета прибывавших и отгружавшихся грузов началось с 11-го каравана. В «Отчете о поступлении вооружения в Мурманский торговый порт 11 караваном судов», составленном учетным сектором уполномоченного НКВТ в Мурманске и направленном на имя А.И. Микояна и А.Д. Крутикова 30 марта 1942 г., указывалась, что «в отличие от предыдущих отчетов, последний отчет составлен согласно номенклатуре предметов вооружения, присланной сюда учетно-экономическим отделом НКВТ. По этой причине в отчете не показано количество автомашин, поступивших с 11 караваном. Начиная с 11 каравана автомашины будут включать в отчеты по грузам объединений». Указанная номенклатура предметов вооружения включала следующие группы: авиация, бронетанковое вооружение, артиллерия, связь, морские вооружения¹⁰.

Последующие отчетные документы отражали трудности в разгрузке, недопоставки, потери грузов в результате немецких бомбардировок Мурманска и другие проблемы, связанные с приемом ленд-лизских грузов в северных портах СССР.

Уполномоченный НКВТ в Мурманске докладывал А.И. Микояну и А.Д. Крутикову предварительные сведения о вооружении, прибывшем с 13-м караваном судов, а также предварительные сведения по каждому пароходу, сводку о грузах объединений и отчеты о грузах объединений по каждому пароходу.

В примечании к отчету о фактическом поступлении вооружения с 13-м караваном судов (вышел из Лох-Ю 10 марта, прибыл в Мурманск 30 марта 1942 г., состав судов – 19¹¹), который был составлен учет-

⁴ РГАЭ. Ф. 413. Оп.12. Д. 6371. Л. 49.

⁵ Там же. Л. 71.

⁶ Там же. Л. 48.

⁷ Там же. Л. 43.

⁸ Там же.

⁹ См.: Там же. Л. 15.

¹⁰ Там же. Л. 16.

¹¹ Там же. Л. 70.

ным сектором уполномоченного НКВТ в Мурманске 22.IV.1942 г. Отмечалась, в частности, одна из причин потерь грузов: «7 422 шт. бронебойных снарядов калибра 40 мм, 4480 шт. бронебойных патронов калибра 14 мм и 198 432 шт. простых патронов калибра 7,7 мм сгорели в Мурманском порту на пароходе “Нью Вестминстер Сити” вследствие бомбежки»¹².

Причины недостач и расхождений в цифрах по сравнению с документами выявлялись в объяснительной записке к отчету о поступлении вооружения в Мурманский порт с 13-м караваном судов, составленному на основании приемно-сдаточных актов и актов о недостачах грузов против документов, представленных работниками инженерного отдела, военной приемки и таможни. Примером детального описания и обследования грузов может служить пароход «Тобрук», поскольку он разгружался дольше, чем другие пароходы. В объяснительной записке к отчету о поступлении вооружения в Мурманский порт по этому пароходу сохранился подробный анализ причин недостачи. Главной причиной являлись «боевые потери».

По разделу 1 – «Авиация» – были обнаружены расхождения: «1. Запчасти к самолетам в окончательном отчете показано на 0,1 тн меньше, вследствие недостачи против документов, одного места весом 0,1 тн. 2. Количество патронов простых калибра 7,7 мм в окончательном отчете показано на 1 000 меньше, против документов, вследствие недостачи 1 ящика патронов. 3. Количество патронов трассирующих калибра 7,7 мм в окончательном отчете показано на 125 552 шт. больше. Расхождение объясняется тем, что в предварительном отчете не показаны были 100 ящиков патронов с количеством штук 126 800, кроме того недостает, против документов, 1 ящика патронов с количеством 1248 штук. 4. Количество патронов зажигательных калибра 7,7 мм в окончательном отчете показано на 2 000 шт. меньше, т.е. против документов недостает 2-х ящиков патронов по 1 000 шт. в каждом. 5. Патроны простые калибра 7,7 мм в количестве 624 000 шт., патроны бронебойные 7,7 мм в количестве 500 000 шт., и патроны трассирующие калибра 7,7 мм в количестве 151 008 шт. были затоплены водой в трюме парохода, вследствие бомбежки».

По разделу II – «Бронетанковое вооружение» – были выделены следующие случаи «порчи» поставляемых грузов: «1. Запчасти к танкам и танкеткам. Из показанных в окончательном отчете 106 тонн запчастей – 66 мест весом 1386 кг. затонули при разгрузке парохода. 2. Масла и смазка. В окончательном отчете показано на 0,4 тонны меньше, вследствие того, что содержимое масла 20 мест весом 378 кг вытекло в пути следования парохода».

Кроме того, как отмечалось в документе, «для всего показанного количества масла требуется химанализ, т.к. масло вследствие бомбежки было затоплено водой».

Далее назывались следующие случаи: «3. Дизельное топливо. В окончательном отчете показано на

4,8 тонны меньше. Расхождение объясняется тем, что против документов недостает 56 мест весом 2337 кг. и что вытекло в пути следования парохода содержимое 78 мест весом 2457 кг.

4. Количество патронов простых калибра 7,92 мм в окончательном отчете показано на 11 250 шт. больше, т.к. против документов поступил излишек мест в количестве 24.

5. Патроны бронебойные калибра 14мм в количестве 8 000 шт., патроны простые калибра 77 мм в количестве 517 920 шт., и патроны трассирующие калибра 7,7 мм в количестве 32 448 шт. могут быть использованы как учебные, т.к. из-за бомбежки парохода были затоплены водой в трюме».

По разделу III – «Морское вооружение» – наблюдалась такая ситуация: «1. Оборудование для установки “Асдик” показано в окончательном отчете на 4 ящика меньше, вследствие недостачи против документов. 2. Морское снаряжение показано в окончательном отчете на 5 т больше, которые не были учтены в предварительном отчете».

В разделе IV – «Связь» – было отмечено, что «в предварительном отчете показан двухпроводной телефонный провод в количестве 458 км. По актам сдачи-приемки в наличии оказалось однопроводного телефонного провода 268 км. и двухпроводного телефонного провода 206 км. Всего 474 км., т.е. на 15 км. больше вследствие того, что длина провода в каждой катушке оказалась больше, чем предполагалось ранее»¹³.

Детальный анализ состояния прибывших грузов, с учетом степени и причин их порчи и недостач, сохранился в «Отчете о грузах объединений, прибывших на пароходе «Тобрук» в составе 13-го каравана судов из Англии», подписанном начальником сектора учета уполномоченного НКВТ в Мурманске С. Бакуниным. В «Объяснении к отчету» анализировались причины задержек с отправкой ряда грузов по назначению из Мурманска. В частности, излагались следующие случаи порчи грузов и недостачи:

1. Электромоторы были подмочены водой и подвергаются обработке в мастерской в Мурманске.

2. 22 грузовика «Бедфорд» находились в воде в трюме и после выгрузки подверглись соответствующей обработке.

3. 6 грузовиков «Форд» находились в воде в трюме. 2 грузовика «Форд» сильно повреждены. После выгрузки машины подверглись соответствующей обработке.

4. 20 ящиков авточастей находились в трюме в воде. Ящики были вскрыты, авточасти протерты и смазаны.

...6. Трубы котельные находились в воде в трюме.

...10. Прибыло какао-бобов, согласно документам, 309 тонн, выгружено 271 тонна, в т.ч. 27 тонн подмочено.

...11. Стекло персикс находилось в воде в трюме. Недостача против документов 110 кг.

12. По сахарину указан вес брутто, согласно коносаменту. Обнаружена недостача 1-ой банки весом 1 кг. Сахарин передан по назначению.

¹² См.: РГАЭ. Ф. 413. Оп.12. Д. 6371. Л. 1–2.

¹³ См.: Там же. Л. 13–14.

Особо выделен пункт о состоянии грузов Красного Креста. Они, как указывалось в документе, были полностью вывезены из порта и «сданы по назначению, кроме подмоченной одежды, которая отправляется по назначению по мере просушки в сушилке рыбокомбината. По документам числилось 1425 мест, вес неизвестен. Определен примерный вес выгруженных грузов 895 тонн, исходя из соотношения числа мест по документам к фактически выгруженным»¹⁴.

При получении грузов имели место расхождения в учетных документах. При распределении грузов по ведомствам также возникали случаи неразберихи и путаницы. В объяснительной записке в адрес А.И. Микояна и А.Д. Крутикова к пакету отчетов о грузах, прибывших с 13 караваном, уполномоченный НКВТ Фотченко, в частности, указывал: «Обращаю Ваше внимание на то, что цифровые данные отчетов по некоторым грузам расходятся с данными, сообщенными Вам телеграммой. Так, количество запчастей к самолетам уменьшено за счет выделения из числа их авиамоторов. Количество запчастей к танкам увеличено по сравнению с телеграфными данными. Последнее произошло по той причине, что часть грузов (запчасти к автотранспорту) до выяснения их принадлежности не были сообщены Вам. Количество запчастей к танкеткам уменьшено в отчете, т.к. количество запчастей, относящееся к танкам, было ошибочно отнесено к запчастям танкеток.

Количество пшеничной муки, указанное в отчете, следует считать условным, т.к. эти данные по документам (пароход «Мана») разноречивы. Фактическое количество муки будет установлено после выгрузки парохода»¹⁵.

Самый крупный комплекс документов, отложившийся в коллекции ПЗК СССР в США, относится к печально знаменитому «погибшему» 17-му каравану. Документы касались розыска поврежденных и погибших судов, учета грузов на них, особенно большое внимание уделялось перераспределению резко уменьшившегося против плана списка товаров, доставленных пароходами 17-го каравана. Оставшиеся корабли (18 из 30) были направлены на разгрузку в Архангельский, Молотовский и Мурманский порты.

Параллельно с розыском пароходов и команд началось обследование состояния грузов на спасенных уже судах и консультации с руководством НКВТ о распределении этих товаров. Оперативные сообщения Уполномоченного НКВТ в Архангельске Герасимова по связи «ВЧ» из Архангельска свидетельствовали о чрезвычайности ситуации и особом режиме работы. 12 июля в 15 часов 30 мин Герасимов передал (приняла стенографистка Смирнова) А.Д. Крутикову:

Танки «Черчилль» будут задержаны отгрузкой на 5–6 дней в связи с тем, что требуется небольшой ремонт.

На пароходе «Оушен Фридом» прибыло 600 тонн хлопчатой извести. Кому ее передать? Мы предлагаем Химуправлению. Если правильно, то просим подтвердить.

¹⁴ РГАЭ. Ф. 413. Оп.12. Д. 6371. Л. 23–24.

¹⁵ Там же. Л. 35.

Прибыли противогазы. Просим дать указания, кому передать их. Мы предполагаем передать химуправлению.

Прибыли метеорологические полевые станции – 8 комплектов. Мы предполагаем передать артиллеристам. Просим подтверждения.

На одном из пароходов привезен одномоторный разведывательный гидросамолет. Он был подобран в море капитаном парохода. Англичане говорят, что самолет их, и хотят оставить у себя. Мы намерены передать этот самолет Военно-морскому флоту Беломорской флотилии. Просим указания тов. Крутикова, как поступить с этим делом.

Пароход «Беллингем» за сутки разгрузил 719 тонн.

Танкер «Донбасс» за 8 часов 12/VII разгрузил 2255 тонн.

Пароход «Самуил Кей» не доходя 1 км до Молотовска в канале сел на мель. К пароходу «Самуил Кей» вышел крановый пароход «Эмпайер Эльгар». Этот крановый пароход возьмет небольшую часть груза с парохода «Самуил Кей» (около 500 тонн). После этого оба парохода войдут в Молотовск. Всю эту операцию по частичной разгрузке предполагаем закончить 13-го июля утром¹⁶.

Общую обстановку с разгрузкой пароходов и обработкой документов охарактеризовал Уполномоченный НКВТ в Архангельск: «начиная с 17-го каравана, обработка документов производится в местах разгрузки пароходов, в связи с чем задержки по вручению документов вообще нет».

Приводились случаи халатности при разгрузке и отправке особо ценных продовольственных грузов: при выгрузке парохода «Самуэль Чейз» «портом было оставлено на причале 88 ящиков консервов, которые он требовал выдать ему в счет причитающихся по наряду 17 тонн копченостей. В сдаче незаконно оставленных портом 2 тонн консервов нами было отказано, т.к. эти консервы были предназначены для Ленинграда, и мы потребовали от порта немедленной погрузки консервов в сборном вагоне с фасолью, которая направлялась по этому же назначению. Порт наши требования не выполнил, и консервы остались не отгруженными в ожидании последующих партий, чтобы отгрузить их вместе».

Имели место и другие случаи, потребовавшие, по словам Герасимова, обращения «наших уполномоченных» к работникам порта: «в частности, по вопросам аккуратного обращения с грузом, правильной разгрузки с парохода и погрузки в вагоны, своевременной сдачи извещений на отгруженные товары, которые порт систематически задерживает».

Документ раскрывает специфические «махинации» с одним из главных ленд-лизских товаров – консервами. По вопросу «взимания пищевых продуктов» Герасимов, в частности, писал:

По распоряжению В/О «Экспортхлеб» за № 888/649 от 9.VI-1942 г. в соответствии с инструкцией Наркоммясомолпрома, п. 5, Уполномоченный Экспортхлеба в Архангельске должен сдавать по каждому сорту и расфасовке в отдельно-

¹⁶ Там же. Л. 136.

сти в Москву Экспортхлебу по 3 банки консервов и представителям Мясотреста также для отправки в Москву по 2 банки.

На основании этого по распоряжению Уполномоченного Экспортхлеба т. Усокина его сотрудница т. Янкилевич в присутствии представителей таможни, порта и Мясотреста отобрала по 31 банке консервов разных марок и расфасовки по пароходам «Щорс» и «Чернышевский».

Из отобранных таким образом 62 банок консервов отправлено в Москву 18.VI – 30 банок в 9 посылках, о чем В/О «Экспортхлеб» было уведомено письмами за № 59; представителем Мясомолсбыта г. Черняевым по расписке от 30.VI. с.г. было принято 10 банок; по акту от 23. VI. израсходовано комиссией на дегустацию 15 банок и 7 банок, как арбитражно-контрольная проба, находятся на хранении у Уполномоченного «Экспортхлеба» т. Усокина сроком до 3 месяцев, после чего, согласно телеграммы т. Бакун за № 3641 от 26.VII.1942 г., он должен будет сдать по акту Мясотресту. Своим письмом за № 7/06 от 10.VIII. с.г. «Экспортхлеб» подтвердил получение 7 посылки с 18 банками консервов и просил произвести розыск двух неполученных посылок с 12 банками, что нами и предпринято.

Одновременно довожу до Вашего сведения, что на основании телеграммы Председателя В/О «Экспортхлеб» т. Бакун за № 3637 от 26. VI. с.г. в последующих караванах по прибывающим консервам, по которым образцы уже посланы в Москву, Уполномоченным Экспортхлеба в Архангельске будет отбираться по 2 банки – одна из них для дегустации и одна для контрольного хранения¹⁷.

Из-за гибели каравана руководство НКВТ было вынуждено произвести перераспределение остатков, прибывших в советские порты. Например, из 444 металлорежущих станков, которые везли суда 17-го конвоя, остался только 51 станок. Согласно справке на имя А.И. Микояна, станки перераспределялись следующим образом (число станков):

Наркомату авиационной промышленности –	7
Наркомату боеприпасов –	22
Наркомату вооружения –	11
Наркомату станкостроения –	7
Наркомату танковой промышленности –	1
Наркомату среднего машиностроения –	3
Итого:	51

Большая проблема заключалась в распределении продовольственных поставок, которые являлись остро необходимыми. Ведомства-грузополучатели со своей стороны приняли участие в процессе перераспределения. Так, В/О «Экспортхлеб» направило документ «Относительно разрядки по 17-му каравану заместителю наркома внешней торговли А.Д. Крутикову (копия – начальнику Импортного управления НКВТ В.А. Сергееву)». В документе указывалось:

По 17-му каравану нами разряжены грузы исходя из первоначально намечавшегося прибытия. В связи с уменьшением количества прибывающих грузов, ниже представляем

наши предложения по разрядке того количества, которое фактически ожидается на пароходах 17 каравана:

Товар	Ранее ожидалось	Прибывает	Занаряжено Грузополучатель	Колич., метро тонн брутто	И/предложения о разрядке в связи с уменьшением количества
Мясные консервы	6500	1355	Волховский фронт	300	1355
			Калининский фронт	550	
			Ленинградский -«»-	300	
			Северо-Западный -«»-	450	
			7-я Армия	150	
			Карельский фронт	300	
			Ленинград	2000	
			Московский Мясомолсбыт	350	
			Архангельский Мясотрест	100	
			УГМР	2000	
Яичный порошок	2540	309	Всего	6500	1355
			Ленинград	200	200
			Свердловская контора Мясомолсбыта	100	29
			Нижнетагильская база Мясомолсбыта	50	–
			Горьковская контора Мясомолсбыта	50	–
			Пермь-Молотовская -«»-	100	–
			Челябинская контора -«»-	50	–
			Беломорск-Карело-Финская -«»-	10	10
			Ивановский мясокомбинат	50	–
			Ижевский -«»-	50	–
Ярославский -«»-	70	–			
Вологодский мясотрест	50	50			
Безьянка-Куйбышевская контора Мясомолсбыта	80	–			
Тихвин-Ленинградскому Облторгу	20	20			
Бойня Мясомолсбыта	507	–			
Наркомпищепром	153	–			
УГМР	1000	–			
Всего	2540	309			
Сахар	1773	512	Архангельск-Контора Главсахара	600	112
			Наркомвоенморфлот	400	400

¹⁷ РГАЭ. Ф. 413. Оп.12. Д. 6371. Л. 117 и др.

	Бойня (Москва)	773	–
		1773*	

*16.VII Архангельску дано было указание сдать сахар в первую очередь Наркомвоенморфлоту.

Примечание:

1. Мясных консервов из разряженных 1355 тонн пришло в Архангельск 488 тонн. Сведений о том, кому отгружены 488 тонн, еще не получено.

2. Яичного порошка из 309 тонн пришло в Архангельск 155 тонн, из которых 77 тонн уже отгружены для Ленинграда.

3. Мука, сухие бобы, овсянка и пшеничная мука сдаются на месте конторы «Заготзерно».

По данным предложениям у других ведомств возникали возражения. Автор документа и.о. председателя В/О «Экспортхлеб» Е. Бакун обосновывал и отстаивал свои предложения следующим образом:

Указанные выше предложения не согласованы с Наркоммясомолпромом и Главсахаром. Наркоммясомолпром считает, что мясные консервы надо грузить фронтам, а не Ленинграду. Мы с этим не согласны, учитывая, что на отгрузку в Ленинград имеется постановление правительства.

Просим утвердить наши вышеуказанные предложения.

Вместе с тем, просим Вашего разрешения сообщить соответствующим наркоматам об уменьшениях ожидавшихся и разряженных ранее количествах, чтобы они могли учесть это в своих мероприятиях по снабжению, особенно фронтов, из других ресурсов¹⁸.

После дополнительного рассмотрения А.И. Микояном были утверждены в основном предложения, которые включали выделение мясopодуKтов прежде всего Ленинграду, но и близлежащим фронтам, а также «предложения по закладке в мобзапас продовольственных ресурсов, поступающих по импорту 17-м караваном в счет покрытия ранее разбронированных»¹⁹. Количество «возвращаемых» в резерв мясных консервов было значительным – оно равнялось количеству, выделенному блокадному Ленинграду (по 2000 т).

Относительно распределения других товаров была представлена записка, подписанная председателем объединения «Разноэкспорт» В. Свердловым:

Прошу разрешить прибывшие грузы 17-м караваном направить в следующие адреса:

1. Незабранные медикаменты в количестве 86 тонн направить в Москву на склады НКО и Наркомздрава для сортировки и инвентаризации.

2. Незабранные грузы Красного Креста – 89 тыс. тонн, а также 74 ½ тонны шерстяных изделий – направить в Москву на склады Наркомздрава для инвентаризации.

3. Одежда – 22 тонны согласно Ваших прежних указаний:

3 000 штук – Наркомфлоту и
1 800 –«»- Уполномоченному Красного Креста в Архангельске для госпиталей
40 000 –«»- Управлению трудовых резервов
4. Брезенты – 10 тонн направить в Москву в распоряжение ГАУ КА
–«»- 5 тонн – Архангельскому порту
5. Мыло – 100.080 кусков – Наркомторгу для продажи в Архангельске.

В наложенной в конце документа резолюции А.Д. Крутиков запрашивал А.И. Микояна: «Неудобно будет продавать в Архангельске мыло, прибывшее Красному Кресту как подарки. Это мыло следует или передать Красному Кресту, или отправить для продажи в другой город. Крутиков. 24. VII.42.». Микоян дал распоряжение: «Передать мыло для фронтов. А.И. Микоян. 27/ VII»²⁰.

На документ была наложена окончательная резолюция: «Утверждаю. А. Микоян. 25.VII.».

Оставшиеся корабли бывшего 17-го каравана были загружены товарами для СССР и Великобритании, которые отправлялись обратно в качестве экспортных, что получило в современной литературе название «обратный ленд-лиз». Справка о наличии экспортных грузов в портах, ожидаемое их поступление в порты к 15 июля 1942 г. и план загрузки пароходов 17-го каравана были направлены А.И. Микояну для утверждения начальником экспортного управления НКВТ М. Кузьминым и начальником Транспортного управления НКВТ С. Борисовым. В документе, в частности, указывалось: «Направляем Вам на рассмотрение план загрузки пароходов 17-го каравана экспортными грузами. Планом предусматривается погрузка 62.300 тонн экспортных товаров, в том числе 39.500 тонн назначением в США и 28.800 назначением в Англию. Кроме того, намечено погрузить 25.100 стандартов пиломатериалов, из них 11.900 стандартов в США и 13.200 в Англию.

Из 33 пароходов 17-го каравана намечено погрузить в Мурманск – 8, в Архангельске – 9, в Молотовске – 3, в Игарке – 8, в Онеге – 3, в Беломорске – 2»²¹.

Вслед за списком «экспортных грузов» излагался план загрузки, который позволяет определить, какие материалы поставлялись Советским Союзом в США и Англию в качестве «обратного ленд-лиза»²²:

Товар	Всего, т	В том числе в США	В Англию	Примечания
Хромовая руда	23,000	20,000	3,000	
Магnezит	13,500	10,000	3,500	
Хлористый калий	4,000	1,000	3,000	

²⁰ Там же. Л. 112.

²¹ Там же. Л. 62.

²² Там же. Л. 59.

¹⁸ РГАЭ. Ф. 413. Оп.12. Д. 6371. Л. 134–133.

¹⁹ См.: Там же. Л. 13.

Асбест	2,000	2,000	–	
Мышьяк	500	–	500	
Хлопок	2,000	–	2,000	
Апатит-концентрат	15,000	–	15,000	
Смола	500	–	500	
Разные товары	1,300	500	800	
ИТОГО	62,300	33,500	28,800	
Пиломатериалы (стд.)	25,100 (стд.)	11,900 (стд.)	13,200 (стд.)	В том числе: из Игарки – 13,200 стд. из Онеги – 4,500 стд. из Арханг. – 3,000 стд. из Беломор. – 2,400 стд. из Мурман.– 2,000 стд.
Пропсы (акс.)	2,000 (акс.)	–	2,000 (акс.)	–

В целом следует подчеркнуть, что аппарат уполномоченных НКВТ в портах работал очень тщательно по обследованию состояния и качества прибывших грузов. Иногда, как мы видим, количество поставленного оказывалось больше запланированного в силу особенностей упаковки и других факторов, однако это было скорее исключением.

О состоянии прибывавших в порты СССР грузов позволяют судить в деталях акты порта, таможи и другие документы. С их использованием составлялись сводные отчеты уполномоченных НКВТ, содержащие подробное описание грузов караванов. В качестве типичного примера можно привести «Объяснительную записку к сводному отчету о грузах объединений, прибывших из Англии и США 2 марта 1943 г. на 6 пароходах из состава каравана № 53 в Архангельский порт». В ней подробно описаны состояние грузов, процедура их разгрузки и оформления различными документами.

Весь комплекс отчетных документов содержал: 1) справку об основных грузах объединений НКВТ, прибывших на 6 пароходах из состава каравана № 53; 2) сводный отчет по 6 пароходам каравана № 53 (1 таблица); 3) отчеты по каждому из вышеупомянутых пароходов в отдельности (6 таблиц).

Отчет был составлен на основании «подлинных пароходных документов на грузы, генеральных актов порта, таможенных актов на недостачи и повреждения грузов и в соответствии с номенклатурой Учетно-экономического отдела НКВТ СССР». В документе подчеркивалось, что основным затруднением оставался «неудовлетворительный учет и отсутствие приемки судов в порту, что вызывает многочисленные ошибки в документах и задерживает оформление генеральных и таможенных актов... По пароходу “Тбилиси” портом была организована приемка груза от капитана, от-

дельно по каждому коносаменту, что дало положительные результаты и должно быть распространено на все вновь прибывающие пароходы».

Особой критике подвергалось состояние прибывших грузов: прежде всего, отмечались серьезные недостатки в их упаковке и размещении при погрузке на корабли. В частности, в записке подчеркивалось, что «в связи со значительным количеством продовольственных грузов, доставленных караваном № 53, необходимо отметить, что упаковка их, как правило, оказалась неудовлетворительной (слабая или недоброкачественная тара)».

В целом делался вывод, что «широкое использование продовольственных грузов в качестве сепарационного материала или несоответствующая укладка (рядом или под тяжеловесными грузами) ведет к массовому повреждению и без того слабой тары и, следовательно, к утере или порче значительной части продовольствия, а также к его хищению с причалов из разбитой тары, вследствие недостаточной охраны».

Кроме того, в документах были отмечены проблемы и недостатки, связанные с разгрузкой грузов в порту Молотовска. В частности, «отсутствие в Молотовске достаточной складской площади при неудовлетворительной подаче вагонов под отгрузку, повели к скоплению грузов на причалах в такой степени, что едва ли оставались узкие проходы для проезда автомашин и вывода танков».

Имели место отдельные случаи повреждения грузов машинами, так как один танк при перегоне заскользил, врезался в штабеля грузов, разбил и раздавил 13 ящиков консервов, порвал 5 ящиков муки, повредил 2 банки с горючим и разорвал 3 импортных брезента (акт № 179/М от 16/III-43 г.), грузовой машиной были задеты мешки с сахаром (акт № 185 от -20/III-43 г.)».

По актам таможи были выявлены разные виды нарушений, одним из распространенных являлся самый простой – «груз не поступил». Так, согласно отчету о грузах, прибывших в составе 53-го каравана из Англии на пароходе «Беринг», были выявлены различные виды порчи грузов: из прибывших фактически 1147,4 т муки (вместо 1520,1 т) согласно акту таможи 147 от 22/III.43 г. 74 мешка (4,7 т) не поступило. Кроме того, 263 мешка вследствие плохой укладки повреждены, часть содержимого утеряна (около 3,8 т).

Из положенных по документам 350,8 т сушеной фасоли фактически поступило 346,7 т. По акту таможи № 148 от 22 III-43 г. «не поступило 90 мешков (4,1 т)». Кроме того, 78 мешков были порваны в трюме, утеря составила около 0,7 т. «Остальное содержимое требует переработки».

Мясных консервов должно было поступить 373,0 т, фактически имелось 359,0 т; был составлен акт таможи № 152 от 22 III-43 г. на недопоступление 417 мест против документов.

Масла должно было поступить 72,0 т, поступило 69,2 т, актом таможи № 146 от 22 III-43 г. зафиксировано, что «около 10 % ящиков разбито, вследствие

плохой сепарации часть масла потеряна. Кроме того, не поступило 92 места против документов»²³.

В целом, по данным Правительственной закупочной комиссии, «всего за весь период отгрузок по ленд-лизу было отправлено в Союз 2743 парохода с грузом 17 349 тыс. т».

Потери судов в результате действия противника и по другим причинам за этот период составили 2,6 %, или было потеряно 76 судов с грузом 455 тыс. т) [2, с. 51].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Быстрова И.В. СССР и США: сотрудничество на авиатрассе Аляска – Сибирь (1941–1945) // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, № 1. С. 77–84.

2. «Наркомвнешторг считает целесообразным организовать закупочную комиссию». История ленд-лиза в документах РГАЭ. Февраль 1942 – март 1945» // Исторический архив. 2013. № 5. С. 49–51.

REFERENCES

1. Bystrova I.V. The USSR and the USA: cooperation on Alaska-Siberia air route (1941–1945). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2016, vol. 23, no. 1, pp. 77–84. (In Russ.)

2. *Narkomvneshtorg* considers rational to organize Government Purchasing Commission. Lend Lease history in documents of the Russian State Archive of Economy. February 1942 – March 1945. *Istoricheskiy arkhiv*, 2013, no. 5, pp. 49–51. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 29.07.2019

²³РГАЭ. Ф. 413. Оп.12. Д. 6371. Л. 197.

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

DOI: 10.15372/HSS20190308

УДК 821.161.1."15"

Л.И. ЖУРОВА

О РОЛИ ГЛОСС И МАРГИНАЛИЙ В КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЕ МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI в. (МИТРОПОЛИТ ДАНИИЛ И МАКСИМ ГРЕК)

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Определение роли глосс в движении авторского текста – одна из важных и сложных проблем текстологического анализа средневекового произведения. Цель настоящей статьи – наметить подходы к ее решению на примере анализа сочинений митрополита Даниила и Максима Грека. Установлено, что в главах «Сборника» митрополита Даниила глоссы представляют (согласно герменевтической классификации) буквальные интерпретации. Главными функциями глосс в сочинениях Максима Грека являются толкование, раскрытие символики и образности повествования, углубление смысла текста, его комментирование (аллегорический и тропологический типы интерпретаций). Глоссы и маргиналии в сочинениях Максима Грека, в отличие от Слов митрополита Даниила, разнообразны по своему назначению. В творчестве ватопедского монаха глоссирование не было одноактным процессом, в нем принимали участие писцы и редакторы рукописей. В статье сделана попытка выявить признаки, различающие авторские глоссы и схолии, составленные книжниками.

Ключевые слова: глосса, маргиналия, автограф, «Сборник» митрополита Даниила, собрания сочинений Максима Грека, книжная культура Московской Руси.

L.I. ZHUROVA

THE ROLE OF GLOSSES AND MARGINALIA IN THE BOOK CULTURE OF MUSCOVITE RUS' OF THE XVI CENTURY (METROPOLITAN DANIEL AND MAXIMUS THE GREEK)

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Defining the role of glosses in the progression of author's narrative is one of the significant and complex problems of textological analysis of a medieval work. To put forward approaches to its solution on the example of analysis of the writings of Metropolitan Daniel and Maximus the Greek is the goal of this article. It has been established that in the chapters of *Sobornik* of Metropolitan Daniel, glosses, as a rule, accompany extracts and quotations from patristic literature which are assembled according to themes and compiled probably at Daniel's order by the scribes of Joseph-Volokolamsk Monastery who worked in the metropolitan workshop. By their nature, the glosses of *Sobornik* represent (according to hermeneutic classification) literal interpretations. The early writings of Maximus the Greek (before the year 1525) contain single glosses of a lexicographic character. We find many scholia in Joasaph and Khudov collected works of Maximus the Greek (the end of the 40s – the beginning of the 50s of the 16th century), preserved in the lists with writer's autographs. This article presents the results of analysis of *The Word of Praise to Peter and Paul*, which contains the largest number of glosses and marginalia. They allowed us to conclude that the glossing was not a one-act process which took place simultaneously with collected works compilation. The type of marginal notes made by the author and scribes in the

Людмила Ивановна Журова – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: zhurova@ngs.ru.
Ludmila I. Zhurova – Doctor Philological Sciences, Leading Researcher, Institute of History SB RAS.

margins of manuscripts makes it possible to see how Maximus the Greek edited his own texts which already contained glosses and marginalia. Disclosure of symbolism and figurative narrative, deepening of the meaning of the text, its commentation should be recognized as the main functions of glosses in the text of *The Word of Praise to Peter and Paul*. Glosses in the writings of Maximus the Greek, unlike the Words of Metropolitan Daniel, are diverse in their purpose. They are a tool which reveals the meaning of the text. They serve as a means of communication of the author (editor) and the reader, providing reception of the work. Glosses often had the character of allegorical and moral interpretations (allegorical and tropological type). The article attempts to identify the signs which distinguish the author's glosses from scholia compiled by scribes. The numerous glosses observed in the manuscripts of the 16th century reflect the dynamics of development of the book culture of Muscovite Rus' and level of understanding and perception of the text.

Key words: gloss, marginal, autograph, *Sobornik of Metropolitan Daniel*; *Joasaph, Nizhny Novgorod-Paris, Trinity collected works of Maximus the Greek*; book culture of Muscovite Rus.

Одна из важнейших и сложнейших проблем текстологического анализа средневекового произведения заключается в определении функций глосс в движении авторского текста. Наметить подходы к ее решению на примере анализа сочинений митрополита Даниила и Максима Грека – цель настоящей статьи. Книжная культура Иосифо-Волоколамского и Троице-Сергиева монастырей, с которыми связано творчество митрополита Даниила и Максима Грека, предоставляет богатый материал для исследования. Большое значение в его проведении имеют работы лингвистов. О причинах постановки глосс писала Л.С. Ковтун: «...надо иметь в виду, что писаны они (глоссы. – Л.Ж.) переводчиками, справщиками и копиистами, и многие из них предназначены не только для читателей рукописных книг, а имели и профессиональный интерес: варианты приводились для того, чтобы показать, какой из произвольников был предпочтителен другим, из каких материалов был сделан выбор. Тем самым давалось обоснование этого выбора, но вместе с тем представлялась возможность пересмотреть его, уточнить при переписке или новом переводе достигнутый результат» [1, с. 217–216]. Через много лет замечательный исследователь древнерусской лексикографии повторила это положение [2, с. 8–9]. В рукописной традиции находим много примеров, когда дополнительные чтения или синонимы подводились не только к неизвестным, малораспространенным словам, к иноязычной лексике, но и к распространенным выражениям.

Поскольку записи на полях средневековых рукописей имели разную функциональность, то для корректности анализа необходимо обратить внимание на их классификацию, принятую в книжной культуре XVI в. Глосса (или схолия) – это запись, исполняющая в первую очередь роль толкования слова или выражения, она может представлять (предлагать) вариант чтения, но обязательно связана со смыслом текста и выделяет его значение, следовательно, связана с памятью. Маргиналия – запись на полях, выполняющая функцию комментария текста, она, как правило, передает мнение, оценку читателя (читателем может быть сам автор) и составляет затекстовую информацию. Вставки – это восполненные пропуски или дополнения, представляющие собой новый текст. Все эти вспомогательные средства средневековые книжники активно использовали в своем творчестве.

Опыт глоссирования можно видеть в работах книжников Иосифо-Волоколамского монастыря. По

наблюдениям А.И. Алексеева и А.А. Манохина, большое число исправлений и уточнений содержит список «Книги на еретиков» Иосифа Волоцкого – ГИМ. Епархиальное собр., № 340, 10-е гг. XVI в. [3, с. 215–217]. На очереди обобщение практики редактирования трудов игумена.

В Словах «Соборника» митрополита Даниила (далее: *МДА 197*), составленного на рубеже 20–30-х гг. XVI в. (Основной список РГБ. Ф. 173 № 197, филигранны 1526–1530 гг. [4, с. 77]), глоссы приходится на вторую часть Слов Даниила – «свидетельства». Они коррелируются с апостольским и святоотеческим текстами, выписками из сочинений проповедников и различных сборников (например, «Старчество»). «Свидетельства» в Словах «Соборника» представляют собой некую богословскую антологию, которая в какой-то степени помогала проповеднику решать задачу просветительства – о ее актуальности писал Д.М. Буланин [5, с. 51]. Тематические подборки прецедентных текстов – флорилегии – составлялись образованными иноками Иосифо-Волоколамского монастыря, которые были заняты в митрополичьей книжной мастерской. Более чем вероятно, что эта работа велась по заданию Даниила.

При формировании Слов «Соборника» церковный писатель, видимо, использовал подготовленные комплексы выписок. Примером такого флорилегия может послужить рукопись РГБ. Ф. 98. № 550 (филигранны: Piccard, № 258 – 1528 г., № 261 – 1528 г.; далее: *Егор 550*)¹. Сборник составлен из выписок сочинений святых отцов на тему крестного знамения и почти полностью совпадает со «свидетельствами» четвертой главы «Соборника» Даниила «О крестном знамении». В этом Слове все глоссы сопровождают статьи «свидетельств». Эти же схолии находим в *Егор 550*, но здесь они внесены в текст и создали дублирующие чтения. Так, в *МДА 197* к фразе «слово же не вси вѣмы» (л. 110 об.) подведена глосса «вину же», вписанная на поле под киноварными знаками, смысл выражения: «но не все знаем тому причину». Это выписка из Слова Василия Великого «О Святом Духе. К блаженному Амфилохию» (27 глава). В этом фрагменте речь идет о том, почему во время молитв мы стоим, обратившись на восток. В *Егор 550* читаем: «слово же, вину не вси вѣмы» (л. 21). Аналогичный пример: в *МДА 197* «своя питомца Церкви наказует» (л. 111). Над словом «питомца» киноварные знаки

¹ Приношу благодарность А.А. Манохину, указавшему мне на эту рукопись.

гlossы, на правом поле вписано почерком неосновного писца под киноварными знаками гlossы «чада». В *Егор 550*: «своя чада питомца Церкви наказует» (л. 21 об.). Подобных случаев в Словах «Соборника» довольно много. В истории рукописного текста, как правило, внесение гlossы в строку и составление синонимичной пары – признаки второго этапа работы книжника с текстом. Причина вариативности чтений, видимо, заключается в сопоставлении книжниками (или самим Даниилом) разных переводов святоотеческих сочинений. Рукописи *Егор 550* и *МДА 197*, судя по филиграням, датируются практически одним временем – концом 20-х гг. XVI в. Какая между ними зависимость?

На основе текстологического анализа можно сделать вывод о том, что «свидетельства» Слова 4 Даниила не являются копией сборника *Егор 550*. Во-первых, состав статей «свидетельств» в «Соборнике» несколько сокращен, и сделаны их перестановки; во-вторых, в тексте *Егор 550* допущены пропуски, которых нет в главе «Соборника» Даниила (пропуски выделены курсивом): «им же всяку силу их разруши Христос и дракону отсѣче главу» (*МДА 197*, л. 108; *Егор 550*, л. 12), «Его же, христиане, на всяко время им» (*МДА 197*, л. 109; *Егор 550*, л. 18 об.), «рече Василии Великии» (*МДА 197*, л. 117; *Егор 550*, л. 26 об.).

Ряд пропусков сделан и в «Соборнике», и они доказывают отсутствие прямых связей между *МДА 197* и *Егор 550*. Но, безусловно, в этих сборниках использован общий источник. В *МДА 197* он подвергся редактированию. Так, изменилась структура названий статей. Например, в *Егор 550* заголовок: «От псалма 29-го. “Даль еси боящимся Тебе знамение, еже убѣжати от лица лука”. Толкъ Афонасия Великого»; в *МДА 197*: «Афанасиево. От толкования псалма 29-го. “Даль еси боящимся Тебе знамение, еже убѣжати от лица лука”». Номер псалма – 29 вместо 59 (Пс 59:6) – в обоих текстах ошибочен, что еще раз указывает на общий источник *Егор 550* и *МДА 197*, содержащий гlossы. Имеются и другие примеры того же ряда. В *МДА 197*: «Оригеново. От толкования псалма четвертаго», «Феодоритово. От толкования псалма двадесят втораго»; *Егор 550*: «От псалма 4-го», «От псалма двадесят втораго». Особенностью заголовков в *МДА 197*, как видим, стала их авторизация. Она может быть признана следствием редактирования, выполненного Даниилом.

На собиране тематических комплексов в книжной мастерской митрополита, использованных в его трудах, указывает история «Сводной Кормчей» Даниила, составленной в 30-е гг. XVI в. [6, 225–228]. Важно отметить само существование в книгописной мастерской московского митрополита подобных антологий и отражение в них практики гlossирования.

Согласно герменевтической классификации, в которой выделены буквальный, аллегорический, тропологический и анагогический типы истолкования, гlossы в Словах Даниила большей частью представляют собой буквальные интерпретации, и на полях рукописи «Соборника» Даниила (*МДА 197*) наблюдаем, как правило, синонимические или грамматические варианты чтений,

и большинство гloss вписано почерком основного писца. Следовательно, они появились одновременно с переписыванием текста, они уже находились в источнике. Например, во фразе из Правила 21 Василия Великого «обычай же сице утверди» к глаголу на поле подведен вариант «удержа» (Слово 14, л. 469 об.), в таком виде выражение представлено в «Сводной Кормчей» Даниила, что доказывает использование обоими сводами одного и того же текста. Вариантные чтения, обратим внимание, соотносятся с предикатами: «Яко начертанием Честнаго и Животворящаго Креста отгоними суть бѣси и различнии недуги» (Слово 4, л. 96, Слово Иоанна Дамаскина), гlossа – «бывают»; «Что бо ради рци ми: тяжко быти мнится повелѣние», гlossа – «видится» (Слово 10, л. 337 об., Толкование на Евангелие).

Ряд гloss представляет иную редакцию текста. Так, в том же Слове Иоанна Златоуста «Къ иудеом о трубах пасхы ихъ», которое вошло в «свидетельства» Слова 8 «Соборника» Даниила, читаем в строке: «онъ и съкруши, обви главу свою оружным ремнем, и очи свои закры», гlossа на поле: «обяза главу свою поясаннем мечя» (л. 253 об.). В 9-м Правиле Василия Великого к фразе: «не отлучатися от жены», гlossа – «обдержимом быти от жень» (л. 468, Слово 14), она соответствует, по мнению А.А. Манохина, «старому тексту русских редакций» [6, с. 229]. Следовательно, при составлении «свидетельств» редакторами привлекались разные переводы сочинений отцов Церкви, и расхождения между ними породили гlossы. Записи, сделанные почерком основного писца, скорее всего, передают все особенности протографа.

Итак, практически все гlossы в «Соборнике» приходятся на «свидетельства». Редкий случай гlossирования наблюдаем в самом авторском тексте Даниила. Так, в «Наказании» Слова 10 «Аще нѣкаа злаа сътворимъ братамъ нашимъ: или укоримъ, или оклеветаемъ, – въ таяжде впадемъ» читаем: «Иисус Христос долго терпѣ о прегрѣшенияхъ нашихъ», над словами «о прегрѣшенияхъ» – киноварные знаки гlossы, на поле под теми же знаками почерком основного писца вписано «о законопреступленияхъ» (Слово 10, л. 351 об.). Этой гlossы нет в других списках сочинения. Значение слова «законопреступление» более узкое, нежели «прегрешение», поэтому такая редакция фразы точнее передает смысл высказывания. Вероятно, это пример авторской редакции.

Гlossы же, вписанные почерком другого книжника, могли появиться на каком-то этапе бытования текста и датировке не поддаются. Но, безусловно, они возникали в результате сверки сочинений святых отцов по разным письменным источникам.

Судьба гloss в рукописной истории «Соборника» XVI–XVIII вв. отражает общую тенденцию в развитии книжной традиции Московской Руси – их утрату. Так, в списке «Соборника» Даниила, составленном в конце XVI в., – РНБ. F.I.522, подавляющего большинства гloss, известных в *МДА 197*, нет. Элиминирование гlossария в этой рукописи нельзя считать случайным явлением, поскольку мы наблюдаем не утрату, а отказ

от схолий. В старообрядческой книжности, где «Соборник» Даниила представлен рукописью ГИМ, собр. Хлудова, № 87, конец XVII в., новых глосс не находим. Выговские книжники безоговорочно восприняли сочинение Даниила, продемонстрировав тем самым свое отношение к церковному писателю.

Итак, глоссы в «Соборнике» Даниила связаны с выписками из сочинений святых отцов и учителей Церкви. Они носят характер вариантных чтений, отразивших различные переводы проповеднической литературы византийских писателей, бытовавшие в Московской Руси первой половины XVI в. Маргинальные записи в авторском кодексе митрополита не содержат экзегетического опыта прочтения богословского текста.

В творчестве Максима Грека глоссы, наряду с синонимичными вариантами, представляли толкования иносказаний и нравственных положений. На практику глоссирования, безусловно, оказала влияние переводческая деятельность ученого монаха, в первую очередь перевод византийской энциклопедии X в. Лексикона «Свиды» [5, с. 53–81; 7, с. 67–69]. Основная тенденция, выявленная Д.М. Буланиным при изучении истории текста «Свиды», – «эволюция в направлении более свободного отношения к оригиналу» [5, с. 70]. Опыт такой работы обусловил особенности редактирования Святогорцем собственных сочинений, которое представлено многочисленными глоссами и маргиналиями на полях рукописей, сохранивших обширное публицистическое наследие писателя. Н.В. Сеницына считала, что наличие глосс является приметой первоначального варианта текста писателя, а их утрата свидетельствует о более поздних стадиях в истории памятника [8, с. 40–41]. Изучение рукописного наследия писателя позволяет уточнить и расширить вывод исследователя.

В ранних сочинениях Максима Грека (до суда 1525 г.) глосс немного. Из четырех посланий дипломату, окольникову Федору Ивановичу Карпову наибольшее число глосс находим в первом «Слове на латинов», посвященном обсуждению *filioque* [9, с. 174–183]. Они вписаны на поле рукописи середины XVI в. (ГИМ, Синодальное собр., № 791) и относятся к буквальным толкованиям: например, «еретические бредни» – глосса «лгания», «чревом» – «утробамъ», «ложными изъявлениями» – «обличении», «аристотельския силлогизмы» – «слогни», «художества логискии» – «словесная», «софизматы» – «злехитрствы».

В других ранних сочинениях Максима Грека глоссы единичны. Так, во втором послании против латинян находим: «Параклитово» – глосса «Утѣшителево» [9, с. 213], в «Послании россиянам, сербам и болгарам»: «делту» – глосса «бочку» [9, с. 357]. Единственная глосса появилась в Послании Василию III о переводе Толковой Псалтыри. Так, в цитате из сочинения Григория Богослова: «Ориген иже всем нам осла», к слову «осла» (т.е. «оселок») подведена глосса, вписанная на поле рукописи (РНБ. СПб. ДА.А.1/171, рубеж 40–50 гг.) – «брусъ» [9, с. 157].

Практически это весь перечень схолий, относящихся к ранним сочинениям Максима Грека. Обра-

тим внимание, что они находятся в рукописях середины XVI в. и, как видим, представляют синонимы. Л.С. Ковтун отмечала, что «языковая ситуация, особенно со второй половины XVI в., когда начался длительный процесс сложения языка русской нации и ее литературного (образцового), теперь уже национального языка, была такова, что в течение более чем двух веков у слов любых категорий, в том числе и терминов и названий обиходных предметов... наблюдалась широкая синонимика» [2, с. 9]. Таким образом, глоссы в сочинениях Максима Грека отражают начальный этап этого процесса.

Отметим, что рукописи, датируемые 20-ми гг. XVI в., сохранившие ранние сочинения Максима Грека (РНБ, Софийское собр., № 1498; ГИМ, Епархиальное собр., № 405; ГИМ, Синодальное собр., № 384), не имеют глосс вовсе. Это может означать, что Святогорец в первые годы своей писательской деятельности на Руси нечасто практиковал глоссирование. Как правило, писатель давал толкование слову в строке, вводя его с помощью союзов. Так, во втором послании Ф.И. Карпову против предсказательной астрологии находим следующую синтаксическую конструкцию: «еггастримифии, сирѣчь ко отвѣщающе и бѣсом во чревѣ носимом» [9, с. 328].

В сочинениях Максима Грека комментарии к греческим словам могут вовсе отсутствовать. Так, в «Послании о фортуне» (37 глава Иоасафовского собрания) нет глоссы к слову «имарменин» во фразе, правленной в рукописи РГБ, ф. 37, № 285 рукой Максима Грека (автограф выделен шрифтом ижица): «тихинь и имарменинъ обыкошя нарицати», но имеется глосса к слову «тихинь» – «счастье» (л. 141); в «Слове на Альманака» нет толкования слова «Идрохои»: «снитиємъ планит и зодиев, еже въ Идрохоѣ быти» (РГИА, ф. 834, оп. 3, д. 4025, л. 114 об.). Такие примеры нередки. Следовательно, глоссирование в творчестве Максима Грека на раннем этапе его творчества не носило системного характера.

Множество глосс и маргиналий содержат собрания сочинений Максима Грека – Иоасафовское и Хлудовское, составленные в конце 40-х – начале 50-х гг. XVI в. и сохранившиеся в прижизненных списках с автографами писателя. В двух списках Иоасафовского собрания – РГБ, ф. 173/1, № 42, л. 41–60 (далее *МДА 42*) и РГБ, ф. 173/III, № 138, л. 12–29 об. (далее *МДА 138*) – большое число глосс сопровождает текст 7-й главы: «Слово похвалное къ святымъ апостоломъ Петру и Павлу, в том же обличение и на латыньския три болшиа ереси».

Их анализ выполнен Н.В. Сеницыной в комментариях к изданию [8, с. 358–362]. В данной статье предложена иная интерпретация глоссария выбранного текста. Н.В. Сеницына полагала, что «глоссирование, отраженное в совокупности собраний, было одноактным процессом, проходившим параллельно с созданием основного текста произведения, не только не возрастало от собрания к собранию, но напротив, сопровождалось утратой ряда глосс» [8, с. 41]. Безусловно, тенденция утраты глосс – закономерность в раз-

витии рукописной истории средневекового текста. Но не могу согласиться с утверждением, что появление глосс было «одноактным процессом». Изучение рукописной традиции сочинений писателя обнаруживает многократное обращение к ним автора, писцов и, как следствие, многослойную правку текста.

Надписи на полях рукописи *МДА 42* к «Слову похвальному Петру и Павлу» приходятся на ту часть «Слова», где речь идет об обличении латинских ересей; следовательно, появление толкований обусловлено тематикой произведения, его полемическим пафосом, привлекающим читателя к обсуждению проблемы. Некоторые записи на полях следует отнести к маргиналиям (Н.В. Синицына назвала их «структурообразующими глоссами» [8, с. 359]). Так, в «Слове похвальном Петру и Павлу» три киноарные записи, представленные на полях в виде вертикальных строк, являются, по сути, подзаголовками, отграничивающими темы повествования на «латынския три болюшиа ереси»: «Отселъ на латынскую ересь, глаголемую пургаторионъ, сирѣчь огонь чистителный...» (л. 42–48 об.), «Отселъ на латынскую ересь о происхождении Святаго Духа» (л. 51 об.–52), «Отселъ на латынскую ересь ересь о опрѣсноцѣхъ» (л. 57 об.–58 об.). Еще одна маргиналия указывает на возвращение повествования к теме похвального слова, она встроена в рассуждения о первой латинской ереси: «Възвращение к хвалѣ святыхъ» (л. 49 об.–50).

Вполне вероятно, что эти надписи сделаны по указанию автора. Они отмечают внутренние границы текста, в котором представлены три сюжета: о чистительном огне, об исхождении Святого Духа, об опресноках – и служат они ориентирами для читателя. Маргиналии сохранены в рукописях XVI–XVII вв., причем иногда они интерполированы и представлены как киноарные подзаголовки текста, что отражает рецепцию книжников (читателей).

Есть основания полагать, что Максим Грек редактировал «Слово похвальное Петру и Павлу» после того, как текст уже был закончен, оформлен киноарными глоссами и маргиналиями. Визуальный анализ позволяет видеть, как слова, вписанные рукой писателя черными чернилами на полях *МДА 42* и *МДА 138*, аккуратно встроены, буквально втиснуты рядом с киноарной маргиналией. Так, в *МДА 42* (л. 43 об.) рядом с маргиналией «О чистительном огне» рукой Максима Грека вписана глосса «въздааниу» к слову «венцем», причем этими же чернилами поставлены надстрочные знаки к отдельным буквам киноарной маргиналии, которые свидетельствуют об авторской правке. Слова «лъжи мглу» вписаны Максимом Греком рядом с маргиналией «Възвращение к хвалѣ святыхъ» (*МДА 42*, л. 49 об.). Появление этой глоссы необходимо объяснить, поскольку эти же два слова читаются в строке: «лъжи мглу отгна». Видимо, автору не понравилось их написание, которое можно прочитать как «лъжим глаголу отгна», поэтому он скорректировал чтение: переписал слова на поле, при этом еще вставил по стертому букву «о» (омегу) в слове «отгна».

В *МДА 138* (л. 22) рукой Максима Грека вписаны два слова: «Сам» (слово зачеркнуто на поле и вписано над строкой) и «аггелъ» (расположено около вертикальной строки «О Святом Духе»). Можно привести и другие подобные примеры. Итак, визуальные наблюдения позволяют утверждать, что автор вносил свою правку, вписывая глоссы в собственный текст, который книжниками был оформлен как законченный вариант. Глоссирование в сочинениях Максима Грека, как видим, не было одноактным процессом. Авторская правка, в том числе глоссирование, датировать которую практически невозможно, свидетельствует о продолжении творческого процесса писателя, который оборвался только с его кончиной (1556 г.).

В *МДА 138* автографов (в том числе авторских глосс) Максима Грека больше, чем в *МДА 42*. Так, к слову «нектара» («испълнь нектара») вписана глосса «сирѣчь Божественнаго Духа» (л. 21); во фразе «не по слову божественнаго существа равно бо тои въ триех познавается» в *МДА 138* рукой Максима Грека исправлено указательное местоимение «тои» на «то» и вписана глосса «сирѣчь существо» (л. 25 об.), которую скорее всего надо квалифицировать как вставку. Во фразе «жук мотылородень съвершенѣ показался еси с вѣрискы всегда выспрь движа» к слову «вѣрискы» почерком Максима Грека в *МДА 138* подведена глосса «толк: сирѣчь кругы мотыльны» (мотыло – помет) (л. 26 об.). К выражению «трисолнечному естеству» в *МДА 138* подведена глосса «сирѣчь Святыи Троици» (л. 22 об.).

Эти глоссы неожиданно обнаруживаем в рукописи Троицкого собрания (далее *ТСЛ 200*) в РГБ (ф. 304, № 200, 20-е гг. XVII в.), они вписаны на л. 43 об., 46–46 об. почерками неосновных писцов как черными чернилами, так и киноварью. Троицкое собрание – один из интересных и сложных проектов русских книжников начала XVII в., к сожалению, практически не исследованный. Яркой особенностью рукописи *ТСЛ 200* является многочисленная и многослойная правка. Очевидно, что на каком-то этапе (довольно раннем) своего бытования рукопись была сверена с другими источниками, хранившимися в архиве Максима Грека, который после смерти писателя находился в Троице-Сергиевом монастыре, его последнем пристанище. Книжники при составлении нового свода трудов ученого монаха привлекали разные списки, проводили текстологическую работу, подводили разночтения, помечая их на поле *ТСЛ 200*. Это хорошо видно по правке текста рукописи, выполненной несколькими писцами. Так, к первой маргиналии дописано три слова (выделено курсивом): «Отселъ на латынскую ересь, глаголемую пургаторионъ, сирѣчь огонь чистителный, даже до сего мѣста зри прилъжно, о четцо, и разумѣи извѣстно и смотри внятню» (*ТСЛ 200*, л. 40); следующая глосса получила продолжение в виде киноарной приписки (выделено курсивом): «шестокрылатых серафимъ глаголет и многоочитых херувимъ» (*ТСЛ 200*, л. 44). Этих новых фраз нет в других рукописях. По ним можно судить о творческом потенциале иноков Троице-Сергиева монастыря.

Некоторые глоссы, известные по правленному тексту *ТСЛ 200*, находятся в списках Нижегородско-Парижского собрания (или собрания в 112/113 глав) – Paris. Man. Slave 123 (далее *Slave 123* или *НПС*) и ГИМ, Синодальное собр., № 491. Обе рукописи датируются концом XVI в., Парижская рукопись – *Slave 123*² – в последнее время стала предметом особого внимания [8, с. 33–39]. Ряд сочинений в этой рукописи (но далеко не все) имеет множество глосс. На основе их изучения Н.В. Сеницына отказалась от собственной концепции об истории прижизненных собраний сочинений Максима Грека, отдав предпочтение *НПС*, посчитав, что его архетип сохранил первоначальные варианты текстов писателя. Заключение историка было рассмотрено мною в одной из статей и сделан предварительный вывод о вторичной (по сравнению с Иоасафовским собранием) природе Нижегородско-Парижского собрания³.

Рукописи *НПС* грешат многими писцовыми ошибками и пропусками. Так, из трех маргиналий, обозначающих темы повествования, в *Slave 123* приведена только одна – об исхождении Святого Духа. Нет целого ряда глосс, сохранившихся в *МДА 42* и *МДА 138*. Ряд надписаний на полях *НПС* представляют собой исправление чтений. Так, вместо слова «нужу» во фразе: «сказау нужу и подвигы» (*МДА 42*, л. 47) в *НПС* написано «сказау скорбь и подвигы», а на поле видим запись: «нужу» (*Slave 123*, л. 181). Происхождение слова «скорбь» в тексте *НПС* можно объяснить контекстом: этому чтению предшествует евангельская цитата: «...прискорбными потщитися враты внити» (Мф 7:13), и писец мог написать слово «скорбь» вместо «нужу» по инерции.

Другое чтение, которое Н.В. Сеницына тоже считала архетипичным в *НПС* [8, с. 360–361], на самом деле ошибочно. Сочетание «божественными свѣтлостми» во фразе: «житиа же и слова божественными свѣтлостми преизящнѣ вѣстекше к славѣ Оного» (*МДА 42*, л. 41 об.) в *НПС* заменено на «божественными цвѣты», но на поле писец вписал «свѣтлосми» (л. 175), тем самым исправив ошибку. По смыслу и грамматической форме лексема «цвѣты» не вписывается в контекст (перевод: «божественными блистаниями жития и слова прекрасно востекли к славе Его»). В *ТСЛ 200* слово «цвѣты» зачеркнуто киноварью, но глоссы вовсе нет (л. 37 об.). Это же сочетание встречаем в другом фрагменте «Слова»: «не терпяще божественную свѣтлость, нестерпимую сущую» (л. 53 об.), что еще раз доказывает его принадлежность авторскому тексту.

Важным моментом истории текста памятника является тот факт, что ряд глосс известен только *НПС* и *ТСЛ 200*, т.е. их нет в прижизненных списках *МДА*

42 и *МДА 138*. Так, во фразе «еже приносити безквасна съврѣшеному живота хлѣбу» (*МДА 42*, л. 58) к слову «съврѣшеному» в *НПС* и *ТСЛ 200* подведена глосса «сирѣчь Христу». Слову «догму» («злочестиву догму его обличити писмены») (*МДА 42*, л. 58 об.) дано толкование: «сирѣчь мудрование». Местоимение «их» («их же честное и благочинное житие тщаниа», *МДА 42*, л. 59) сопровождается глоссой: «толк священник сирѣчь». Эти схолии приходится на третью часть «Слова похвального Петру и Павлу»: латинскую ересь – опресноки. Видимо, Максим Грек специально обратился к заявленной теме на каком-то этапе редактирования сочинения. Глоссы могли находиться в недошедшей до нас рукописи, но нет оснований считать, что она старше и исправнее *МДА 42* и *МДА 138*.

Главной функцией глосс в сочинениях Максима Грека является раскрытие символики, образности повествования. Так, в «Слове похвальном Петру и Павлу» дважды к слову «таиннику» подведена глосса «сирѣчь Моисею» (*МДА 42*, л. 52 об., л. 53 об.); «земленое» – глосса «плоть» (л. 53); «пяточисленных двереи» – «пятих чювствъ глаголетъ» (л. 53), «исследовати неизследованнаа» – «сирѣчь таины божественнаа» (л. 53 об.); «сѣни» – «всего Ветхаго закона глаголетъ» (л. 52 об.); «чюжих словесъ» – «сирѣчь еллинска философия» (л. 56 об.); «словеса сущих» – «толк, сирѣчь тварей видимых и невидимых» (л. 53 об.); «божественнаа четворица» – «четырех Еуагелии» (л. 56 об.). Эти глоссы сохранились во всех списках сочинения, что указывает на их архетипичную природу.

Другой ряд глосс углубляет, уточняет смысл текста, а следовательно, и замысел писателя. Так, к слову «предѣль» во фразе «достигше къ концу обьихъ предѣль» (л. 43) подведена запись на поле: «еже есть смерть», которую можно рассматривать и как уточняющую вставку. В рукописи *Slave 123* читается другой вариант: ««достигше къ концу обьихъ урокъ», на поле со знаком глоссы к слову «урок» вписано «предѣль еже есть смерть» (л. 177). Вероятно, чтение «урок» в значении «определенное, урочное время» принадлежит книжнику, в трудах Максима Грека это слово не встречается, тогда как лексему «предѣль» находим в ряде его сочинений, например: «Пребудимъ убо внутрь предѣль неблазненнаго богоразумиа» (*МДА 42*, л. 334, 37-я глава Иоасафовского собрания); «предѣлы и уставы отеческия преставаюти нѣсть на ползу» (РГБ. Ф. 37. № 285. Л. 244, 69-я глава Хлудовского собрания). В списке *Slave 123* редактор внес глоссу в результате сверки с авторским текстом, причем она не была, как видим, достаточно корректна. В *ТСЛ 200* эта фраза имеет вид: «достигше къ концу обьихъ предѣль урокъ», киноварные знаки глоссы поставлены над обоими словами «предѣль урокъ», на поле глосса: «еже есть смерть» (л. 38). Соединение синонимов, возникшее из-за внесения глоссы в строку, является признаком вторичной природы чтения.

Уточняя смысл фразы «Дѣль бо нынѣшнии вѣкъ... вѣнцемъ же – будущиимъ», автор подводит глоссу «възда-

² Гардзанти М. Глоссы рукописи Парижской национальной библиотеки (Paris, Slave 123): между лексикографией и экзегезой // Вестн. Моск. ун-та. 2019. № 3 (в печати).

³ Журова Л.И. К вопросу об истории текста Нижегородско-Парижского собрания сочинений Максима Грека (Paris, Man. Slave 123) // Studia Slavistica. 2019 (в печати).

аниу» к слову «вѣнцем», т.е. «время воздаянию – век будущий», она вписана в *МДА 42* на поле рукой Максима Грека (л. 43 об.). Семантическая разница между словами «вѣнец» и «въздаение» заметна.

Ряд глосс выполняет свое прямое назначение – толкование. Так, глосса «съобщително масло, или елѣи, милостынь есть яже к нищим» поясняет фразу: «не украсися съобщителным маслом» (л. 43 об.), причем в *МДА 138*, л. 14 эта глосса вписана почерком Максима Грека со словом «толк». Цитата из Символа веры «еже есть «Вѣрую въ единого Бога»» (л. 51 об.) сопровождается фразой: «утвердиша божественное исповѣдание православныя вѣры», в *МДА 138*, л. 21 об. слово «православныя» правлено почерком Максима Грека. С именем «Вирсави» соотносится глосса «Соломона» (л. 53), отсылающая к библейской истории (Вирсавия – мать Соломона).

Н.В. Синицына считала все глоссы в трудах Максима Грека принадлежащими ему. На самом деле это, видимо, не так. Обратим внимание на глоссы, содержащие предикат «глаголет», который может указывать на то, что писец отсылает к автору, т.е. он, автор, говорит. Например: «Аще убо сени» – глосса «всего Ветхаго закона глаголетъ» (л. 52 об.); «въ совершенных мужъ» – «изложена православную вѣру святыми Соборы глаголетъ» (л. 53); «китом поглощенаго» – «Иону глаголетъ» (л. 53), «пяточисленных двереи» – «пятих чювьств глаголетъ» (л. 53), «без посредства черпльюща божественных просвѣщении» – «шестокрылатых серафим глаголетъ» (л. 53 об.) и др. Сам Максим Грек часто вводил глоссу с помощью слов «толк», «сирѣчь», что видим в прижизненных рукописях. Например, в *МДА 138* к одному местоимению «овъ» рукой автора подведена глосса «толкъ, сирѣчь Петръ» (л. 21), к другому «овъ» – «сирѣчь Павел» (л. 21 об.).

Глоссы в сочинениях Максима Грека, в отличие от Слов митрополита Даниила, разнообразны по своему назначению, они являются инструментом, раскрывающим смысл текста писателя, служат средством коммуникации автора (редактора) и читателя, обеспечивающим рецепцию произведения.

Помощниками в составлении глоссария нужно признать книжников Троицкого монастыря. В его книгописной мастерской в середине XVI в., т.е. одновременно с редактированием Максимом Греком собственных сочинений, появился первый Азбуковник, и не без влияния Святогорца [10, с. 65–80]. Вторая редакция Азбуковника была составлена в конце XVI в., а это время интенсивного составления обширных сводов сочинений Максима Грека русскими книжниками.

Безусловно, глоссарий в трудах Максима Грека отражает уровень книжной культуры Московской Руси, и в этом процессе принимали участие как автор, так и книжники. Автор стремился уточнить некоторые позиции своего высказывания, дать толкование, углубить смысл слова или фразы, обратить внимание на ее духовный смысл. Он решал просветительские задачи. Книжники своими надписаниями продолжили практику автора, они способствовали повышению культуры

чтения, демонстрировали свое восприятие текста, его понимание. И оно было достойным.

Еще раз хочется обратить внимание на выводы лингвистов: «Глоссы Максима Грека следует отнести к числу тех материалов, совокупность которых может представить в живой реальности процесс тысячекратных усилий писателей и всего народа, направленных на создание литературного языка Нового времени» [11, с. 126].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ковтун Л.С.* Русская лексикография эпохи средневековья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 446 с.
2. *Ковтун Л.С.* Древние словари как источник русской исторической лексикологии. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. 112 с.
3. *Алексеев А.И.* Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемике 1480–1510-х гг. СПб., 2010. 390 с.
4. *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М.: Наука, 1980. 312 с.
5. *Буланин Д.М.* Переводы и послания Максима Грека. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. 278 с.
6. *Манохин А.А.* Сводная Кормчая митрополита Даниила и её место в каноническом праве: дис. ... канд. ист. наук. М., 2018. 406 с.
7. *Синицына Н.В.* Максим Грек в России. М.: Наука, 1977. 332 с.
8. Преподобный Максим Грек. Сочинения. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. Т. II. 432 с.
9. Преподобный Максим Грек. Сочинения. М.: Индрик, 2008. Т. I. 568 с.
10. *Ковтун Л.С.* Лексикография в Московской Руси XVI – начала XVII в. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. 351 с.
11. *Ковтун Л.С., Синицына Н.В., Фонкич Б.Л.* Максим Грек и славянская псалтырь. Сложение норм литературного языка в переводческой практике XVI века. // Восточнославянские языки. Источники для их изучения. М.: Наука, 1973. С. 99–127.

REFERENCES

1. *Kovtun L.S.* Russian lexicography of the Middle Ages. Moscow, Leningrad, 1963, 446 p. (In Russ.)
2. *Kovtun L.S.* Ancient dictionaries as the Russian historical lexicology source. Leningrad, 1977, 112 p. (In Russ.)
3. *Alekseev A.I.* Writings of Joseph Volotsky in the discussion context of 1480–1510. Saint Petersburg, 2010, 390 p. (In Russ.)
4. *Kloss B.M.* Nikon's and Russian chronicles of the XVI–XVII centuries. Moscow, 1980, 312 p. (In Russ.)
5. *Bulanin D.M.* Translations and Epistles of Maximus the Greek. Leningrad, 1984, 278 p. (In Russ.)
6. *Manokhin A.A.* Cumulated nomocanon of Metropolitan Daniel and its place in the canon law: dissertation. Moscow, 2018, 406 p. (In Russ.)
7. *Sinitsyna N.V.* Maximus the Greek in Russia. Moscow, 1977, 332 p. (In Russ.)
8. *Venerable Maximus the Greek.* Writings. Moscow, 2014, vol. 2, 432 p. (In Russ.)
9. *Venerable Maximus the Greek.* Writings. Moscow, 2008, vol. 1, 568 p. (In Russ.)
10. *Kovtun L.S.* Lexicography in Muscovite Rus' of the XVI – early XVII centuries. Leningrad, 1975, 351 p. (In Russ.)
11. *Kovtun L.S., Sinitsyna N.V., Fonkitch B.L.* Maximus the Greek and Slavonic psalter. Composition of the norms of literary language in the translation practice of the XVII century. *Vostochnoslavjanskie jazyki. Istochniki dlya ikh izucheniya.* Moscow, 1973, pp. 99–127. (In Russ.)

Статья принята редакцией 08.07.2019

DOI: 10.15372/HSS20190309
УДК 821.161'01–311.8"14"

Т.В. ПАНИЧ

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ЛИДЕРЫ СООБЩЕСТВА ЦЕРКОВНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.:
МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ КОММУНИКАЦИИ***

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,

В статье рассматриваются творческие связи между видными представителями русской письменной культуры второй половины XVII в., входившими в сообщество церковных писателей из окружения патриарха. В фокусе внимания автора статьи – интеллектуальные лидеры сообщества: Афанасий Холмогорский, Игнатий (Римский-Корсаков), Евфимий Чудовский и Митрофан Воронежский. В качестве материала исследования использованы рукописи конца XVII – начала XVIII в.: произведения указанных писателей. Анализируются межличностные коммуникации интеллектуальных лидеров сообщества, выявляются и определяются особенности и способы контактов. В исследовании сделан вывод о том, что в процессе коммуникаций лидеров сообщества продуцировались идеи и ценностные установки, оказывавшие влияние на формирование его социокультурной идентичности.

Ключевые слова: церковные писатели XVII в., публицистика, интеллектуальные лидеры, межличностные коммуникации, идентичность.

T.V. PANICH

**INTELLECTUAL LEADERS OF THE COMMUNITY
OF CHURCH WRITERS OF THE SECOND HALF OF XVII CENTURY:
INTERPERSONAL COMMUNICATIONS**

Institute of History SB RAS,
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The community of church writers from the Patriarch's surrounding occupied a specific place among the variety of groups of intellectual influence in the second half of the XVII century. The paper focuses on the most bright leaders of the community: Afanasy Kholmogorsky, Ignatius (Rimsky-Korsakov), Euphymius Chudovsky and Mitrofan Voronezhsky. The author uses manuscripts dated from the late XVII – early XVIII centuries as research materials, which are personal essays of the abovementioned writers or their contemporaries. The article objective is to identify and examine interpersonal communications of the community intellectual leaders based on the scientific analysis of these sources; receive data on the ways of their artistic communication and relations, ideas and values that were born within such communication.

Almost all mentioned leaders of the community had a significant ideological and spiritual influence both on their surrounding and large groups of population due to their church activities. The main tool of their intellectual influence was spoken and written word. Studying their works shows that they reflected not only the specificities of literary works and interpersonal contacts, but also their active participation in the social life and debates on topical issues of the the epoch; demonstrated their role in preserving and maintaining the Orthodox standards and values as a traditional basis of the Russian national life and culture. Interpersonal communications of intellectual leaders of the church writers' community close to the Patriarch were of constant and intense character. There were different ways to contact, including direct communication during face-to-face meetings; letters; author texts and books exchange (new translations of patristic and works by late Byzantine church writers); and cooperative bookish works. Within these artistic communications the writers exchanged their ideas, mastered their literary skills, polemic skills, developed their ideology, values and socio-cultural milestones influencing formation of the community identity.

Key words: XVII century church writers, publicism, intellectual leaders, interpersonal communications, identity.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18–09–00094а.

Тамара Васильевна Панич – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: istochnik@history.nsc.ru.

Tamara V. Panich – Doctor of Philological Sciences, Leading Research, Institute of History SB RAS.

Общественная обстановка, сложившаяся во второй половине XVII в. в силу разных исторических, культурных и политических событий, способствовала появлению разных (порой диаметрально противоположных по своим воззрениям, идеалам и ценностным ориентирам) интеллектуальных сообществ, по-своему реагирующих на происходившие преобразования и осуществлявших в новых исторических условиях поиск собственной идентичности. Каждое из сообществ выдвигало своих интеллектуальных лидеров, определявших направление и характер социокультурных установок группы, которые продуцировали идеи, формировавшие специфические признаки ее идентичности. Это были видные представители патриаршей Церкви, духовные вожди старообрядческого протестантского движения, интеллектуалы-западники.

Среди разных групп интеллектуального влияния второй половины XVII в. особое место занимало сообщество церковных писателей из окружения патриарха, которые были сторонниками греко-византийской православной учености и традиционных идейно-эстетических норм словесности, восходящих к святоотеческому письменному наследию. К наиболее ярким интеллектуальным лидерам данного творческого сообщества можно отнести таких церковных деятелей и писателей, как монах московского Чудова монастыря Евфимий; архиепископ Холмогорский и Важский Афанасий; архимандрит Новоспасского монастыря, а впоследствии митрополит Тобольский и Сибирский Игнатий (Римский-Корсаков); епископ Воронежский Митрофан. Они обладали широкой эрудицией в сфере их компетенций, глубокими книжными знаниями, организаторскими способностями и пользовались признанием всех, кто входил в орбиту их влияния. Например, о масштабе личности (в ее духовном измерении) Митрофана Воронежского, характере его жизненного пути и общественных деяний может свидетельствовать факт его позднейшей канонизации: в XIX в. он был причислен к лику святых Русской православной церкви.

Практически все названные лидеры рассматриваемого сообщества в силу своей церковной деятельности оказывали идейное и духовное воздействие не только на свое окружение, но и на широкие слои населения. Основным орудием и средством их интеллектуального влияния являлось устное и письменное слово. Творческое наследие этих писателей, сохранившееся главным образом в рукописном виде (в списках конца XVII–XIX вв.), представляет собой богатый материал по разным аспектам религиозной, социальной и культурной жизни «переходной» эпохи. Научная ценность данных источников заключается еще и в том, что они содержат сведения, касающиеся персональных биографий интеллектуальных лидеров, способов и характера коммуникаций внутри группы, социальных связей и влияний за ее пределами. Изучение этих вопросов представляется актуальным в связи с тем, что интерес к проблемам, имеющим отношение к «персональной истории», «исторической биографии», «исто-

рии интеллектуальных сообществ», заметно усилился в последнее время, представляя одно из активно развивающихся направлений исторической науки. При этом, как пишет Л.П. Репина, «все более заметное место в современной интеллектуальной истории занимает интенсивный микроанализ, будь то анализ конкретного текста или ситуации, отдельной творческой личности или межличностных отношений в интеллектуальной среде» [1, с. 349].

Что касается рассматриваемого творческого сообщества, плодотворным с научной точки зрения может стать изучение межличностных коммуникаций его лидеров путем исследования созданных ими текстов. Таким образом, цель настоящей статьи – на основе анализа сочинений интеллектуальных лидеров сообщества церковных писателей второй половины XVII в., принадлежавших к кругу патриарха, рассмотреть их межличностные контакты, получить данные о способах и формах общения, идеях и ценностных установках, рождавшихся в процессе интеллектуального взаимодействия и оказывавших влияние на формирование социокультурной идентичности группы.

Как показывают источники, одной из форм интеллектуальных связей между лидерами и другими членами сообщества было совместное литературное творчество. Значимым итогом такого сотрудничества явилось, например, создание силами нескольких представителей группы публицистического сочинения – антилатинской книги «Щит веры», отражающей историю знаменитого спора о времени пресуществления Святых Даров на литургии¹, в котором писатели патриаршего круга были одной из полемизирующих сторон. Помимо Афанасия Холмогорского, который являлся организатором, редактором и автором отдельных текстов, в работе над книгой трудились и другие авторы. В состав книги вошли, например, тексты Евфимия Чудовского, братьев Лихудов, отдельные сочинения, написанные от имени патриарха Иоакима и его преемника Адриана.

Афанасий Холмогорский, несомненно, был одним из влиятельных интеллектуальных лидеров сообщества. Несмотря на то, что он жил вдалеке от центра социокультурных событий, к нему как к авторитетному наставнику, эрудированному церковному иерарху, знатоку книжности² обращались за советом и поддерж-

¹ Известны две редакции «Щита веры»: Основная (она представлена несколькими списками конца XVII–начала XIX в.) и Дополненная (ее единственный список конца XVII в. – ГИМ (Государственный Исторический музей), Синодальное собр., № 346). Текст Основной редакции книги сформировался после казни Сильвестра Медведова (11 февраля 1691 г.): все известные списки «Щита веры» содержат посвященную ему «Повесть о расстриге», которая сообщает о смерти Медведова (имеются в виду полные списки «Щита веры» или же списки книги в извлечениях, но с «Повестью о расстриге»). Работа по подготовке Дополненной редакции «Щита веры» продолжалась на протяжении еще нескольких лет, включая 1699 г. [2, с. 151–179].

² Всю свою жизнь Афанасий собирал книги, основал библиотеку при архиерейском доме в Холмогорах. Посмертная опись его

кой его единомышленники из окружения патриарха. При этом широко использовалось такое средство интеллектуального и творческого взаимодействия, как переписка. В переписке с холмогорским владыкой состоял, например, его друг и единомышленник, автор многочисленных, созданных в разных жанрах сочинений, Игнатий (Римский-Корсаков)³. В известном послании Игнатия Афанасию Холмогорскому о кончине патриарха Иоакима († 17 марта 1690 г.)⁴, которое впоследствии стало центральной частью его Жития⁵, есть указание на то, что написать «о скончании временного жития, во блаженной памяти преставльшаго, всесвятешаго кир Иоакима» новоспасского архимандрита просил холмогорский владыка «в грамотах своих»⁶. Судя по словам автора послания, он воспринимал это пожелание «боголюбивого» Афанасия как возложенное на него служение. Игнатий писал: «Се ныне время благоприятна... да служение, порученное нам архиерейством твоим, исполнено будет, еже видехом и еже слышахом, и руце наши осязахом... скончание всесвятешаго Иоакима патриарха сице бо бе»⁷. Интересно, что Игнатий отправлял Афанасию текст послания (скорее всего, это был его первоначальный вариант), как он пишет, «на разсуждение».

Думается, что архимандрит Игнатий рассматривал текст своего послания как материал для будущего Жития патриарха Иоакима, и в этом качестве направил его инициатору написания сочинения о кончине предстоятеля Церкви архиепископу Афанасию «на разсуждение». Очевидно, он ожидал получить его отзыв не только о содержании, но и о литературных достоинствах созданного им повествования. На это указывают характер и стилистика текста послания: большая часть использованных Игнатием стилистических приемов и средств была привлечена им из арсенала житийной топки. Они привнесли в рассказ о болезни и кончине патриарха Иоакима черты агиографического повествования. Таким образом, оба писателя, по-видимому, обсуждали в своей переписке текст будущего Жития патриарха. Осуществление этого проекта единомышленниками и духовными наследниками патриарха Иоакима, как представляется, было одной из мер, направленных на укрепление авторитета Церкви, усиление ее роли и влияния в обществе, которые заметно снизи-

библиотеки опубликована в книге В.М. Верюжского [3, с. 576–591]. Некоторые книги, принадлежавшие Афанасию Холмогорскому, были идентифицированы и рассмотрены в монографии М.В. Кукушкиной [4, с. 185–197].

³ О церковной деятельности и творчестве Игнатия (Римского-Корсакова) см. новейшее исследование священника И.А. Никулина: [5].

⁴ С большой долей вероятности можно утверждать, что указанная в описи книг Афанасия Холмогорского рукопись под названием «О успении Иоакима патриарха, письменная, в подлесть» [3, с. 589] представляла собой именно текст этого послания архимандрита Игнатия.

⁵ Издание текста послания в составе Жития патриарха Иоакима [6, с. 164–178].

⁶ Там же. С. 165.

⁷ Там же.

лись в результате церковного раскола и последующих общественно-политическими событий.

Этот пример коммуникаций между двумя интеллектуальными лидерами сообщества отчетливо показывает, что в процессе контактов они касались не только церковных дел или проблем из сферы идеологии (как было, очевидно, и во время подготовки «Щита веры»), но и обсуждали вопросы литературной культуры, которая во второй половине XVII в. претерпела ряд изменений [7; 8; 9]. Влияние происходивших трансформаций, в частности, проявление таких новаций, как «открытие ценности человеческой личности» и «индивидуального авторского начала» [7, с. 136–146; 8, с. 144–146], заметно и в послании Игнатия. Оно нашло отражение в усилении здесь авторского самосознания, изменении отношения писателя к литературному труду [10, с. 124–126].

Афанасий Холмогорский и Игнатий (Римский-Корсаков) сотрудничали и в период евхаристических споров. На это указывают слова Гавриила Домецкого (исполнявшего в то время должность архимандрита Новгородского Юрьева монастыря) в его полемическом диалоге с иеродиаконном Чудова монастыря Дамаскиным, когда он говорит о книге «Остен»⁸: «Знаю аз давно сию книгу “Остен”, привозил ко мне казать в Симонов монастырь иеродиакон Стефан Сахаров. Тогда была скорописью писана и поменше нынешняя, об одном пресуществлении. Тогда тетради те розвозили тайно из Чудова монастыря, а ходатаи и первья о том были Афанасий, архиепископ Колмогорский, да Игнатий Карсаков»⁹.

В келейной библиотеке Афанасия Холмогорского числилось несколько сочинений, принадлежавших перу Игнатия (Римского-Корсакова): «Слово на латин и лютеров» (БАН, Архангельское собр., с. 202); «Слово благочестивому и христоролюбивому воинству» (БАН, Архангельское собр., с. 201) и др. Игнатий, будучи уже митрополитом Тобольским и Сибирским, познакомил Афанасия Холмогорского и со своими Сибирскими посланиями («На арменов и полуарменов»), направленными на борьбу с расколом в Сибири. Для холмогорского владыки специально был подготовлен список данного эпистолярного комплекса¹⁰.

Интересно, что Афанасий является одним из персонажей сочинения сибирского митрополита. Он упоминается в 45-й главе Третьего послания, посвященной известному диспуту о вере, состоявшемуся в июле 1682 г. в Грановитой палате Кремля (где уча-

⁸ Сборник «Остен» был составлен Евфимием Чудовским и посвящен полемике о времени пресуществления святых Даров на литургии. Издание текста см.: *Остен*. Памятник русской духовной письменности XVII века. Казань, 1865.

⁹ Библиотека Академии наук (БАН), П.1.В.7. Л. 4. Рукопись представляет сочинение иеродиакона Дамаскина «105 ответов Домецкому», написанное в 1704 г.

¹⁰ Сочинение пополнило келейную библиотеку холмогорского архиепископа, о чем свидетельствует отметка на верхнем поле первого листа рукописи: «От библиотеки архиерейския Холмогорския» (БАН, Архангельское собр., с. 220).

ствовавший и холмогорский владыка). А следующая глава послания целиком посвящена Афанасию Холмогорскому, о чем говорит ее название: «О ревности на соборе Афанасия, архиепископа Холмогорского, на Пустосвята». Здесь Игнатий дает личностную характеристику Афанасия, высоко оценивает его незаурядные полемические способности и твердость характера, храбрость и решительность, смелое поведение, проявленные им во время выступления с обличительной речью против защитников «древлего благочестия», несмотря на угрозы и даже нападение со стороны его оппонента – Никиты Добрынина (Пустосвята): «Вящше же всех обличаше его по ревности православный кир Афанасий, архиепископ Холмогорский, его же обличения не може убежати, сиречь словопрения, Пустосвят зелне поскрежета на нь зубы своими и ринуся на архиепископа и удари его в перси»¹¹. Возможно, Игнатий при написании названных глав использовал в качестве источника «Увет духовный», хотя, как показывает сопоставительный анализ, текстуальных совпадений нет, наблюдается лишь ситуативная близость между описанием события в «Увете духовном» и в Сибирских посланиях.

С именем Афанасия Холмогорского связан и еще один эпизод Сибирских посланий. Это небольшая глава («Сказание о приходе молебном в Соловки великаго государя царя») ¹², повествующая о путешествии Петра I в мае–июне 1694 г. (в тексте ошибочно назван июль, вероятно, автор рассказывал о событии по памяти) в Соловецкий монастырь и другие северные обители, в котором его сопровождал Афанасий Холмогорский. По-видимому, при написании данной главы Игнатий пользовался каким-то текстом, полученным им от Афанасия Холмогорского. Все указывает на то, что письменное общение между двумя иерархами, друзьями и единомышленниками продолжалось и после отъезда Игнатия в Сибирь. Для архиепископа Афанасия это была еще и связь с родиной, которую он не забывал в течение всей своей жизни.

Игнатий (Римский-Корсаков), как и Афанасий Холмогорский, поддерживал контакты со многими современниками – церковными деятелями и представителями русской культуры второй половины XVII в. Это был один круг общения. Исследователь церковной деятельности и творчества Игнатия (Римского-Корсакова) И.А. Никулин отмечал, что в его круг общения, помимо Афанасия Холмогорского, входили патриарх Иоаким, вологодский архиепископ Гавриил, Евфимий Чудовский, архимандрит Адриан – будущий патриарх,

и другие представители Русской православной церкви [5, с. 148–154].

С Афанасием Холмогорским переписывался и другой интеллектуальный лидер сообщества, писатель, поэт и переводчик, один из идеологов «грекофильства» – Евфимий Чудовский [11, с. 58–63], к книжному творчеству которого холмогорский владыка проявлял большой интерес¹³. Например, в его келейной библиотеке находилась рукописная книга «О тайнах церковных», которая, как свидетельствует собственноручная запись архиепископа, «писана на Москве» в 1685 г.¹⁴ Рукопись содержит список одного из важных в культурной программе грекофилов текстов – трактата Евфимия «Учитися ли нам полезнее грамматики, риторики, философии и теологии и стихотворному художеству и оттуду познавати Божественная писания или, и не учася сим хитростем, в простоте Богу угождати и от чтения разум святых писаний познавати»¹⁵. Автор сочинения, рассуждая о том, какой язык – греческий или латинский – следует выбрать в качестве основы обучения, доказывает преимущество первого. Греческий язык, как полагал чудовский интеллектуал, являлся основой и формой сохранения православного вероучения. Изучение же латинского языка, по его мнению, привело бы к отступлению от православия, что грозило утратой вероисповедной идентичности. Как писал Евфимий: «Латинский же язык и учение, и писание во всех сих славяном нам чуждо и далече отсутствующо, и не точию непотребно отнюд, но паче вредно и губительно...»¹⁶.

Евфимий знакомил Афанасия Холмогорского и с другими своими публицистическими и полемическими сочинениями, а также с выполненными им переводами с греческого языка святоотеческих и церковно-канонических текстов, которые приобщали читателей к византийскому духовному наследию. В состав келейной библиотеки Афанасия Холмогорского попал, например, перевод Книги Дионисия Ареопагита¹⁷ (в подготовке которого участвовал и сам Афанасий) [12, с. 155–161]. Холмогорскому владыке был прислан также список перевода книги «Правил апостольских, собранных Климентом, папой Римским». Об этом сообщает запись книги из Синодального собрания ГИМ: «Сия книга Заповеди святых апостол из еллинскаго диалекта преведены быша на славенский язык трудолюбезным и честным отцем монахом Евфимием православным, пребывающим в великом царствующем граде Москве, обитающим же в Чюдове монастыре, в лето мироздания 7201-го и 202-го, а на Холмогоры

¹¹ БАН. Архангельское собр. С. 220. Л. 69–69 об.

¹² Путешествие царя описано в сочинении, созданном при архиерейском доме, по-видимому, при участии Афанасия Холмогорского. В XVIII в. оно было издано Н.И. Новиковым под заглавием: «О высочайших пришествиях великаго государя царя и великаго князя Петра Алексеевича... из царствующего града Москвы на Двину к Архангельскому городу, троекратно бывших, о нахождении шведских неприятельских кораблей на ту же Двину, к Архангельскому городу, о зачатию Новодвинской крепости и о освящении нового храма в сей крепости» (М., 1783).

¹³ О доверительных отношениях между холмогорским архиепископом и Евфимием свидетельствует письмо чудовского инок, в котором он делился с Афанасием о том, как идет работа над переводами святоотеческих трудов, и о том, какие препоны в этом деле он встречает со стороны своих недоброжелателей [12, с. 155–161].

¹⁴ БАН. Архангельское собр. С. 164. Л. 1.

¹⁵ Издание текста см.: [13, с. 244–261].

¹⁶ Там же. С. 245.

¹⁷ БАН. Архангельское собр. С. 126.

к нам прислался 204-го года. И с сея книги у нас чистая переписаная в десть книга сего же 204-го лета»¹⁸. Запись, вероятно, сделана во время пребывания Афанасия Холмогорского в Москве.

Здесь, как видим, имеется и оценочная характеристика личности Евфимия Чудовского, подчеркиваются такие его индивидуальные особенности, как трудолюбие, честность и преданность книжному делу. На эти качества чудовского книжника указывал и иеродиакон Дамаскин, полемизируя с Гавриилом Домецким, который выступал на стороне лагинофилов в богословских спорах конца XVII в. Дамаскин так отвечал на нелестное высказывание Домецкого в адрес Евфимия: «А еже глаголеши, яко у него в словесех несвязно и нескладно, мною, яко ты толико ложных сих и подобных тем театрей не составил еси, елико он, Евфимий, о истинне потрудися, от греческаго бо во славенский диалект древних святых отец многи книги преведе, якоже нам видятя, яже суть Церкви святей нужнее и полезнее паче ваших авторств, в них же латинская лжа, а не святых отец истинное учение»¹⁹.

Подобные (и рассмотренные выше) отзывы современников об индивидуальных чертах и профессиональных качествах интеллектуальных лидеров изучаемого сообщества (а также самих его членов), зафиксированные в рукописях (иногда это лишь крупитцы информации), являются драгоценными свидетельствами, на основе которых можно составить представление (хотя бы самое общее) о той или иной персоне, о характере личных и творческих взаимоотношений между единомышленниками внутри группы и за ее пределами.

Произведения самих интеллектуальных лидеров отражают не только специфику их литературного творчества и межличностных контактов, но и участие этих представителей русской культуры «переходной» эпохи в общественной и церковной жизни; в обсуждении актуальных проблем эпохи²⁰; их роль в сохранении и поддержании стандартов и ценностей православия как традиционной основы русской национальной жизни и культуры. Опора на традиции православия и культурное наследие прошлого для представителей сообщества являлась залогом сохранения вероисповедной и социокультурной идентичности. Тема защиты православия и интересов православной Церкви стала магистральной темой публицистики этих авторов [14]. Она нашла отражение во многих произведениях. В дополнение к уже названным

выше сочинениям в качестве примера можно вспомнить Духовное завещание Митрофана Воронежского²¹. Здесь, как и в текстах его единомышленников, звучит проповедь, направленная на защиту Церкви от воздействия «нововводных чужестранных обычаев», «иностранных обычаев непотребных» и «соблазненных наветов»; содержатся призывы избегать общения с иноверцами и «ругателями Церкви». Необходимо отметить, что сочинение идейно и текстуально тесно связано с духовным завещанием патриарха Иоакима. Оба иерарха были современниками, единомышленниками, часто общались по церковным делам. Патриарх Иоаким в своем Духовном завещании предстает как неутомимый борец с иноземным влиянием, защитник государства, Церкви и православия. Поэтому, вероятно, его Завещание было использовано Митрофаном Воронежским при составлении им своего Завещания в качестве образца.

Итак, анализ привлеченных материалов показал, что межличностные коммуникации интеллектуальных лидеров сообщества церковных писателей круга Патриарха, которых сближала общность взглядов и интересов, носили постоянный и интенсивный характер. Контакты осуществлялись разными способами. Это было непосредственное общение в ходе личных встреч (чаще всего, по случаю каких-либо церковных мероприятий); переписка; обмен книгами (в том числе новыми переводами патристики, трудов поздних византийских церковных писателей) и авторскими текстами; совместное книжное творчество. В процессе коммуникаций интеллектуальные лидеры сообщества обменивались идеями, оттачивали свое литературное мастерство, навыки ведения полемического диалога, вырабатывали ценностные установки, идеологические и социокультурные ориентиры, оказывавшие влияние на формирование идентичности сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Изд-во «Круг», 2011. 559 с.
2. *Панич Т.В.* Книга «Щит веры» в историко-литературном контексте конца XVII века. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. 327 с.
3. *Верюжский В.М.* Афанасий, архиепископ Холмогорский: Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII века. СПб.: Типография И.В. Леонтьева, 1908. 683 с.
4. *Кукушкина М.В.* Монастырские библиотеки Русского Севера. Л.: Наука, 1977. 221 с.
5. *Никулин И.А.* Преподобный Игнатий (Римский-Корсаков), митрополит Сибирский и Тобольский. Екатеринбург: Ред.-изд. отд. Екатеринбургской духовной семинарии, 2015. 312 с.
6. *Панич Т.В.* Житие патриарха Иоакима по списку РГБ, собрание И.Д. Беляева, № 29/1535 // Рукописи XVI–XXI вв.: исследование и публикации. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. С. 140–190.

¹⁸ Государственный исторический музей (ГИМ). Синодальное собр. № 474. Л. 1 об. Под выполненным в Холмогорах еще одним списком книги, очевидно, имеется в виду рукопись: БАН. Архангельское собр. С. 122.

¹⁹ БАН. П. I. В. 7. Л. 9 об.

²⁰ Представители сообщества участвовали в обсуждении вопросов о пути и характере русского просвещения и планах создания высшего учебного заведения в Москве. Этой проблематике был посвящен упомянутый выше трактат Евфимия Чудовского «Учитися ли нам полезнее грамматики, риторики, философии и теологии и стихотворному художеству...».

²¹ Сочинение известно по рукописи: ГИМ. Синодальное собр. № 669. Л. 1–33 об. Список опубликован в 1897 г. священником С. Зверевым, который полагал, что Митрофан был автором лишь одного произведения – своего Завещания. См.: [15, с. 23–42].

7. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М.: Наука, 1970. 178 с.

8. Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Л.: Наука, 1973. 253 с.

9. Сазонова Л.И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М.: Языки славянских культур, 2006. 894 с.

10. Панич Т.В. Послание Игнатия Римского-Корсакова Афанасию Холмогорскому о смерти патриарха Иоакима (автор как рассказчик и участник описываемых событий) // Сибирь на перекрестке мировых религий. Материалы межрегион. науч.-практ. конф. Новосибирск: Ред.-изд. центр НГУ, 2011. С. 121–127.

11. Панич Т.В. Евфимий Чудовский как интеллектуальный лидер сообщества церковных писателей второй половины XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. № 3. С. 58–63.

12. Панич Т.В. Письмо Евфимия Чудовского Афанасию Холмогорскому. К вопросу об участии Афанасия в переводах конца XVII в. // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск: Наука, 1990. С. 155–161.

13. Фонкич Б.Л. Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М.: Языки славянских культур, 2009. 294 с.

14. Панич Т.В. Тема защиты православия в сочинениях писателей патриаршего круга второй половины XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 4. С. 50–53.

15. Зверев С. Духовное завещание св. Митрофана, епископа Воронежского. Сергиев Посад: 2-я тип. А. И. Снегиревой, 1897.

16. Панич Т.В. Три духовных завещания церковных иерархов второй половины XVII в.: идейные и текстуральные связи // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI вв. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. С. 320–368.

REFERENCES

1. Repina L.P. The historical science at the turn of the XX–XXI century: social theories and historiographic practice. Moscow, 1970, 559 p. (In Russ.)

2. Panich T.V. Book “Shield of faith” in historical-literary context of the late XVII century. Novosibirsk, 2004, 327 p. (In Russ.)

3. Veryuzhskiy V.M. Afanasiy, the Archbishop of Kholmogory: his life and works related to the history of Kholmogory Diocese during the first 20 years of its existence and the Russian Church in general in the late XVII century. Saint Petersburg, 1908, 683 p. (In Russ.)

4. Kukushkina M.V. Monastic libraries of the Russian North. Leningrad, 1977, 221 p. (In Russ.)

5. Nikulin I.A. Eminent Ignatius (Rimsky-Korsakov), Metropolitan of Siberia and Tobolsk. Ekaterinburg, 2015, 312 p. (In Russ.)

6. Panich T.V. The life of Patriarch Joachim on the list of RSL, collection of I.D. Belyaev, № 29/1535. *Rukopisi XVI–XXI vv.: issledovaniya i publikatsii*. Novosibirsk, 2013, pp. 140–190. (In Russ.)

7. Likhachev D.S. Man in the literature of Old Russia. Moscow, 1970, 178 p. (In Russ.)

8. Likhachev D.S. Development of the Russian literature of the X–XVII centuries. Leningrad, 1973, 253 p. (In Russ.)

9. Sazonova L.I. Russian literary culture. Early New Age. Moscow, 2006, 894 p. (In Russ.)

10. Panich T.V. A message of Ignatius Rimsky-Korsakov to Afonasy Kholmogorsky on the death of Patirarch Joachim (the author as a storyteller and participant of described events). *Sibir' na perekrest'e mirovykh religiy: materialy mezhhregion. nauch.-prakt. konf.* Novosibirsk, 2011, pp. 121–127. (In Russ.)

11. Panich T.V. Euphymius Chudovsky as an intellectual leader of the church writers' community of the second half of the XVII century. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2018, no. 3, pp. 58–63. (In Russ.)

12. Panich T.V. A letter of Euphymius Chudovsky to Afonasy Kholmogorsky. On the issue of Afanasy's participation in translations of the late XVII century. *Obshchestvennoe soznanie, knizhnost', literatura perioda feodalizma*. Novosibirsk, 1990, pp. 155–161. (In Russ.)

13. Fonkich B.L. Greek-Slavic schools in Moscow in the XVII century. Moscow, 2009, 294 p. (In Russ.)

14. Panich T.V. The theme of Orthodox Christianity's protection in the works of writers from the Patriarch surrounding in the second half of the XVII century. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2014, no. 4, pp. 50–53. (In Russ.)

15. Zverev S. Testament of St. Mitrofan, Bishop of Voronezh. Serгиеv Posad, 1897. [2], 42 p. (In Russ.)

16. Panich T.V. Three testaments of church hierarchs of the second half of XVII century: ideological and textual links. *Religioznye i politicheskie idei v proizvedeniyakh deyateley russkoy kul'tury XVI–XXI vv.* Novosibirsk, 2015, pp. 320–368. (In Russ.)

Статья принята редакцией 01.07.2019

DOI: 10.15372/HSS20190310
УДК 821.161.1+930.85

О.Д. ЖУРАВЕЛЬ

СТАРООБРЯДЦЫ И ВЛАСТЬ: ОПРАВДАНИЕ САМОДЕРЖАВИЯ В РИТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ВЫГА

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8
Новосибирский государственный университет,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1

В статье рассматриваются две исторические ситуации, связанные с лояльным отношением старообрядцев к царской власти. Одна из них отразилась в текстах 1720-х гг., созданных идейным лидером Выговского центра Андреем Денисовым. Другая представлена в сочинениях его последователя – Андрея Борисова (1780-е гг.). Предлагаются новые подходы к пониманию позиции выговских старообрядцев, которая постепенно привела к принятию обряда богомолния за императора. Детально рассматривается аргументация выговских идеологов, обусловленная риторической книжной культурой, сформированной на Выге в XVIII в. Показано, что особенно изощренную аргументацию разработал Андрей Борисов: опираясь на лингвистические, философские, риторические аргументы и на авторитет Андрея Денисова, он обосновал право называть царя «благочестивым» и «благоверным». Позиция выговского руководства вступала в противоречие с основными положениями эсхатологического учения, определявшего всю логику старообрядческого движения, однако реабилитировала постулат Нового Завета о сакральном происхождении власти.

Ключевые слова: старообрядцы, Выг, Андрей Денисов, Андрей Борисов, самодержавие, духовный лидер, риторические стратегии, барокко, Просвещение.

O.D. ZHURAVEL

OLD BELIEVERS AND POWER: JUSTIFYING THE AUTOCRACY IN THE VYG RHETORICAL CULTURE

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation
Novosibirsk State University,
1, Pirogova Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The paper discusses two cases related to the loyalty of the Old Believers from the Vyg enclave to the Tsar's regime. The first one was reflected in rhetoric panegyric texts and other writings of the 1720s created by Andrey Denisov, an ideological leader of the Old Believer "second generation". The second one was elaborated in the works by his follower Andrey Borisov (about the 1780s). This article presents new interpretive approaches aimed to understand the Vyg enclave members' viewpoint which gradually led to their adoption of the prayer ritual for the Russian emperor. Such position was not dominant among the Old Believers and became a cause of acute inter-confessional disputes and conflicts. Based on the analysis of handwritten texts that expressed the idea of justifying the Tsar's autocracy, this paper studies the Vyg's ideologues' argumentation determined by the type of rhetorical book culture that was formed in Vyg at the early XVIII century. The author shows that Andrei Borisov, an Old Believer's writer of the Enlightenment age, developed a particularly sophisticated argumentation. He substantiated the Old Believers' right to call the tsar "pious" and "right-believing" relying on linguistic, philosophical, rhetorical arguments and the authority of Andrey Denisov, the famous predecessor. The loyal position of the Vyg enclave leaders conflicted with the central thesis of the eschatological doctrine which determined the Old Believer movement's entire logic, but at the same time re-habilitated the New Testament's postulate, according to which there was no authority except for God. The paper analyzes new manuscript sources including rhetoric and polemical writings created by Andrey Denisov and Andrey Borisov. These unique materials

Ольга Дмитриевна Журавель – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории СО РАН; доцент, Новосибирский государственный университет, e-mail: olga_zhuravel@mail.ru.

Olga D. Zhuravel – Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher, Institute of History SB RAS; Associate Professor, Novosibirsk State University.

make it possible to suggest that idealizing the Tsar's autocracy was not just the result of the forced compromise, but conditioned by the Old Believers' utopian ideas about the state. Such belief was successively connected with the Russian concept of the Third Rome and the messianism, which were paradoxically combined in the Old Believer consciousness with the discourses on "last times".

Key words: Old Believers, Vyg, Andrey Denisov, Andrey Borisov, autocracy, spiritual leader, rhetorical strategies, baroque, Enlightenment.

Отношение старообрядцев к царской власти менялось на протяжении времени и не было единым у представителей разных согласий этого крупнейшего в истории России общественно-религиозного движения. Оно послужило основой многих споров, конфликтов и даже вызывало раскол в магистральных течениях старообрядчества [1, с. 99–101]. Отрицание всех властных структур базируется на эсхатологической теории, основы которой были приняты на Новгородском старообрядческом соборе 1694 г. [2, с. 041]. Эта позиция, нашедшая крайнее выражение в демонизации образов царя и патриарха, вступала в противоречие с каноническим постулатом, согласно которому нет власти не от Бога (Рим 13 : 1). На практике признание царской власти несправедливой приводило к отказу от исполнения обязательного для всех подданных Российской империи обряда «богомолния» за царя, что имело весьма драматические последствия для староверов [2, с. 102–106; 3, с. 61–112]. В соответствии с каноном в молитве следовало называть императора «благоверным» и «благочестивым», – требование, с которым сложно было согласиться сторонникам старого обряда.

Между тем с начала 1720-х гг. в Выговском старообрядческом центре начался процесс идеологического оправдания самодержавия, который в итоге привел к принятию моления за царя. Проблема отношения старообрядцев Выга к царской власти не раз привлекала внимание исследователей: она поднималась в трудах П.С. Смирнова [4], Р. Крамми [5], Н.С. Гурьяновой [3], Е.М. Юхименко [6, с. 34–41; 7, с. 39–48, 431–434]. Доказано, что переход от категорического неприятия государственной власти к «соглашательской» практике на Выге происходил постепенно и обусловлен был в первую очередь стратегией выживания – «необходимость сохранить старообрядческое общежитие вынудила пойти на компромисс» [6, с. 35]. Лояльность выговских старообрядцев выражалась в разнообразных формах: от дорогих подарков и литературных панегириков [4, с. 349–350; 6] до введения в 1739 г. моления за царя.

Вместе с тем уже П.С. Смирнов отмечал противоречие между установкой, в соответствии с которой царь не мог быть признан благоверным, и уважительным отношением выговских лидеров к Петру I [4, с. 349]. Они «получили землю и угоды, получили право вести торговлю, право ловить рыбу и зверей, право свободно содержать свою веру, и благодаря всему этому, их община быстро пошла в рост» [4, с. 13]. Выговцы выполняли важную для страны работу рудознатцев, особенно высоко ценимую царем [7, с. 39–48]. Защиту старообрядцев Выга гарантировали специальные царские указы Петра I [4, с. 11–12], копии этих докумен-

тов выговцы имели при себе, отправляясь из пустыни по различным нуждам [7, с. 42].

Панегирические тексты в адрес императора созданы в рамках выговской литературной культуры, основанной на риторических учениях. В 1710–1720-е гг. выговцы активно перенимали европейские риторические, переписывая и адаптируя книги Феофана Прокоповича, Софрония Лихуды, Козмы Афоноверского, Стефана Яворского, Андрея Белобоцкого. В конце 1720-х гг. Андрей Денисов вместе с учениками работал над обобщающей Риторикой-сводом [8, с. 10–85]. Пропаганда вероучения была главной целью Андрея Денисова и его соратников, овладевавших словесным оружием риторик. Интересным источником для изучения взглядов старообрядцев являются примеры («парадигмы») к теоретическим разделам риторик. Так, в частности, в них содержатся упоминания об указанных выше царских указах, приводятся образцы «правильного» обращения к «всепресветлейшему великому императору».

Тексты риторик позволяют проследить истоки формирования в книжности Выга идеализированного образа царя. Особое место в ней принадлежит барочной риторике православного монаха Козмы Афоноверского (Космы Грека) 1710 г. Редактируя книгу Козмы, старообрядцы подвергли цензуре примеры, восхваляющие церковь и патриарха, обратив дифирамбы в проклятия, однако сохранили образцы прославления царя. Эти фрагменты вошли в полное собрание и в их собственную Риторику-свод. Идея богоизбранности царя обретает в текстах риторик пышное барочное оформление, декорируется при помощи изысканных стилистических средств, как, например, в примере «На боговенчаннаго нашего самодержца»:

Что помышляете, безбожнии агаряне, о боговенчанном и крестоносном нашем государе царе? Мните ли, яко подобен есть прочым земным царем? Не лститеся, о окаянии! Сей бо наш царь есть паче царей земных, сего царство не земное, но свыше дано есть от Небеснаго Царя. Крестоверхий скипетр нашего самодержца вышний златокова всемудрый ковач, адамантоукрашенную карону, яже царскую его главу украшает, Той златокова, Иже и солнцу сплете венец пресветлый; златозрачную сего диадиму, яже млекозрачное его царское покрывает тело, Той сотвори, Иже небо облече светом...»¹

Российский император, который «есть паче царей земных», в соответствии с этим текстом, поставлен самим Богом, наделившим его короной и скипетром. Именно Бог – источник мудрости царя². Власть русско-

¹ Библиотека Академии наук (БАН). Собр. Дружинина. № 122. Л. 64–64 об.

² Там же.

го царя, которого «боятся вся царства земная», может быть сравнима только с властью Всевышнего, «иже крепкою рукою вся содержит... Той облодает всю тварю, сему же даде во владение пространное царство полунощное, Того трепещут небо и земля, сего же боятся вся царства земная»³.

В разделе об аллегории в Риторике-своде (источник – та же Риторика Козмы) Петр I назван «тишайшим монархом» и сравнивается с Нептуном: «Нового ныне круг российский ужасается и благоговееет Нептуна, сиречь тишайшаго монарха нашего...»⁴. В примере из Риторике-свода, также взятом из Риторике Козмы, образ императора целиком соткан из добродетелей: «Тишайшаго самодержавнейшаго боговенчаннаго ... Петра Алексиевича ... не едина или другая добродетель украшает, но весь лик добродетелей свято царскую его преславно озаряет и благородие бе в нем сияет, и красота сугубая, и мужество несравняемо, и дерзость несказанна, и кротость безмерна, и смирение хриstopодражательно, и милость неизследованна, и правда величайша, и вера не сумненна, и надежда известнейша, и любовь ко всем нелицемерна и, и прочая»⁵.

Отметим, что среди прочих выдающихся качеств здесь отмечается «вера не сумненна». Как видно, самый сложный для старообрядцев вопрос – можно ли назвать русского царя благоверным, – в Риторике-своде уже к концу 1720-х гг. решен положительно. Как уже отмечалось [3, с. 62], «благочестивым» предложил называть Выговскому собору царя Андрей Денисов еще в 1722 г., в своих «10 винах». Собор согласился с большинством из этих «вин» (причин), поскольку в них перечислялись заслуги Петра I перед старообрядцами, однако количество благодеяний не означало в глазах собора качества «веры» царя, и предложение Андрея Денисова было отвергнуто.

В Риторике-своде царь называется и благочестивым, и даже благоверным. Вряд ли это случайность, учитывая известную скрупулезность, с которой выговские книжники работали над своими рукописями: «Благодарим тя, небесный царю Христе, и славословим тя... дал бо еси нам царя *благочестива* (здесь и далее курсив мой. – О.Ж.), паче царей всего мира, – сей есть *благочестивейший* наш сей великий государь царь, и прочая. Сего красота посрами красоты Каркина и Фисея, сего смелость и радость погаси Александра Македонскаго славу, ... слава возвысися до небес, похвала обтече мир весь, десница его устрашает всю Африку, шуйца его умертвити имет всю Асию, ... победа его славная же на враги под Казыкермерном удивил всю вселенную, яже под Азовым – устрашил всю подсолнечную; агаряне яко птицы и комары падаху, сего царскаго величества храбрый воин, яко горы, недвижны стояху... Сей же *благочестивый* наш великий царь победою славно обращаем. О царствующий граде Москво, красуйся! Та-

коваго имущи *благовернаго* царя, возвыси глас твой до небес...»⁶ Возможно, данные тексты, воспевающие заслуги царя и его личность, отражают собственную позицию Андрея Денисова, с которой не все представители выговского собора были согласны.

В другом примере о победах Петра I на Азове читаем: «его царскаго величества быстропарным устремлением» налетели «витязи храбры, иннии Ахиллеи, иннии Агамемноны» и одержали победу, поскольку «таковая сила *благовернаго* нашего государя, таковая храбрость московских сил!»⁷. В примерах, составленных лично Андреем Денисовым (об авторстве свидетельствуют пометы на полях рукописи), также содержатся панегирические характеристики царя: «Правдою государь шведа победы, / множеством храбраго войска победы, / изрядством и премудрым воейнаго чина вождием победы, / многохитростными устройением орудий победы»⁸. Риторический прием «перифразис» позволяет увидеть разные достоинства царя: «Премудраго: Муж, от всякаго рода писмен обогащенный; Силнаго: Крепкими мышцы и доблественными лыстами и всеми твердыми удами адамантый муж; Храбраго: Во всех сношениях напастей, во всех волнующихся бурях нестрашася сердце имеяи; Учитель: Той, от него же день разумения и сладость познания восприял еси, и прочая. Той, от него же вся Россия поколебася, той, от него же всяко место устрашися, ко всяким нанесенным противностей глава примирительный носящ помысл»⁹.

Примеры из риторик отражают тот контекст культуры, в котором создавались старообрядческие сочинения, не только оправдывающие, но и воспевающие царя, в соответствии с которыми царя можно было признать благочестивым и даже благоверным. Однако тот факт, что император был представителем правящей «никонианской» церкви, опровергнуть было трудно. Один из путей бесконфликтного принятия идеи царской власти был предложен в «Поморских ответах» иеромонаху Неофиту, составленных в 1722 г. под руководством Андрея Денисова, – в первом крупнейшем полемическом сочинении поморских старообрядцев. Н.С. Гурьянова обращала внимание на то, что в 52-м ответе делается попытка отделить идею власти в разных ее проявлениях от ее реального воплощения. Суть данного вопроса состояла в отношении выговцев к императору и Синоду. «Мы его государьскаго благочестия не истязуем, – отвечали выговцы, – но Господа Бога за его милосердное величество молим...», «мы его императорскаго православия не испытываем, но всякаго блага его боголюбивому величеству доброхотно желаем»¹⁰. Неприязнь же старообрядцев, как подчеркивается в документе, распространяется только на церковные нови-

⁶ БАН. Собр. Дружинина. № 122. Л. 145 об.–147.

⁷ Там же. Л. 25–26 об.

⁸ Там же. Л. 590.

⁹ Там же. Л. 588 об.–589.

¹⁰ Поморские ответы. Книгоиздательство Московского Старообрядческого Братства Честнаго и Животворящаго Креста Господня. Б.г. Л. 401–402.

³ БАН. Собр. Дружинина. № 122. Л. 64–64 об.

⁴ Там же. Л. 66 об.–67 об.

⁵ Там же. Л. 164.

ны: «мы еще о внесенных от Никона новопреданиях сомневаемся, но не сомневаемся о богопоставленном самодержавствии богохраняемого и богопомазанного самодержца... его ... величество императора Петра Великого, отца отечества, богохраняемого самодержца... почитаем и всеусердно прославляем и всеусердно прославляем и всежеланно благодарствуем и благодарствовати и почитати когда не престанем»¹¹. Далее идея почитания власти как принципа, как Богом установленного закона проводится по отношению и к другим составляющим государственного и церковного устройства, в том числе к Синоду.

Таким образом, идея почитания царя, как и прочих представителей власти, отделялась от требований благочестия и правоверия по отношению к реальным лицам. Авторы ответа весьма осторожны в своих высказываниях, они ни в чем не грешат против убеждений, авторитетность которых подкреплялась опорой на Священное Писание и традицию. Для беспоповцев-поморцев молитва за царя «оказалась символическим признанием российской государственности как христианского учреждения и проявлением чувства их неразрывной исторической связи с большинством русского народа» [9, с. 451-452].

Позиция выговских «большаков» становится еще понятнее, если вспомнить о том, какое значение в риторической культуре Выга придавалось «сенсу аллегоричному» [8, с. 98–128]. Традиции раннехристианской герменевтики, включающей символическо-аллегорический метод интерпретации, были актуализированы в барочных риториках. Смысловая двуплановость, разграничение буквального («литерального») смысла и «аллегоричного» были характерны для мышления выговских книжников, поднаторевших на проповедях. Идея божественного предназначения царской власти могла свободно отделяться от ее буквального, вещественного воплощения, абсолютное тождество вовсе не требовалось.

При интерпретации политической позиции выговцев стоит учесть и их утопические представления. Выговская утопия включала, в частности, представление о «золотом веке» православия, преемственная связь с которым утверждалась идеологами движения. Был задействован «панегирический аспект» древнерусской доктрины «Третьего Рима», в соответствии с которым Московская Русь представлялась как проекция рая на земле [8, с. 179–186]. Идея «Третьего Рима» в комплексе с мифологемой передачи «благодати» («благодать» передавалась мистическим образом непосредственно от учения Христа, через древнерусскую святость, защитникам старого обряда) является важной составной частью данной утопии. А с теорией «Третьего Рима» старообрядцы восприняли и идею «правильного» православного государства, где отношения царской власти с церковью построены на унаследованных из Византии принципах «симфонии» [10, с. 94–95]. Осмысливая свой монастырь как «остров спасения в океане

власти антихриста» [5, р. 106], выговские идеологи не отказывались от идеи «правильного» общественного устройства, включающего, разумеется, власть монарха. Не принимая «новин», они выражали почтение *идее* священства, *идее* царя и гражданства, что, в конечном итоге, обеспечивало некий идеал общественной гармонии. Этот идеал отразился и в риториках. Так, в примерах из Риторики-свода (автором указан Андрей Денисов), читаем: «Колико есть добро, еже согласие ближним, смирение домом, любовь соседом, совокупление гражданином»¹²; «полезно есть согласное граждан, благочинное домов, воздержание духовных, целомудрие пустынных, начальных рассуждение, послушных покорение»¹³. Андрей Денисов подчеркивает выдающиеся качества царя именно как правителя государства: «Воинство избранное совокупи, / Храбрость пресловущую показа, / Гражданство предивно устрои, / Законы праведнейшия утверди»¹⁴.

Проблема отношения к царской власти оставалась актуальной и позднее. Принятие на Выге богомолия за царя в 1739 г. имело особенно сложные последствия, «привело к крайне неустойчивым отношениям между согласными и в конечном итоге к полному уничтожению надежд на примирение» [1, с. 138]. От выговцев требовали либо «исправиться», т.е. отказать от богомолия, либо «оправдать от Писания» [1, с. 99]. Попытки объяснить свою позицию, основываясь на авторитетных аргументах, имели место неоднократно. Так, известно о несохранившейся книге Даниила Матвеева 1742 г. [3, с. 79–83; 1, с. 100]. В новых исторических условиях к этой проблеме вновь обращается Андрей Борисов, глава Выга в 1780–1791 гг.¹⁵

Представитель третьего поколения выговских наставников, Андрей Борисов был личностью неординарной. По точному определению Р. Крамми, он жил в двух культурных мирах [11, с. 137]. Сын московского откупщика, Андрей Борисов пришел в Выговский монастырь после долгого периода духовных поисков. Он проявлял интерес к современной философии, естествознанию, его отличала не только традиционная для выговских мастеров слова «любовь к словесному любомудрию» и необходимое для этого знание риторики¹⁶. В заметках французского ученого Жильбера Ромма, посетившего Выговскую пустынь, содержатся сведения о том, что Андрей Борисов имел в своей библиотеке и хорошо знал сочинение Руссо «О влиянии наук на нравы», мог весьма остроумно поговорить о Вольтере и Дидро, интересовался трудами Фенелона и Роллэна [12]. Будучи современником эпохи Просвещения, он придавал большое значение не только обширным познаниям, но и «добродетелям», морали, что входило в число фундаментальных ценностей эпохи [13, с. 124–141].

¹² БАН. Собр. Дружинина. № 122. Л. 595 об.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 596.

¹⁵ О биографии Андрея Борисова см.: [7, с. 294–296].

¹⁶ Об обширных знаниях и эрудиции Андрея Борисова см.: [7, с. 311–312].

¹¹ Поморские ответы... Л. 401–402.

Андрей Борисов много сделал для продолжения традиций первых выговских наставников, в первую очередь Андрея Денисова. Интересовался он и риторическим учением, разработке которого отдавал столь много внимания его предшественник. И именно Андрей Борисов применил «кабалистическую науку», т.е. учение Раймунда Люллия (в обработке Андрея Белобочкокого) для обоснования догмата моления за царя.

Теоретическая разработка проблемы именованья царя, важной для принятия догмата, содержится в трех сочинениях Андрея Борисова:

1) «Слово о наименовании царей «благоверными и благочестивыми» и о молении за царей и за властей» [14, с. 63, № 4];

2) «Толкование российского речения «благочестие». [14, с. 93, № 9 (ошибочно приписывал Андрею Денисову); 15, с. 21];

3) Изъяснение о благочестии. [14, с. 320, № 175 (автор не установлен); 15, с. 21]¹⁷.

Определить последовательность написания этих трудов и точную датировку в настоящий момент не представляется возможным. Все три сочинения объединяют система аргументации и единство стиля. Возможно, «Толкование» и «Изъяснение» представляют собой подготовительные материалы для какого-то другого сочинения, скорее всего, полемического характера. Создание подобных текстов было актуальным в спорах выговцев с представителями других согласий, а также для внутренней разъяснительной работы, поскольку и на Выге, начиная с 1720-х гг., не было единого мнения относительно весьма непростой проблемы моления за царя [3, с. 83]. Что касается «Слова о наименовании царей «благоверными и благочестивыми» и о молении за царей и за властей», то оно представляет собой законченную, довольно пространную проповедь, построенную по риторическим правилам. В нем есть «фема», задающая тему на основе библейской цитаты, начало строится по принципу притчи, где «слепыми» поводьями наглядно и выразительно представлены те наставники, которые не хотят видеть истин Священного Писания.

Для обоснования моления за императора необходимо было доказать правомерность применения к царю эпитетов «благочестивый» и «благоверный», что составляло немалую трудность. Андрей Борисов использует несколько систем аргументации.

Во-первых, он пытается найти обоснование в семантике слов. Основное внимание в своих кратких сочинениях он уделяет определению «благочестивый». Разбирая по составу это сложное слово, он доказывает, что «благо» «на российском нашем диалекте» означает «добро», «хорошо», «изрядно» и не связано напрямую с понятиями веры и святости¹⁸. Вторая часть слова тем более не относится напрямую к характеру

религиозных убеждений: «честие – имя, знаменующее честь. И сие такожде не может заключитися в единой святости, но происходит оное наиболее от добродетелей, ибо обыкновенно мы, невзирая на веру, хотя бы и иноверных, добрых и справедливых людей честными называем»¹⁹. Акцент на «добродетели» чрезвычайно показателен, учитывая общий характер мировоззрения старообрядца века Просвещения, поскольку «добродетель» являлась одной из базовых ценностей эпохи. Андрей Борисов был современником Н.И. Новикова, М.Н. Муравьева, Н.М. Карамзина, вслед за классиками развивавшими учение о добродетели. «Добродетель есть красота человеков, творения возвышенного над бездушным и зверским миром и с единым страны небесным духом сродственная», – писал Н.И. Новиков [13, с. 126]. Это понятие становится одним из самых популярных в статьях многих авторов 1770-х – начала 1790-х гг., времени творческой активности Андрея Борисова.

Лингвистическая экспертиза подкрепляется в сочинениях Андрея Борисова философско-риторической. Он обращается к категориальному аппарату «Великой науки» Андрея Белобочкокого, основанной на учении средневекового философа Раймунда Люллия. Эту книгу в 1725 г. Андрей Денисов лично отредактировал, поскольку и в ней видел важное пособие для написания проповедей [8, с. 43–61]. Суть метода, изложенного в «Великой науке», представлена в таблице, «належащей до науки Раймунда Люллия» [8, с. 49]. В первой графе таблицы располагались «прилагаемые соборные», т.е. первопринципы, или «имена», означающие основные атрибуты Бога, им придавался ключевой онтологический смысл: доброта, великость, власть, разум и др. По терминологии Аристотеля, использованной в учении, это абсолютные предикаты. В пятой же графе располагались «случаи»: количество, качество, отношение и прочие, то, что у Аристотеля называется «акциденциями».

Эти категории оказались весьма полезны старообрядческому автору конца XVIII столетия. Обратив внимание на то, что синоним слова «благо» слово «добро» относится к базовым понятиям, т.е. к «сущности» (прилагаемым «соборным»), а смысловая связь «блага» с верой – только частный случай («случаи»), он пишет: «прилагательное имя благочестивый или женское благочестивая²⁰ могут справедливо ... прилагаться к сущительным именам. Первое – по самой сущности, то есть по добродетели, и сие самое существенное съвойство онаго имени. Второе – случаем точию честности, а не по самой сущности. <...> Кто есть милостив, человеколюбив, правдив, постоянен, кроток, долготерпелив, сии по оным качествам может нарециса благочестивым, хотя бы он был и не правья веры»²¹. Андрей Борисов

¹⁷ О принадлежности двух последних сочинений перу Андрея Борисова см.: [15, с. 21].

¹⁸ Толкование российского речения «благочестие» // Российская государственная библиотека (РГБ). Собр. Егорова. № 1557. Л. 620 об.

¹⁹ Там же.

²⁰ Учитывая, что А. Борисов был современником Екатерины II, следует признать уточнение по отношению к женскому роду не случайным.

²¹ Толкование российского речения «благочестие» // РГБ. Собр. Егорова. № 1557. Л. 621 об.

делает акцент на добродетелях, отодвигая вопрос веры на второй план, считая это «случаем», а не сущностью. «Благочестивым же нарицаем такожде иногда не по вере, но по честным делам и изящному жителству <...> и тако благочестивии не инно что по сущности своей значит, токмо добродетельный»²².

Андрей Борисов смело демонстрирует свои познания в философии, одновременно иронизируя над «неучеными» противниками, а ими были те, кто отрицал моление за царя: «по философскому учению, аще кто имеет знание, может рассуждать, которое естество основательнее есть: случайное ли или существителное, но всяк ученый безпрекословно скажет, что случай бытность свою имеет всегда на существе. Следовательно, существителное естество основательнее есть случайнаго, в благочестии же существо занимает добродетель, а отношения к вере и к достоинству случай...»²³. Для большей убедительности он приводит наглядный пример: «...естество сея бумаги основательнее есть случайных сих писанных на ней чернилами букв, ибо сии могут на бумагу по случаю быти и паки отбыти, бумага же бытность собою сохраняет. А егда бумагу уничтожишь, то убо буквы написанныя целы не пребудут»²⁴. Так и вера, по мысли автора, подобна буквам, написанным на бумаге: буквы можно стереть, а бумага (добродетель) останется целой.

Полемист защищает себя от возможных упреков в том, что он опирается на учение неправославного автора, которым был Раймонд Люллий. Это он делает в сочинении «Изъяснение о благочестии». Вновь обращаясь к анализу семантики слов, составляющих сложное прилагательное «благочестивый», он еще более подробно ссылается на книгу «Великая наука», указывая конкретные главы: «еще же и от сокращенной премудрым учителем Андреем Дионисиевичем кабалистичной науки славнаго философа Раймунда Люлия ясно видится, что благочестие состоит точию в добродетелях, а к вере случаем токмо прилежит, зри тамо в 7 части, в главе 9-й, и какое благочестию описание есть, zde написую...»²⁵. Далее Андрей Борисов поясняет: «но разве кто предложенныя от науки кабалистичныя твердыя сия доводы восхощет опорочити сим, что творец оныя не нашаея был церкви, но аз не ему последую, и не из него большия книги доводы сия выбирал, но последую господину Андрею Дионисиевичю, и ис сокращенной его трудами и исправлением малой собственной его книжицы взимах свидетельствованныя им справедливыя сия доказательства. И тако ежели кто хочет быть сему противным, то будет и не хотя само-му ему противником...»²⁵.

Таким образом, к «лингвистическим» и философским аргументам Андрей Борисов добавляет еще один, которым можно считать ссылку на авторитет Андрея

Денисова. Тот, кто не согласен с доводами полемиста, оказывается противником и учения выговского лидера.

И, наконец, важнейшее место в аргументации Андрея Борисова принадлежит ссылкам на канонические источники: на Священное Писание и труды Отцов Церкви. Обосновывая правомерность доказательств «от философии», он пишет: «мы и сами не утверждаем-ся единственно на внешней философии, но точию сие от нея избираем, что согласно есть с Божественным Писанием, внешнее же учение острым инструментом премудрии учителя нарицают»²⁶. Считая, что «премудрость от Бога же есть», он делает вывод: «следователно, высочайшии сии учителя, иже с благим житием и премудрость имеют, яко Василии Великии, Григорий Богослов и Иоанн Златоустыи, и прочии славныя наши святыя Отцы и премудрии, им же даждь Боже и нам последовати во всем, и купно с ними»²⁷. Примирая «внешнюю» мудрость с христианским учением, Андрей Борисов возвращает к главному аргументу моления за царя, истоки которого содержатся в послании апостола Павла к римлянам: «Несть ли бо власть, рече, аще не от Бога?», снимая противоречие, свойственное всем старообрядческим учениям, оправдывающим отказ от моления за царствующего императора в силу эсхатологических убеждений.

В «Слове о наименовании царей «благоверными и благочестивыми» и о молении за царей и за властей» Андрей Борисов пытается переосмыслить и понятие «благоверный»: «... аще кто верует, якоже святая православная церковь содержит и веровати повелевает, как о святей Троице мудрствует, о смотреии Сына Божия, о страдании, о воскресении из мертвых, о вознесении на небеса, о седении одесную Отца, о втором пришествии, еже на Суд, и о схождение Духа Святаго от единого Отца, а не от Сына, таковая того вера будет блага, и держай таковую веру может нарецися благоверными»²⁸. Здесь применен достаточно смелый полемический ход, поскольку в данном фрагменте автор нивелирует внутриконфессиональные различия, основанные на обрядово-догматических вопросах, возвращая к базовым основам христианской веры. В качестве «благой веры» перечисляются, по сути, самые общие догматы, свойственные разным конфессиям.

В этом сочинении старообрядческий автор уже смело утверждает, что «может нарецися благоверный не по вере, но по чести и величестве сана и первых чело-век народа»²⁹. Тщательно изучив Священное Писание, он и там нашел неопровержимые доказательства своей правоты, поскольку, например, апостол Лука именовал благоверными «еллина».

Итак, Андрей Борисов помимо аргументов, основанных на актуализации тезисов Священного писа-

²² Толкование российского речения «благочестие». Л. 621 об.

²³ Там же. Л. 622 об.–623.

²⁴ Там же. Л. 623.

²⁵ «Изъяснение о благочестии». Цит. по рукописи: РГБ. Собр. Егорова. № 1557. Л. 627–627 об.

²⁶ Толкование российского речения «благочестие» // РГБ. Собр. Егорова. № 1557. Л. 623 об.

²⁷ Там же. Л. 623–623 об.

²⁸ РГБ. Собр. Барсова. № 626. Л. 6–6 об.

²⁹ Там же. Л. 6 об.

ния, использовал в полемике и другие доказательства правоты принявших моление за царя. Он обращается к «лингвистической экспертизе», анализируя состав и семантику слов «благоверный» и «благочестивый», употребляемых в формулах моления; подкрепляет свои аргументы ссылками на риторические и фило-софские теории, упрекая одновременно соперников в невежестве; опирается на авторитет Андрея Денисова, направляя удар по оппозиции, не согласной, на его взгляд, с положениями поморского лидера. Кроме того, придавая в своих построениях ключевое значение такому понятию, как «добродетель», он использует определенный «символический капитал» идеологии Просвещения, приближаясь в своей полемике к секуляризации понятия «благочестие» и отделяя веру как от дел, так и от морали.

Обращение к старообрядческим источникам, посвященным отношению к царской власти, позволяет выявить новые аспекты решения ими актуальных проблем современности. Чутко улавливая веяния эпохи, старообрядческие идеологи строили свою полемику на аргументах, почерпнутых ими из самых разных источников – от Священного писания до трактатов по фило-софии и риторике, опирались на понятия, актуальные для того или иного времени. Тенденция к компромиссу с властью, на первый взгляд неприемлемая для радикального социально-религиозного движения, каким было старообрядчество, тем не менее не являлась только следствием «соглашательской» политики и свидетельством беспринципности и слабости сторонников «моления». Если рассматривать старообрядчество в целом как крайнее проявление традиционализма и даже консерватизма, то идея сильной самодержавной власти неизбежно находит себе место в построениях сторонников традиционной патриархальной модели, мирно уживаясь даже с эсхатологическими теориями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мальцев А.И. Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII – начале XIX в.: проблема взаимоотношений. Новосибирск: ИД «Сова», 2006. 572 с.
2. Смирнов П.С. Внутренние вопросы в расколе XVII в.: Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб., 1898.
3. Гурьянова Н.С. Крестьянский антимоноархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск: Наука, 1988. 189 с.
4. Смирнов П.С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в. СПб., 1909.
5. Crumme Robert O. The Old Believers and the world of antichrist. The Vyg Community and the Russian State 1694–1855. Madison, Milwaukee and London. 1970. 258 p.
6. Юхименко Е.М. Самодержавие и правоверие в литературе выговских старообрядцев // *Pisarz i władza (od Awwakuma do Solzenitsyna)*. Lodz, 1994. S. 34–41.
7. Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература: в 2 т. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 1. 544 с.
8. Журавель О.Д. Литературное творчество старообрядцев XVIII – начала XXI вв.: темы, проблемы, поэтика. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 442 с.
9. Зеньковский С. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. Мюнхен, 1970. 527 с.
10. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарии: в 3 т. / отв. ред.: Н.Н. Покровский, Г.Д. Ленхофф. М.: Языки славянских культур, 2007. Т. 1: Житие св. княгини Ольги. Степени I–X. 598 с.
11. Crumme Robert O. Old Believers in a Changing World. Illinois, 2011. 265 p.
12. Ромм Жильбер. В Выговском монастыре (Публикация М.В. Пулькина) // Краевед Карелии. Петрозаводск, 1990. С. 152–157.
13. Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма. Эстетические и художественные искания. СПб.: Наука, 1994. 284 с.
14. Дружинин В.Г. Писания русских старообрядцев: Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописей. СПб., 1912.
15. Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература: в 2 т. М.: Языки славянских культур, 2002. Т. 2. 480 с.

REFERENCES

1. Mal'tsev A.I. Old Believers' unconditional consent in the XVIII – early XIX centuries: the relationships problem. Novosibirsk, Sova, 2006, 572 p. (In Russ.)
2. Smirnov P.S. Internal issues in the XVII century schism: studying the schism initial history on newly discovered monuments, published and handwritten. Saint Petersburg, 1898, VIII, CXXXIV, 237, 122 p. (In Russ.)
3. Gur'yanova N.S. Peasant antimonoarchist protest in the Old Believer eschatological literature of the late feudal period. Novosibirsk, Nauka, 1988, 189 p. (In Russ.)
4. Smirnov P.S. Disputes and divisions in the Russian schism in the first quarter of the XVIII century. Saint Petersburg, 1909, vol. 363, [168] p. (In Russ.)
5. Crumme R.O. The Old Believers and the world of antichrist. The Vyg community and the Russian state 1694–1855. Madison, Milwaukee and London. 1970, 258 p.
6. Yukhimenko E.M. Autocracy and faith in the Vyg Old Believers literature. *Pisarz i władza (od Awwakuma do Solzenitsyna)*. Lodz, 1994, pp. 34–41. (In Russ.)
7. Yukhimenko E.M. Vyg Old Believer hermitage. Spiritual life and literature. Moscow, 2002, vol. 1, 544 p. (In Russ.)
8. Zhuravel O.D. Literary creativity of the Old Believers XVIII – early XXI centuries: themes, problems, poetics. Novosibirsk, SB RAS Publ. House, 2012, 442 p. (In Russ.)
9. Zen'kovskiy S.A. Russian Old Believers: spiritual movements of the XVII century. Munich, 1970, 527 p. (In Russ.)
10. Lenhoff G.D., Pokrovsky N.N. (eds.) The Book of Degrees of the royal genealogy based on the oldest known manuscripts. Texts and comments. Moscow, 2007, vol. 1, 598 p. (In Russ.)
11. Crumme R.O. Old Believers in a changing world. Illinois, 2011, 265 p.
12. Romm Zh. In Vyg hermitage (a publication by M.V. Pul'kin). *Kraeved Karelii*. Petrozavodsk, 1990, pp. 152–157. (In Russ.)
13. Kochetkova N.D. Literature of Russian sentimentalism. (Aesthetic and artistic quest). Saint Petersburg, Nauka, 1994, 284 p. (In Russ.)
14. Druzhinin V.G. Writings of Russian Old Believers: a list of manuscripts compiled on printed manuscript descriptions. Saint Petersburg, 1912. (In Russ.)
15. Yukhimenko E.M. Vyg Old Believers hermitage. Spiritual life and literature. Moscow, 2002, vol. 2, 480 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 04.07.2019

DOI: 10.15372/HSS20190311
УДК 281.93: 22.01"16"

Н.С. ГУРЬЯНОВА

О ФОРМИРОВАНИИ «КАНОНА СВЯЩЕННЫХ ТЕКСТОВ» У СТАРООБРЯДЦЕВ В XVII В.

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

Статья посвящена исследованию процесса формирования фонда авторитетных фрагментов текстов в XVII в., которые защитники старого обряда отбирали в качестве аргументов с целью отстоять свое право оставаться в оппозиции к официальной Церкви. Сделан вывод, что иноки Соловецкого монастыря во многом определили круг авторитетных рукописей и старопечатных книг, из которых были произведены выписки, свидетельствующие о нарушении реформаторами традиций Русской церкви. Они обеспечили высочайший уровень книжной культуры при оформлении используемых фрагментов текстов, что обусловило их авторитетность не только для читателей, но и для оппонентов. Все исходные тексты были объявлены «священными». Так было положено начало формированию «канона священных текстов».

Ключевые слова: Церковь, реформа, XVII в., старообрядчество, текст, канон, книжная культура.

N.S. GURIANOVA

FORMING THE «SACRED TEXTS' CANON» AMONG THE OLD BELIEVERS IN THE XVII CENTURY

Institute of History SB RAS,
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The study is devoted to forming the collection of authoritative fragments of the XVII century texts, which were selected by the Old Belief advocates as arguments to defend their right of being the official Church opposition. R.O. Krammey very precisely designated this collection as the "sacred texts' canon". It is composed of quotations of the Holy Scriptures and the patristic tradition, the works of church writers found in manuscripts and old printed books. The article shows the first period of research carried out by the church reform opponents in order to find authoritative texts indicating that Patriarch Nikon had violated the Russian Church tradition. This search started after the first steps of introducing innovations in liturgics and rite. The Solovets monastery monks largely determined the used texts' range and provided the highest level of book culture in arranging and ordering extracts from them. This fact determined the selected quotes credibility both for the common readers, and the opponents. Appealing to Gerasim Firsov's treatise "On a sign of the cross with two fingers..." and the collection compiled by Geronty allowed the author to illustrate how the Solovets monks were able not only to find the necessary quotes indicating the illegality of innovations, but to declare the original texts as "sacred" as well. This stage initiated the formation of "sacred texts' canon", which was inherited by the Old Believers' next generations. The article shows how and why the "sacred texts' canon" included publications of the Moscow Printing House in the XVII century, whose contents should be characterized as the creative heritage of Kiev Metropolia adapted for the Russian reader. Based on selected fragments of manuscripts and old-printed books, Old Believers offered solutions to the discussed questions of the rite and liturgical practice.

Key words: XVII century, Church, reform, schism, Old Believers, text, canon, book culture.

Старообрядчество всегда было в центре внимания исследователей. Удивительная способность этого религиозно-общественного движения адаптироваться к условиям окружающего мира, а также распространять популярные в народе идеи, привлекая но-

вых сторонников, обеспечила его существование на протяжении веков. Провозгласив в качестве основополагающего принцип следования старине, защитники старого обряда справедливо считаются традиционалистами.

Наталья Сергеевна Гурьянова – д-р ист. наук, главный научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: gurian@academ.org.
Natalya S. Guryanova – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of History SB RAS.

Речь при этом должна идти о том, что старообрядцы не только были хранителями национальных традиций, но и развивали их в условиях Нового и Новейшего времени. Отстаивая свое право оставаться в оппозиции к официальной Церкви, защитники старого обряда вынуждены были представить убедительные аргументы в пользу своей точки зрения на обсуждаемые вопросы обряда и богослужбной практики. Для этого им пришлось не только усвоить высочайший уровень культуры книжников Древней Руси, но и дополнить его вполне научными для того времени методами работы с памятниками письменности.

Противники церковной реформы сумели отыскать авторитетнейшие древние рукописи и старопечатные книги, в которых нашел отражение отстаиваемый ими вариант вероучения, представленный как традиция Русской церкви. Выписки из Священного Писания, святоотеческого предания, «Стоглава», из сочинений церковных писателей и рукописей, принадлежащих иерархам Русской церкви, составили доказательную базу незаконности и неправомерности действий по введению новшества в литургику и обряд, осуществленных в ходе реформы, начатой патриархом Никоном.

В результате был создан фонд фрагментов текстов, которые могли помочь отстоять право оставаться в оппозиции к новшествам. Речь идет, как точно обозначил этот фонд Р.О. Крамми [1, с. 22], о «каноне священных текстов». В его формировании приняли участие многие поколения противников церковной реформы. Рукописные сборники давали возможность не только сохранить уже отобранные цитаты, но и увеличить их количество, а также круг используемых рукописей и старопечатных книг. Каждый фрагмент копировался с точным указанием на исходный текст, приводился свидетельства о его авторитетности. Опираясь на эти цитаты, защитники старого обряда предлагали решение дискуссионных вопросов обряда и богослужбной практики, излагали основы идеологии движения.

Процесс формирования «канона священных текстов» – важная научная проблема, решение которой предоставит возможность получить более полное представление о богатстве духовной жизни общин и всего религиозно-общественного движения. Традиционализм старообрядцев не вызывает сомнения, но требуется уточнить, в каких текстах, по их представлениям, нашла отражение традиция Русской церкви, защитниками которой они себя объявили. Понять это позволяет обращение к процессу отбора цитат для фонда, вернее, определить, каким образом происходило включение исходных рукописей и старопечатных книг в круг авторитетных, из которых формировался «канон священных текстов».

Раскол в Русской церкви, произошедший в середине XVII в., был результатом духовного кризиса в обществе, порожденного Смутой и попытками определить путь развития страны в условиях раннего Нового времени. Церковь оставалась важнейшим социально-политическим институтом, участвовавшим

в этом процессе. В первой половине XVII в. ею были предприняты попытки преодолеть духовный кризис, вернуть паству в лоно Церкви. С этой целью осуществлялась активная издательская деятельность Московского печатного двора, которая повысила роль печатной книги в жизни общества (об этом см.: [2, с. 16–95]).

Церковь стремилась не только обеспечить приходы богослужбными текстами, но и предоставить пастве четкое изложение обоснования особенностей русского варианта православия. В свое время, в 1551 г., в Московской Руси была совершена попытка зафиксировать единообразие в обряде и богослужбной практике в качестве традиции без особого теоретического объяснения выбранного варианта [3]. Отсутствие богословских трудов, обосновывающих ортодоксальный вариант русского православия и необходимость его оформления, обусловило обращение к сочинениям, написанным авторами в защиту православия в Речи Посполитой в конце XVI – начале XVII вв.

Ярким примером обращения к творческому наследию Киевской митрополии в связи с попытками дать населению религиозный учебник, который бы знакомил с основами вероучения и обрядовой практикой, стали издания в 1644 г. сборника «Кириллова книга», а в 1648 г. «Книги о вере». Основу текстов составили произведения с изложением идей, сформулированных православными писателями родственной митрополии (подробно об этих изданиях см.: [4; 5]). Творческое наследие Киевской митрополии оказалось востребованным в совершенно иной исторической ситуации. Привлекательность этих текстов для Московской Руси была обусловлена не только схожестью обрядов и богослужбной практики, но и восприятием действительности накануне и после заключения Брестской унии исключительно в эсхатологических категориях.

Пытаясь преодолеть духовный кризис в обществе после Смуты Русская церковь стремилась убедить население в скором воцарении в мире антихриста, если паства не обратится к истинной вере. Тексты православных авторов Киевской митрополии в адаптированном для русского читателя виде актуализировали эсхатологические сочинения периода классического христианства, которые Московский печатный двор активно издавал. Учение о конечных судьбах мира и человека оказалось в центре внимания Церкви, которая и в этом случае воспользовалась произведениями, созданными в родственной митрополии.

Процесс приспособления текстов южнорусского происхождения хорошо заметен на изданном в 1649 г. в Москве сборнике «Собрание краткия науки об артикулах веры» (описание издания см.: [6, с. 69, № 215]). Основу его составил отредактированный вариант изданного в Киеве в 1645 г. краткого катехизиса, который ассоциируется с именем Петра Могилы¹. Это было осуществлено, несмотря на то, что в родственной ми-

¹ О «Православном исповедании веры» Петра Могилы и его кратком варианте см.: [7, с. 355–392]. Публикацию текста см.: [8, с. 358–487].

трополии в 30-е годы митрополит Петр [Могила] провел реформы, унифицировавшие литургию и обрядность, ориентируясь на Константинопольскую церковь и латинскую образованность².

В заглавии-аннотации московского издания так были охарактеризованы содержание и цель, с которой предпринималась публикация сборника: «Собрание краткия науки, о артикулах веры. Сиречь о догматах, или о преданиях веры, православно-кафолическия, христианския... По исповеданию и учению святых Восточных соборных апостольския церкви, ради учения и ведения всем православным христианом, наипаче же детям учащимся» [10, л. 1 (второго счета)].

Далее на титуле помещена традиционная формула, что издается «по повелению государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всея Руси самодержца и по благословению великаго господина святейшаго Иосифа патриарха Московскаго и всея Руси». Обычно она помещалась в послесловиях. Возможно, в данном случае издатели включили ее в название-аннотацию, чтобы придать безусловную авторитетность тексту для читателя. При этом нигде не было упомянуто имя киевского митрополита.

Первыми в сборнике помещены три символических текста [10, л. 2–8 об.], а в конце еще один [10, л. 65–77 об.]³. Речь идет о комплексе катехетических сочинений, который оказал влияние на сочинения южнорусских православных писателей конца XVI – начала XVII вв.⁴ В XVII в. он был включен в состав московских печатных изданий. Важным представляется, что они вошли с 1647 г. в предисловные части изданий одной из важнейших богослужебных книг – простой и следованной Псалтири (об этом см.: [12, с. 231–243]).

Сборник «Собрание краткия науки о артикулах веры» явно был издан с целью предоставить пастве текст, который бы знакомил с изложением основ вероучения. Поэтому центральное место отведено краткому катехизису, озаглавленному так: «Книга Катихисис, рекше учение о вере и о нужнейших винах пристоящих к ней» [10, л. 1–64 (второго счета)]. Для сборника текст киевского издания был достаточно близко к подлиннику переведен на церковнославянский язык. При этом были внесены дополнения и немногочисленные изменения, в которых нашли отражения особенности литургии и обряда в Русской церкви этого времени. Все разночтения и дополнения указаны и прокомментированы С.Т. Голубевым при публикации текста киевского издания 1645 г. [8, с. 481–487].

По-видимому, включив особо почитаемые в православной Церкви символические памятники и внося коррективы в сочинение Петра Могила, составители сборника считали, что предоставляют читателям

необходимый текст, способный в доступной форме познакомить их с особенностями русского варианта православия. Издательская политика Русской церкви, ориентированная на тексты, написанные православными писателями родственной митрополии, была особенно активной при патриархе Иосифе. Используя сочинения, написанные авторами Киевской митрополии в защиту православия, Русская церковь адаптировала их для паствы, ориентируясь на Стоглав.

В результате все особенности обряда и богослужебной практики получили богословское обоснование и были представлены в качестве традиции Русской церкви. В этих текстах нашли отражение и эсхатологические построения православных авторов родственной митрополии, которые, по замыслу издателей, должны были убедить читателей в необходимости жить в ожидании близкого конца света. Особенно преуспел в этом автор «Книги о вере», который в 30-й главе поместил предсказание о должном произойти в 1666 г. в России «последнем» отступлении от веры, после чего в мире воцарится антихрист.

Патриарх Никон, возглавив Церковь, начал осуществлять реформу, которая преследовала цель внести изменения в обряд и богослужебную практику, ориентируясь на современный греческий образец. В вводных словах к публикации «Извещение, о рождении и воспитании и о житии святейшаго Никона, патриарха Московскаго и всея России» по поводу результатов церковной реформы, начатой патриархом Никоном, справедливо замечено: «В церковной жизни (патриарх Никон. – Н.Г.) вывел Московскую Русь из позиции изоляционизма среди Православных Церквей и обрядовой реформой приблизил ее к другим Поместным Церквям... подготовил каноническое объединение Великой России и Малороссии...» [13, с. 18].

Действительно, подобные нововведения, как уже было отмечено ранее, были учреждены митрополитом Петром в Киевской митрополии. Важно отметить, что они были спокойно восприняты православным населением. Это вполне объясняется разницей между культурной ситуацией в сообществе православных на Руси, характерной чертой которых оставался традиционализм, и в родственной митрополии, где под влиянием инославного окружения происходили существенные изменения в этой области. Возможно, важную роль сыграло и то обстоятельство, что киевский митрополит, вводя новшества, был менее категоричен. Например, в издание Катехизиса в 1645 г. в Киеве он вносит изменение в обряд крещения, объявляя возможным два варианта: «Тые бо вем Слова с трояким ораз погружением, албо поливанем, свершают крещение» [8, прилож., с. 410].

Как известно, патриарх Никон действовал более решительно, и последовала совершенно иная реакция на введение новшеств. Уже первые шаги по пути реформирования привели к появлению церковной оппозиции, которая постепенно превратилась в широкое общественно-религиозное движение. Первое поколение защитников старого обряда провозгласили в каче-

² О сложных взаимоотношениях Петра Могила и русской власти см.: [9].

³ Описание состава сборника см.: [11, с. 709–710].

⁴ О содержании этих сочинений и их влиянии на украинскую катехетическую традицию подробно см.: [7, с. 219–223].

стве основополагающего принцип следования старине, т.е. объявили себя хранителями традиций Русской церкви. Речь шла о литургии и обряде, которые в первой половине XVII в. были не только упорядочены, но и дополнены богословскими обоснованиями. Это позволило противникам реформы считать, что традиция РПЦ нашла отражение не только в древних рукописях, но и в изданиях Московского печатного двора первой половины XVII в.

Защитники старого обряда обратились к авторитетным памятникам письменности с целью найти аргументы, чтобы показать незаконность новшеств, введенных в результате реформы в обряд и богослужебную практику Русской церкви. Разумеется, древность рукописи, ее происхождение и принадлежность выдающимся церковным деятелям стали основополагающими при разысканиях. Найденный фрагмент, подтверждающий отстаиваемую точку зрения на обряд и богослужебную практику, должен был быть безусловным авторитетом и для реформаторов. Издания Московского печатного двора оказались очень востребованными, поскольку в них оппозиция находила богословское обоснование отстаиваемой позиции. Тексты в этой ситуации стали основными аргументами в споре.

Иноки Соловецкого монастыря, который обладал богатейшей библиотекой, начали поиски необходимых фрагментов текстов с первых шагов патриарха Никона по пути введения новшеств (об этом см.: [14, с. 360–432]). Разумеется, работа по сбору свидетельств в пользу отстаиваемой точки зрения на обряд и богослужебную практику велась не только в Соловецком монастыре, но в первую очередь именно стараниями соловецких иноков в XVII в. был определен круг авторитетных книг и рукописей, свидетельствующих о том, что патриарх Никон нововведениями нарушил традиции Русской церкви. Они проявили высочайший уровень книжной культуры при оформлении найденных выписок в защиту отстаиваемой точки зрения и представили их безусловно авторитетными для оппонентов.

Подобные подборки фрагментов текстов позволили писать челобитные на имя государя, а также сочинения, в которых обосновывалось право оставаться в оппозиции к новшествам. Ярким примером использования цитат из авторитетных рукописей и старопечатных книг в качестве аргументов при доказательстве, что двуперстие есть традиционная форма крестного знамения в Русской церкви, является трактат Герасима Фирсова «О сложении перстов...» [15]. В 1666 г. сам автор, как сообщается в «Сказке о допросе Герасима в Иосифовом монастыре 18 авг. 1666 г.», следующим образом охарактеризовал его содержание: «...я на прелесть никакова списания не списывал, что писал о сложении перстов десныя руки, им же воображаем крестное знамение, и то я писал от Божественнаго Писания, и что ис которых книг взято, их же соборная и апостольская Церковь приемлет, то в тех тетратех и помечено» [16, с. 113–114].

В данном случае важно, что Герасим Фирсов заявил о справедливости отстаиваемой точки зрения на двуперстие, поскольку «писал от Божественнаго писания». При этом подчеркнул, что использовал выписки из книг, которые «приемлет» Церковь, о чем свидетельствуют оформленные на них ссылки. Действительно, в трактате были представлены соответствующие фрагменты и их интерпретация в пользу отстаиваемой точки зрения. Другой соловецкий инок, взяв за основу произведение Герасима Фирсова, решение вопроса о форме крестного знамения представил почти исключительно в цитатах из рукописей и старопечатных книг. Обращение к составленному Геронтием сборнику позволит более ясно представить процесс формирования «канона священных текстов».

В рукопись РГБ, собр. Егорова, № 706, введенную в научный оборот О.В. Чумичевой, Геронтий включил в систематизированном по темам виде все отобранные к 60-м гг. XVII в. противниками церковной реформы цитаты [17]. Во второй части сборника он поместил яркие публицистические произведения, в которых, опираясь на эти выписки из рукописей и старопечатных книг, предложил решение спорных вопросов обряда и богослужебной практики. По замыслу составителя, соединение фрагментов текстов, снабженных соответствующими заголовками-комментариями, и их осмысление в авторских сочинениях должны были сделать более убедительной позицию противников новшеств (подробно об этой рукописи см.: [18]).

В круг авторитетных были включены тексты Священного Писания, святоотеческого предания, сочинения иерархов Русской церкви. Выписки из древних рукописей и старопечатных книг с указаниями на исходный текст придавали уверенности в том, что патриарх Никон ввел новшества, которые не соответствовали традициям. Для русского человека, естественно, это было убедительным доказательством неправомерности действий реформаторов. Не случайно в «Книге соборных деяний... в лето 7175 и 7176», уже после лишения Никона патриаршего достоинства, было заявлено: «Зане Никон, бывший патриарх, повеле книги исправляти и преводити не собою, но советом благочестивейшаго государя нашего, царя и великаго князя Алексея Михайловича..., благословением же и советом святейших вселенских патриархов... и всего освященнаго собора из греческих и древних славенороссийских харатейных книг...» [19, с. 209].

После такой характеристики книжной sprawy было подчеркнуто, что собравшиеся якобы сами «испытахом и разсмотрихом подробну» эти древние книги и убедились в справедливости внесенных исправлений. Традиционализм был характерен не только для противников реформы, но и для ее сторонников. Следовательно, аргументы защитников старого обряда были для всех значимы. По-видимому, для иерархов важным оказалось обращение к Стоглаву, текст которого придавал уверенность оппонентам в справедливости отстаиваемой точки зрения. В «Книге соборных деяний...» уделили особое внимание этому тексту,

объявив «той собор не в собор, и клятву не в клятву, но ни во что вменяем, якоже и не бысть» [19, с. 221]. Поскольку, как объяснено далее, «той Макарий митрополит, и иже с ним, мудрствоваша невежеством своим безразсудно, якоже восхотеша сами собою, не согласяся с греческими и древними харатейными словенскими книгами» [19, с. 221].

Обращает на себя внимание тот факт, что и та, и другая сторона апеллируют к древним «греческим и словенским» книгам, отстаивая свою точку зрения. При этом противники церковной реформы действительно ссылаются на конкретные рукописи и старопечатные книги, предоставив их описание и цитируя выписки из них. Их оппоненты только заявляют о том, что книжная справа проводилась по этим книгам, а когда речь шла о таком тексте, как Стоглав, то иерархам пришлось отречься от этого соборного постановления, объявив его текст «не согласным» с греческими и древними «харатейными словенскими книгами».

Защитники старого обряда, находясь в оппозиции, вынуждены были не только доказывать авторитетность текста, который использовали, но и отстаивать свое право употреблять каждый отобранный фрагмент в качестве аргумента. Это особенно хорошо заметно в сборнике Геронтия. Соловецкий инок в разделе «Изложение православные христианские веры...», обсуждая вопрос о форме крестного знамения, естественно, ссылаясь и на авторитет Стоглава. Но подошел к этому очень продуманно. При этом он явно ориентировался на сочинение Герасима Фирсова «О сложении перстов...», повторив последовательность аргументов и ссылки, помещенные на полях. В результате цитаты из соборного постановления оказались ключевыми при решении вопроса о форме крестного знамения.

В 31-й главе соборного постановления после утверждения формы крестного знамения в качестве аргументов в пользу двуперстия приведены ссылки на «списания преподобных отец наших Мелетия и Феодорита» с воспроизведением цитат из них [3, с. 99–100]. Геронтий, как и Герасим Фирсов, явно стремился, чтобы текст о двуперстии прозвучал более убедительно, поэтому аргументацию в пользу данной формы крестного знамения начинает с воспроизведения этих текстов. Первым он поместил фрагмент, озаглавив его так: «Святейшаго патриарха Антиохийскаго. О крестном знамении». На поле составитель указал, откуда скопирован текст: «Псал., друк. Мос., 7150-го год. Книга Кирил. Иерос. Сл. О кресте, гл. 14, лист 183»⁵. Действительно, дословно воспроизведен текст из московских печатных изданий – из Предисловной части Псалтири и из 14-й главы сборника «Кириллова книга»⁶.

Следом помещено так называемое слово Феодорита с указанием на поле, откуда скопировано: «Псал. Друк. Мос.; Кирил. Иерос. Сл. О Кресте, гл. 14; Книга

новая о вере, глава 9 и в Хронографах вначале»⁷. После этого представлены выписки из авторитетных рукописей, из произведений Петра Дамаскина и Максима Грека, в которых объяснялся символический смысл двуперстия⁸. По-видимому, посчитав, что читатель достаточно подготовлен к соответствующему восприятию решения Стоглавого собора, составитель привел начало 31-й главы, введя его следующим образом: «Книга Стоглав против царскаго вопросу. Соборное уложение о том же крестном знамении». Окончание цитаты, как и у Герасима Фирсова, обозначено так: «И сия убо книга она Стоглав»⁹.

В трактате «О сложении перстов...» более подробно излагается история появления текста Стоглава [15, с. 168]. Возможно, поэтому Геронтий только подчеркнул, что в Стоглаве нашло отражение соборное уложение, которое было составлено в ответ на царские вопросы. В приведенном тексте утверждалось в качестве единственной формы крестного знамения двуперстие, а также сообщалось о проклятии: «Аще ли кто двема персты не благославляет, якоже и Христос или кто не воображает двема персты крестнаго знамения, да будет проклят – святии отцы рекоша»¹⁰. Следующая выписка представлена, как и у Герасима Фирсова, в таком виде: «Грамматика киевская печать. О знамении крестном»¹¹. При этом скопирован текст Стефана Зизания, в котором дано богословское объяснение двуперстия¹².

Составитель сборника мог воспроизвести это разъяснение символики двуперстия по московским изданиям, в которые оно было включено в церковнославянском переводе (об этом см.: [21, с. 100]), но предпочел вслед за другим соловецким иноком обратиться к южнорусскому изданию конца XVI в. Следовательно, первое поколение защитников старого обряда фонд «священных текстов» не только составили из фрагментов, скопированных из древних рукописей и старопечатных книг, но ввели в круг авторитетных и произведения православных писателей Киевской митрополии.

После цитат, которые приведены в качестве аргументов в пользу двуперстия, помещен фрагмент из трактата Герасима Фирсова: «И сия убо сиец вся выше писанная о крестном знамении и о сложении перстов десныя руки свидетельства от священных правил и богоносных отец. Подобне же и согласно сим обретается и во инех священных книгах, глаголю же, в Хронографу, сиречь в летописце, глава. В книге святаго Кирила Иерусалимскаго, в ней же собрано многих святых отец

⁷ Там же. Л. 52 об. – Ср.: «Псалтырь Московской друкарни, Кирила Иерусалимскаго слово о кресте, глава 14. Книга новая о вере, глава 9» [15, с. 153].

⁸ РГБ. Собр. Егорова. № 706. Л. 53 – 55 об.

⁹ Там же. Л. 55 об.–56 об. Ср.: [3, с. 97–98].

¹⁰ Там же. Ср.: [3, с. 98].

¹¹ Описание издания см.: [20, с. 126–130, № 36]. Ср.: [15, с. 170].

¹² Нач.: «Замыкает в себе Крест Христов...» до слов: «А тогда праведницы не толко людей грешных, але и ангелов згрешивших осудят». – РГБ. Собр. Егорова. № 706. Л. 56 об.–57 об. Ср.: [15, с. 170–171]. Об этой статье см.: [21, с. 98–99].

⁵ Российская государственная библиотека (РГБ). Собр. Егорова. № 706. Л. 52. – Ср.: «Псалтырь Московской друкарни 7150 году, Книга Кирилла Иерусалимскаго, слово о кресте, глава 14» [15, с. 148].

⁶ РГБ. Собр. Егорова. № 706. Л. 52–52 об.

писания о святей Троице и на еретики, о кресте, глава 14. В книге, иже О вере, о кресте, глава 9. И в книге глаголемей Катихисис, в четвертом артикуле веры»¹³.

«Священными книгами» объявлены, кроме главы Хронографа¹⁴, издания Московского печатного двора, составленные из текстов, которые следует охарактеризовать как адаптированное для русского читателя творческое наследие Киевской митрополии. Составитель сохранил и объяснение Герасима Фирсова, почему тот не привел большее количество фрагментов с призывом ко всем желающим самим обратиться к исходным текстам: «Их же множества ради не положих зде, усердствуя, иже да не обленится самая оны книги внимателне почести и обрящет во всех тех согласно вышеписанным зде о подлежащей вине»¹⁵.

Далее Геронтий поместил цитаты из Потребника московской печати о проклятии католиков и из Кормчей о проклятии ересей, а следом воспроизвел начало главы Стоглава «О крестящихся не по чину», указав на исходный текст – «Стоглав. 32 глава»¹⁶. Составитель сборника явно стремился убедить читателей в том, что традиция Русской церкви, утвержденная соборным решением, нашла отражение в произведениях церковных писателей, в изданиях Московского печатного двора. В круг авторитетных текстов им, вслед за Герасимом Фирсовым, были включены и книги, напечатанные в Киевской митрополии. При решении вопроса о форме крестного знамения Геронтий, приведя соответствующие цитаты из памятников письменности в защиту двуперстия, объявил, процитировав фрагмент из трактата «О сложении перстов...», исходные тексты «священными книгами».

Скорее всего, для первого поколения защитников старого обряда характерной чертой была не только убежденность в том, что они отстаивают традиции и истинную веру, но и уверенность, которую с такой определенностью высказал на допросе Герасим Фирсов – «то я писал от Божественнаго Писания». Указав на то, что все использованные им книги обозначены в сочинении, он подчеркнул соответствие их содержания истинному вероучению.

Обращение к сборнику, составленному Геронтием, позволило проследить, каким образом соловецкие иноки формировали «канон священных текстов», который был унаследован следующими поколениями старообрядцев. При оформлении идеологии вновь образованных согласий в следующем столетии они сумели не только использовать отобранные фрагменты, но и значительно увеличить их количество, расширить

и круг исходных текстов, а также дополнить вполне научными для того времени методами работы с памятниками письменности.

Список литературы

1. *Crummey R.O.* OLD Belief as Popular Religion. New Approaches // Old Believers in a Changing World. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2011. P. 17–27.
2. *Поздеева И.В.* Московский печатный двор в жизни русского общества и государства XVII века // *Поздеева И.В.* Человек. Книга. История. Московская печать XVII века. М.: Фантом-пресс, 2016. С. 16–132.
3. Стоглав: Текст. Словоуказатель. М.; СПб.: Ин-т рос. истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. 320 с.
4. *Опарина Т.А.* Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. Новосибирск: Наука, 1998. 429 с.
5. *Савельева Н.В.* К вопросу о допечатной традиции «Книги о вере» иеромонаха Гедеона, игумена Бизюкова монастыря: из истории бытования списка М.А. Оболенского // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). Вып. 5 / отв. ред. и сост. Е.М. Юхименко. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 15–38.
6. *Зернова А.С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках. Сводный каталог. М.: ГБЛ, 1958. 152 с.
7. *Корзо М.А.* Украинская и белорусская катехетическая традиция конца XVI–XVIII вв.: становление, эволюция и проблема заимствований. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. 672 с.
8. *Голубев С.Т.* Киевский митрополит Петр Могила и его подвижники. (Опыт церковно-исторического исследования). Приложение. Киев: Тип. Корчак-Новицкого, 1883. 498 с.
9. *Флоря Б.Н.* Киевский митрополит Петр (Могила) и русская власть: эволюция взаимоотношений // Вестник церковной истории. 2013. 1/2 (29/30). С. 179–187.
10. Сборник «Собрание краткая науки о артикулах веры». М.: Московский печатный двор, 1649. 88 л.
11. *Мирзоян А.Г.* Описание литературного состава русских старопечатных сборников XVII в. // Демин А.С. Древнерусская литература: Опыт типологии с XI по середину XVIII вв. от Иллариона до Ломоносова. М.: Языки славянских культур, 2003. С. 676–712.
12. *Вознесенский А.В.* К истории славянской печатной Псалтири. Московская традиция XVI–XVII веков. Простая Псалтырь. М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2010. 680 с.
13. *Патриарх Никон.* Труды / Научное исследование, подготовка документов к изданию, составление и общая редакция В.В. Шмидта. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 1264 с.
14. *Сапожникова О.С.* Русский книжник XVII в. Сергей Шелонин. Редакторская деятельность. М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2010. 560 с.
15. *Фирсов Герасим.* «О сложении перстов, еже которыми персты десная руко подобает всякому православному христианину вообразити на себе знамение честнаго креста» // Никольский Н. Сочинения соловецкого инок Герасима Фирсова по неизданным текстам (К истории северно-русской литературы XVII века). СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1916. С. 145–196.
16. *Дело о соловецком старце Герасиме Фирсове* // Материалы для истории раскола за первое время его существования / под ред. Н. Субботина. СПб.: Братство святого Петра Митрополита, 1878. Т. III: Акты относящиеся к истории Соловецкого мятежа. С. 107–115.
17. *Чумичева О.В.* «Ответ вкратце Соловецкого монастыря» и Пятая соловецкая челобитная (взаимоотношение текстов) // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России. Новосибирск: ВО «Наука», 1998. С. 59–69.
18. *Гурьянова Н.С.* «Книга» Геронтия Соловецкого // Общественное сознание и литература России: Источники и исследования. Новосибирск, 2008. С. 3–21.
19. Книга соборных Деяний 1667 г. // Материалы для истории раскола за первое время его существования / под ред. Н. Субботина.

¹³ РГБ. Собр. Егорова. № 706. Л. 57 об. – 58. – См.: [15, с. 171].

¹⁴ По-видимому, речь идет о дополнительной главе из рукописного Хронографа с изложением особенностей обряда Русской церкви.

¹⁵ РГБ. Собр. Егорова. № 706. Л. 58.

¹⁶ Нач.: «Мнози неразумнии человецы махающе рукою по лицу своему...» До слов: «А кто не внимает, не послушает благаго наказания, да будет отлучен». – РГБ. Собр. Егорова. № 706. Л. 59–59 об. Ср.: [3, с. 100]. Об этом сочинении и воспроизведение фрагмента см.: [21, с. 52–53, 103].

М.: Братство святого Петра Митрополита, 1876. Т. 2. Ч. 2.: Акты, относящиеся к собору 1666–1667 года. С. 187–412.

20. *Каталог белорусских изданий кирилловского шрифта* / сост. В.И. Лукьяненко. Л.: [б.и.], 1973. Вып. 1. 196 с.

21. *Успенский Б.А.* Крест и круг: Из истории христианской символики. М.: Языки славянских культур, 2006. 488 с.

References

1. *Crummey R.O.* Old Belief as popular religion. New approaches. *Old Believers in a changing world*. DeKalb, 2011, pp. 17–27.

2. *Pozdeeva I.V.* Moscow printing house in the life of the Russian society and state of the XVII century. *Pozdeeva I. V. Chelovek. Kniga. Istoriya. Moskovskaya pechat' XVII veka*. Moscow, 2016, pp. 16–132. (In Russ.)

3. *Stoglav*: text. Word index. Moscow, Saint Petersburg, 2015, 320 p. (In Russ.)

4. *Oparina T.A.* Ivan Nasedka and polemical theology of the Kiev Metropolia. Novosibirsk, Nauka, 1998, 429 p. (In Russ.)

5. *Savel'eva N.V.* On the issue of pre-printing tradition in “Book of Faith” by Hieromonk Gedeon, Father Superior of Bizyukov monastery: the history of M.A. Obolensky copy. *Staroobryadchestvo v Rossii (XVII–XX vv.)*. Moscow, 2013, iss. 5, pp. 15–38. (In Russ.)

6. *Zernova A.S.* Books in the Cyrillic script published in Moscow in the XVI–XVII centuries: united catalog. Moscow, GBL, 1958, 152 p. (In Russ.)

7. *Korzo M.A.* Ukrainian and Belorussian catechetical tradition of the late XVI–XVIII centuries: formation, evolution and a problem of borrowing. Moscow, Canon+ ROOI “Rehabilitation”, 2007, 672 p. (In Russ.)

8. *Golubev S.T.* Kiev Metropolitan Petr Mogila and his associates. (The experience of church historical research). Applications. Kiev, Korchak-Novitsky Tip., 1883, 498 p. (In Russ.)

9. *Florya B.N.* Metropolitan of Kiev Petr (Mogila) and the Russian power: relationships' evolution. *Vestnik tserkovnoy istorii*, 2013, no. 1/2, pp. 179–187. (In Russ.)

10. Collected Brief Instructions on Articles of Faith. Moscow Print. House, 1649, 88 sh. (In Russ.)

11. *Mirzoyan A.G.* Description of the literary composition of Russian old printed collections of the XVIII century. *Demin A. S. Drevnerusskaya literatura: opyt tipologii s XI po seredinu XVIII vv. ot Illariona do Lomonosova*. Moscow, 2003, pp. 676–712. (In Russ.)

12. *Voznesenskiy A.V.* On the history of the Slavic printed Psalter. Moscow tradition of XVI–XVII centuries. Common Psalter. Moscow, Saint Petersburg, Al'yans-Arkheo, 2010, 680 p. (In Russ.)

13. *Schmidt V.V. (ed.)* Patriarch Nikon. Works. Moscow, MSU Publ. House, 2004, 1264 p. (In Russ.)

14. *Sapozhnikova O.S.* A Russian scribe of XVII century. Sergius Shelonin. Editorial activities. Moscow, Saint Petersburg, Al'yans-Arkheo, 2010, 560 p. (In Russ.)

15. *Firsov G.* A sign of the cross with two fingers for every Orthodox christian. *Nicol'skiy N. Sochineniya solovetskogo inoka Gerasima Firsova po neizdannym tekstam (k istorii severno-russkoy literatury XVII veka)*. Saint Petersburg, 1916, pp. 145–196. (In Russ.)

16. The case of Solovetsk elder Gerasim Firsov. *Materialy dlya istorii raskola za pervoe vremya ego sushchestvovaniya*. Saint Petersburg, 1878, vol. 3, pp. 107–115. (In Russ.)

17. *Chumicheva O.V.* “A brief answer of the Solovetsky monastery” and the Fifth Solovetsky petition (relationship of texts). *Issledovaniya po istorii literatury i obshchestvennogo soznaniya feodal'noy Rossii*. Novosibirsk, 1998, pp. 59–69. (In Russ.)

18. *Gur'yanova N.S.* “Book” by Geronty Solovetsky. *Obshchestvennoe soznanie i literatura Rossii*. Novosibirsk, 2008, pp. 3–21. (In Russ.)

19. Book of the Council acts in 1667. *Materialy dlya istorii raskola za pervoe vremya ego sushchestvovaniya*. Moscow, 1876, vol. 2, pt. 2, pp. 187–412. (In Russ.)

20. *Luk'yanenko V.I. (comp.)* Catalog of Belorussian editions in the Cyrillic font. Leningrad, 1973, 196 p. (In Russ.)

21. *Uspenskiy B.A.* Cross and circle: On the history of Christian symbolism. Moscow, Yazyki slav. kul'tur, 2006, 488 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 04.07.2019

DOI: 10.15372/HSS20190312
УДК 930.2+821.161:239.189

Н.А. СТАРУХИН

СОЧИНЕНИЕ НЕИЗВЕСТНОГО БЕЛОКРИНИЦКОГО ПОЛЕМИСТА ИНОКА АВГУСТИНА (КОНЕЦ 1890-х гг.)

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье анализируется находящееся в Центре хранения книг и рукописей ИИ СО РАН полемическое сибирское сочинение конца 1890-х гг. неизвестного белокриницкого («австрийского») писателя инока Августина. Установлены источники послания, причины его создания, в немалой степени вызванные борьбой за духовное и интеллектуальное лидерство среди староверческих обществ. Исследованы основные темы и направления ожесточенных дискуссий между двумя старообрядческими согласиями с изначально общей исторической судьбой: часовенными и «австрийцами». Восстанавливаются причины их идеологических расхождений в конкретном малоизученном староверческом центре, определявшиеся как изменениями государственной политики по отношению к староверию на протяжении всего XIX в., так и эволюцией самих беглопоповских направлений. Показано, что рассматриваемые автором темы являются очередным этапом в многолетних спорах, периодически разгоравшимися с одним из главных конкурентов староверов-часовенных – Белокриницкой иерархией.

Ключевые слова: Сибирь, старообрядчество, белокриницкое согласие, Белокриницкая иерархия, староверы-часовенные, стариковщина, полемическая литература, апологетика, Центр хранения книг и рукописей Института СО РАН.

N.A. STARUKHIN

A WORK OF AN UNKNOWN BELOKRINITSKY POLEMICIST, MONK AUGUSTINE (LATE 1890S)

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article analyzes a polemic Siberian writing of the late 1890s by an unknown Belokrinitzky (“Austrian”) writer, monk Augustine, which is kept in the Centre of Books and Manuscripts Storage. It reveals sources of the epistle, reasons for its creation, mainly due to the struggle for spiritual and intellectual leadership among the Old Believer communities. The author investigates main issues and directions of sharp discussions between the two Old Believers’ branches (“Chasovennye” and the “Austrians”) with the originally common historical fate. The research restores reasons for their ideological discrepancies at a particular poorly-studied Old Believer center, which were determined both by changes in government policy related to Old Belief throughout the XIX century, and by the Beglopopovtsy’s own evolution. The paper shows that the studied topics are the next stage in perennial disputes periodically bursting with one of the Old Believers’ main opponents – the Belokrinitzky hierarchy.

Key words: Siberia, Old Believers, Belokrinitzskaya religious grouping, Belokrinitzskaya hierarchy, Old Believers, chapels, old men, polemical literature, apologetics.

В научной литературе неоднократно отмечалась роль догматико-полемических сочинений, различного рода посланий в изучении феномена старообрядческого движения [1, с. 8–9; 2, с. 168–183]. Сочинения, с завидной интенсивностью создаваемые в старообрядческой среде на протяжении XVII–XVIII вв., а позднее и XIX в., нередко тиражировались, вклю-

чались в «канон», получали свою интерпретацию. Причем в этих процессах немалую роль играли как идейные лидеры староверческих обществ, так и их «рядовые» члены [3, с. 11]. Оригинальное развитие указанный выше вид старообрядческой литературы получил и в трудах сибирских писателей-«австрийцев».

Николай Алексеевич Старухин – канд. ист. наук, научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: prognostika@mail.ru
Nikolay A. Starukhin – Candidate of Historical Sciences, Research Officer, Institute of History SB RAS.

Анализ обнаруженных полемических сочинений белокриницких апологетов, многие из которых еще только начинают вводиться в научный оборот, подтвердил ранее высказанную точку зрения, согласно которой обострению полемики между часовенными и «австрийцами» способствовали как рост белокриницких общин, формировавшихся долгое время за счет часовенных, так и миссионерская активность лидеров «австрийцев» [4, с. 51–55]. При этом интенсивность полемики зачастую определялась и другим фактором – пути миграций (крестьянской и иноческой) обоих направлений бывшей беглопоповщины в урало-сибирском регионе нередко пересекались. Общие же для беглопоповщины внутренние противоречия в той или иной форме проявлялись в названных согласиях и в рассматриваемый период.

В 2009 г. в Центре хранения книг и рукописей Института истории СО РАН была поставлена на учет копия рукописи, полученная в одном из таежных сибирских поселков¹. В научном описании, выполненном Т.В. Панич, указано, что сборник принадлежал староверам белокриницкого согласия [5, с. 195–196]. Состав сборника представляет собой в основном подборку размноженных на гектографе исторических и апологетических работ «австрийцев» второй половины XIX в. Судя по небольшому (в 8⁰) формату, грубоватому (из мешковины и картона) переплету, небрежным, написанным полууставом вставкам и некоторым другим признакам, создавался он «на потребу дня», с явно выраженными полемическими целями в конце 1880–1890-х гг. Включение в состав сборника сочинений такого крупного белокриницкого писателя, как А.В. Швецов, подборки писем автора «Окружного послания» Иллариона Кабанова (Ксеноса) (л. 122–156; 267–296), вероятнее всего, переписанных белокриницким апологетом-сибиряком Г. Страховым, позволяет считать, что сборник был изготовлен в одной из сибирских общин «австрийцев»-окружников. Причем прослеживается связь составителя сборника с Казанским (позднее – Михаилоархангельским или Новоархангельским) скитом, основанным в 1875 г. неподалеку от Томска часовенным черноризцем Феофилактом (Савкиным), который спустя несколько лет с частью отшельников перешел к «австрийцам» [6; 7, с. 216]. Возможно, составитель сборника был тесно связан с иноческой средой или сам являлся иноком.

Подтверждением указанной точки зрения может служить помещенное в самом конце сборника «Письмо к братьям старообрядцам», подписанное тогдашним «священноигуменом» скита Феодосием (Быковым)²

¹ Центр хранения книг и рукописей ИИ СО РАН, № 10/09-г. Ссылки на сочинение приводятся в тексте статьи в круглых скобках.

² Помимо самого о. Феодосия (Быкова), «Письмо к братьям старообрядцам» заверено автором «Ответа в Маисас» иноком (иеродиакон) Августином, вероятно, участвовавшим в составлении этого послания. Учитывая, что в рассматриваемый нами сборник

(л. 319–354), и копия «извещения» от 4 апреля 1897 г. московского архиепископа Савватия (Левшина), адресованного барнаульскому белокриницкому священнику Стефану Шумихину (л. 354–355). В извещении подтверждался запрет на священнослужение Стефана, вызванный серьезным конфликтом маститого сибирского иерея как с о. Феофилактом, так и с избранным к этому времени Тобольско-Колыванским епископом – насельником Казанского скита Антонием (Паромовым).

Написанное около 1896 г. епископом Антонием и, к сожалению, не дошедшее до нас сочинение, направленное в защиту старой веры, вызвало болезненную реакцию Шумихина. В частности, барнаульский священник упрекал Антония в каких-то неоправданно резких выражениях «против никониан», неокружнической позиции. Известно, что одним из пунктов полемики после выхода «Окружного послания» была форма написания имени Спасителя. В традиционной старообрядческой трактовке, которой в той или иной мере придерживались сибирские скитники, и, как можно догадываться, сам белокриницкий архиерей, введенное в период реформ XVII в. в Русской Православной Церкви троеперстие и написание имени Христа с двумя «и» однозначно символизировало «преступную троицу» и имя Антихриста. Шумихин, написавший в архиепископию жалобу на епископа Антония, категорически требовал уничтожения этой «книжицы», наполненной, по его мнению, «непроницаемой тьмою заблуждения». Но дело этого попа, по выражению составителя «Писма к старообрядцам», запрещенного «за качественные поступки и рачные торговли и роскоши пышнаго жития», приняло неожиданной для жалобщика оборот. Архиепископия, много лет противостоявшая скитникам по ряду вопросов общественной жизни, поддержала их, а не смирившийся с ситуацией о. Стефан решил пополнить ряды сторонников неокружнической партии (л. 351–353). Отсылка в данном случае к конфликту с неокружниками выглядит отнюдь не случайной. Именно дебаты с ними в разных местах обширной Томской епархии белокриницких станут одним из направлений кипучей деятельности сибирского инока Августина – ревностного последователя изложенных в «Окружном послании» идей³.

О самом иноке (иеродиаконе) Августине практически ничего неизвестно. Мы не можем сказать достоверно, от кого и где принял он иноческий постриг, где проживал до принятия пострига. Имя Августина отсутствует во всех известных на сегодняшний день

было включено авторское сочинение этого белокриницкого инока, названное им «Ответ на письмо Василью Елизаровичу...» (см. о нем ниже), а также некоторые другие особенности памятника, можно сделать предположение, что сборник вполне мог быть составлен и о. Августином, но для более уверенного мнения необходимо отдельное исследование.

³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1475. Оп. 1. Д. 203. Л. 50, 52.

списках скитников⁴. Не совсем понятно, как складывались его отношения и с монахами Казанского скита, вносящими заметный вклад в становление сибирских (мирских и иноческих) белокриницких общин. В сохранившейся скитской переписке Августина не фигурирует. Среди насельников, выехавших из скита о. Феофилакта в Минусинский округ около 1890 г., значится некий Арсений⁵, такое имя Августин носил до пострига, но идентифицировать его с нашим героем пока не представляется возможным. Во включенном в состав рассматриваемого нами сборника «Ответе на письмо Василью Елизаровичу...», автором которого являлся о. Августин, имеются сведения о принадлежности иеродиакона к данному согласию (л. 299). Это единственное свидетельство о пребывании Августина у часовенных, дополнить или прокомментировать этот факт пока не представляется возможным.

В наиболее раннем из дошедших до нас посланий Августина московскому архиепископу Савватию от 17 ноября 1897 г. приводятся сведения об аресте этого чернеца по доносу каких-то «завистников» в Ачинском округе Енисейской губернии⁶. Изпод ареста ему удалось освободиться «через добрых людей» с «порядочным уроном», т.е. за взятку. Но инок сразу же выехал в Минусинский округ, чтобы, по его выражению, «сражаться» «с раздорниками... неокружниками и полукружниками... беглопоповцами... и часоуменными двумя раздлами...»⁷. Для этих целей Августин размножил (судя по всему, на гектографе) какое-то свое собственное сочинение в количестве 160 экз. и просил у архиепископии присылки книг: Кормчей, Симеона Фессалоникийского, Киприана Карфагенского, Стоглава⁸. В данном случае важно, что Августин являлся уже опытным полемистом, не боявшимся дискутировать с разными представителями «пестрого» староверческого мира. Судя по всему, его деятельность пользовалась определенной популярностью в белокриницких обществах. Инок постоянно приглашался для дискуссий в разные районы Сибири, и не случайно спустя два года он оказывается в одном из местных центров сибирского старообрядчества – на самой границе с Васюганьем. В результате крестьянской колонизации в селах, расположенных в среднем и верхнем течении р. Тара и по

ее притокам, на стыке современных Томской, Новосибирской и Омской областей, уже были сформированы местные центры основных, издавна конкурирующих друг с другом согласий – часовенных и поморцев. Но с конца 1880–1890-х гг. в этих селениях после перехода нескольких беспоповских наставников к «австрийцам» начинают формироваться белокриницкие приходы [8, с. 65]. Борьба за паству и лидерство, конечно, обострила отношения между согласиями. Эти отношения причудливо накладывались и на давние споры о священстве и таинствах, обострившиеся среди часовенных в последней четверти XIX в. Забегая вперед, укажем на явное преобладание в обществах местных часовенных беспоповских настроений. Каких-либо конкретных аргументов выявленные нами источники не дают. На данном этапе исследований мы можем лишь увязать распространенность беспоповской идеологии с влиянием крестьянских общин Зауралья, где уже с XVIII в. преобладали антииерархические настроения [1, с. 105, 183].

Неизвестно, по чьей инициативе и когда точно прибыл в Каинский уезд (округ) о. Августин. Но уже к весне 1899 г. иеродиакон написал несколько сочинений («тетрадей»), направленных на обличение «незаконных действий» местных наставников стариковцев, проживавших в деревнях Майзас и Кама. Получивший жесткий отпор, раздосадованный белокриницкий инок был вынужден откликнуться еще одним посланием, о котором уже упоминалось выше – «Ответ на письмо Василью Елизаровичу в деревню Маисас Кыштовской волости Каинского округа» (л. 297–318). Послание составлялось с 5 мая по 1 июня 1899 г. в одном из самых удаленных поселений Кыштовской волости, где начинает формироваться белокриницкий приход – д. Узас. Большим перерывом в работе можно, на наш взгляд, объяснить некоторые повторы, встречающиеся в сочинении. Примечательно, что рукопись была размножена на гектографе, который, как можно предположить, белокриницкий полемист всегда возил с собой. Сочинение имеет второе весьма характерное название, выделенное красным цветом: «Критиковка на письмо». Сделанная внизу листа тем же цветом помета «первой» дает основание предположить, что это первый экземпляр труда полемиста, который он оставил при себе, но в каком количестве «критиковка» была размножена, сказать мы не можем – сочинение сохранилось только в одном списке.

Несмотря на ярко выраженный эмоциональный тон, в «Ответе» белокриницкого «защитника истинного правоверия», как себя аттестует Августин, выдерживается определенная логика. Вначале пересказывается вопрос оппонента, а затем следует развернутый комментарий белокриницкого инока. В сочинении можно выделить следующие основные темы: «лжепастыри» и почитание своих учителей, в нескольких местах и по разным поводам затрагивается актуальный во все времена вопрос «последних времен». Рефреном, понятно, во всем послании звучит тема возникновения Белокриницкой иерархии, ее «истинности».

⁴ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР. РГБ). Ф. 246. К. 193. Ед. хр. 3. Л. 6 об.; НИОР. РГБ. Ф. 246. К. 197. Ед. хр. 3. Л. 45 об.; РГАДА. Ф. 1475. Оп. 1. Д. 200. Л. 15 об.; Д. 201. л. 40–40 об.; Д. 203. Л. 32 об.

⁵ НИОР. РГБ. Ф. 246. К. 199. Ед. хр. 2. Л. 48, 52 об.

⁶ РГАДА. Ф. 1475. Оп. 1. Д. 203. Л. 50–52.

⁷ Там же. Л. 50.

⁸ Находясь уже в Минусинском округе, энергичный инок инициировал подачу прошения в архиепископию староверов «разных волостей и селений», в котором выражалось недовольство «Мирным вестником», заверенным несколькими епископами Белокриницкой иерархии. Как можно догадываться, указанный акт, направленный на примирение с неокружнической группировкой, означал существенные уступки со стороны окружников и давал лишний повод для критики «Окружного послания». – РГАДА. Ф. 1475. Оп. 1. Д. 203. Л. 52.

Белокриницкий апологет прибегает к источникам, являвшимся безусловным авторитетом и для его оппонента. В подавляющем большинстве это книги Нового и Ветхого завета. Но толкования библейских текстов почти не используются. Лишь однажды цитируются Кормчая, Большой Соборник, Большой Катехизис и Иноческий Потребник. Инок Августин предстает перед нами искусным полемистом, цитаты находятся у него буквально «на кончике пера». Именно этим можно объяснить наличие в послании значительного количества скрытых цитат, практически совпадающего с количеством приводимых выдержек из книг Святого Писания, парафраз. Прибегает белокриницкий инок и к устным свидетельствам. Стоит указать и на многократное использование в послании Августина полемического сборника, эсхатологические идеи которого изначально оказали самое существенное влияние на идеологию староверия – Кирилловой книги. Характерно, что с середины XIX в. названный сборник все шире начинает использоваться как во внутренней (между согласиями) полемике, так и в спорах, нередко возникающих внутри конкретного согласия.

Насколько можно догадываться, у Василия Елизаровича и его единомышленников вызывало однозначное неприятие возникновение белокриницкого епископата. Сомнения усугублялись как соблюдением канонических норм при организации староверческой кафедры в Австрийской империи, так и профессиональными качествами духовенства. Это обычные вопросы, уже неоднократно поднимаемые в полемике против «австрийцев». Надо отдать должное майзасскому наставнику: судя по всему, он был неплохо знаком с миссионерской литературой, какими-то полемическими сочинениями часовенных. Во всяком случае, на одной из страниц «Ответа» в пересказе Августина содержатся возражения на «нестроения», вызванные крайне неприглядной деятельностью белокриницкого епископа Софрония (Жирова), помещенные в послании Василия Елизаровича. Приводимый же Августином (без отсылок на источник) один из тезисов Кирилловой книги из 8 «знамения» (л. 307), имеющийся в послании майзасского наставника, весьма сближает его аргументацию с одним из самых ранних сочинений часовенных, направленных против «австрийцев» и принадлежавших главе знаменитого уральского скита – черноризцу Нифонту [7, с. 217].

При наличии этикетных формул, разбросанных по всему тексту «Ответа», данное послание, тем не менее, поражает жесткостью формулировок. Уже с первых строк на голову своего оппонента Августин обрушивает уничтожительные замечания: «Получил... любезное для меня ваше письмо... и лежашую во оном буквалистику... сердечно облобызал, хотя и неграмотическа, но я на ето не взирал... зная... где есть умудрится простецу, держай в руках своих орало» (л. 298). Слова «ложь» и «клевета» встречаются практически на всех страницах сочинения. Причем это далеко не самые обидные выражения, отпускаемые Августином.

Так, иеродиакон своего «друга» аттестует «ересеначальником», а других наставников – «лживыми учителями», «предотечами антихристовыми» (!), нарушившими церковное предание. При этом иеродиакон в качестве аргумента приводит диспут с одним из известных наставников д. Камы – Иваном Сидоровичем Жлудовым, который, со слов белокриницкого полемиста, не смог опровергнуть его аргумент из Кирилловой книги, а именно: «еритики жертвенников не имут» (л. 301). Разгоряченный Жлудов, по мнению Августина, не просто «очинь стгорячился», но и признал себя «еретиком». С точки зрения старообрядческой догматики факт абсолютно недопустимый! И к нему Августин с явным удовлетворением будет не раз обращаться на страницах своего послания.

Один из сильных доводов, с позиций внутренней полемики, белокриницкий книжник приводит в самом конце сочинения. Для Августина было важно доказать «беззаконность» института наставничества у часовенных. Конечно, это был один из самых уязвимых моментов в их догматической системе. Но в этом случае Августин использует давний, хорошо знакомый еще со времен протопопа Аввакума прием, – инок дает крайне уничижительную характеристику одному из наставников часовенных – Климентию Чевухину, преемником которого считал себя майзасский наставник. Чевухин обвинялся в нарушении седьмой заповеди, причем совершенной во время одной из треб. Уже только поэтому, по мнению Августина, система наставничества не имеет никакого права на существование. Иеродиакон раздражается обширной гневной тирадой, направленной против всех своих бывших единоверцев: «...вы вся безпоповщина... прелюбодеи, не токмо вам наставниками быть, но даже и в собраниях церковных не должники стоять... поистине на вас пророк Иеремия вопиет... первее яде вас царь Асур, а сей последний Чевунин и кости ваши оглодал...» (л. 318).

Таким образом, белокриницкому апологету удалось рассмотреть лишь основные вопросы межконфессиональной полемики, затронувшей два некогда родственные староверческих согласия. В основе этой полемики лежали ключевые темы, изначально разделявшие мир староверия. Одна из них – всегда политически заостренная тема «последних времен» – звучит приглушенно, на первый план выходит вопрос о законности возобновленного титанических усилиями части староверов собственного епископата. Для оппонентов белокриницкого инока, имевших к этому времени опыт уже почти полувековой беспоповской традиции, эта проблема ставится в несколько другом ключе. Тем не менее обозначенная в сочинении тематика в дальнейшем получает новое развитие. Стоящие на разных идейных платформах полемисты, как уже неоднократно отмечалось, делают из одних и тех же источников противоположные выводы. Вряд ли способствуют сближению сторон ярко выраженная борьба за лидерство, стремление показать свое превосходство в дискуссии, жесткий стиль ведения беседы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002. 471 с.
2. Мальцев А.И. Староверы-странники в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 267 с.
3. Гурьянова Н.С. Рукописные сборники и оформление идеологии старообрядческого движения. Новосибирск, 2017. 230 с.
4. Зольникова Н.Д. Межконфессиональная полемика сибирских староверов в XX в.: «часовенные» против «австрийских» // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 2. С. 51–55.
5. Описание рукописей XVI – XX вв. из Собрании Института истории СО РАН / сост. Т.В. Панич, Л.В. Титова; отв. ред. Н.Н. Покровский, Е.К. Ромодановская. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. 322 с.
6. [Мельников Ф.Е.] Старообрядческие скиты в Сибири // Слово Церкви. 1917. № 43. С. 708–710.
7. Белобородов С.А., Боровик Ю.В. Староверы горнозаводского Урала: страницы истории согласия беглопоповцев / часовенных XVIII – начала XX вв. Екатеринбург, 2017. 382 с.
8. Новиков И. Томская епархия в 1902 г. Томск, 1903. 88 с.

REFERENCES

1. Pokrovsky N.N., Zolnikova N.D. Old Believers at the East of Russia in the 18th–20th centuries: problems of creativity and social consciousness. Moscow, 2002, 471 p. (In Russ.)
2. Maltsev A.I. Old Believers-wanderers in the XVIII – early XIX centuries. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf, 1996, 267 p. (In Russ.)
3. Guryanova N.S. Hand-written collections and forming the ideology of the Old Believer movement. Novosibirsk, 2017, 230 p. (In Russ.)
4. Zolnikova N.D. Interconfessional controversy of the Siberian Old Believers in the XX century: “Chasovnyye” against “Austrian”. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 1999, no. 2, pp. 51–55. (In Russ.)
5. Pokrovsky N.N., Romodanovskaya E.K. (eds.) Manuscripts description of the XVI–XX centuries of the Institute of History SB RAS collection. Novosibirsk, SB RAS publ., 2011, 322 p. (In Russ.)
6. [Melnikov F.Ye.]. Old believers ‘ monasteries in Siberia. *Slovo Tserkvi*, 1917, no. 43, pp. 708–710. (In Russ.)
7. Beloborodov S.A., Borovik Yu.V. Old Believers of the industrial Urals: pages of the history of the Beglopopovtsy. *Chasovnyye religious groupings in the XVIII – early XX centuries*. Ekaterinburg, 2017, 382 p. (In Russ.)
8. Novikov I. Tomsk diocese in 1902. Tomsk, 1903, 88 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 10.07.2019

DOI: 10.15372/HSS20190313
УДК 026 : 355 (47+57) (091)

А.М. ПАНЧЕНКО

БИБЛИОТЕКИ ОФИЦЕРСКОЙ АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ ШКОЛЫ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
РФ, 630102, г. Новосибирск, ул. Восход, 15

В статье представлена краткая история создания и деятельности Офицерской артиллерийской школы как важнейшего артиллерийского, теоретического, практического и учебно-методического центра Военного министерства. Проанализирована нормативно-правовая база для создания и деятельности в них библиотек – учебной и при военном собрании. Раскрыты особенности пользования книгами и периодическими изданиями из библиотек переменным и постоянным составами школы. Выявлены труды по артиллерийскому делу, подготовленные преподавательским составом школы и изданные в ней. Изучены каталоги офицерских библиотек артиллерийского ведомства на предмет наличия в них трудов школы. Благодаря предпринятому исследованию расширено представление об истории библиотек в артиллерийском ведомстве и всего военно-библиотечного дела Русской армии.

Ключевые слова: Военное министерство, Главное артиллерийское управление, военно-учебные заведения, Офицерская артиллерийская школа стрельбы, военное собрание, Устав офицерского собрания школы, библиотека, правила пользования библиотекой.

A.M. PANCHENKO

LIBRARIES OF OFFICER ARTILLERY SCHOOL (THE END OF XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURY)

State Public Scientific Technical Library SB RAS,
15 Voshod str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation

The relevance of a subject is determined by huge importance of military libraries in training and upbringing of the Russian army officers, whose education level influences the military power, the country's defense capability. The article expounds the main problems of creation of Officer Artillery School, its books' acquisition and functioning; analyzes the regulatory framework of their activity for the first time in historiography. The paper objective is to characterize functioning of Officer Artillery School libraries. One of them was for students, another – for the officer corps. The author applies comparative, chronological, bibliographic, source study methods. The study provides better understanding of history of the artillery department libraries, and military library science of the Russian army in general. It shows the attitude of the Ministry of Defense to libraries of military schools, which can be characterized as understanding their importance for officers' training, as well as active regulating their creation, acquisition and functioning. Based on "The instruction for officers of variable structure of the Officer Artillery School of firing" issued in 1909, 1910, 1912 the paper reveals features of using books and periodicals from the educational library by the changing staff of the school. Studying these libraries is difficult due to the fact that researchers can't find their catalogs, neither printed, nor hand-written. The research results reveal some sources of library collections acquisition (free editions of the Ministry of Defense and Military and Topographical Department of the General Staff and purchasing books abroad), and a large number of publications on the artillery prepared by the school teachers and officials and sent to these libraries and other libraries of the Ministry of Defense according to their catalogs' analysis.

Key words: Ministry of Defense, Head Artillery Department, military schools, Officer Artillery School of Firing, officer corps, "Charter of the school officer corps", library, instructions to use library.

Анатолий Михайлович Панченко – д-р ист. наук, доцент, старший научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: a.m.panchenko@mail.ru.

Anatoly M. Panchenko – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, State Public Scientific Technical Library SB RAS.

Библиотеки играют важную роль в обучении и воспитании офицеров российской армии, от уровня подготовки которых зависит обеспечение обороноспособности государства. Поэтому изучение истории создания, развития, функционирования военных библиотек является актуальным направлением научных исследований.

Одним из таких военно-учебных заведений, созданных с учетом анализа причин поражения России в Крымской войне для подготовки офицеров Русской армии в соответствии с новейшими достижениями в области артиллерии, стала Офицерская артиллерийская школа. История ее изучения представлена лишь отдельными трудами, один из которых был создан С.Н. Дельвигом и В.П. Сарнавским в дореволюционный период [1], два других – В.М. Коровиным [2, с. 528–537] и В.В. Ионовым [3, с. 79–94] на современном этапе. В них нашли отражение история создания школы, нормативно-правовая база, порядок организации учебного процесса, анализ влияния военных реформ 1905–1912 гг. на деятельность школы, был рассмотрен опыт подготовки офицеров-артиллеристов в подобных школах в европейских странах, приведены фамилии (биографии) начальников школы, преподавателей, известных выпускников. Однако история создания и функционирование учебной библиотеки школы и при военном собрании прежде в отечественной историографии не рассматривались, поэтому в настоящей статье они впервые стали предметом научного исследования.

Актуальность темы и отсутствие публикаций по ней определили цель настоящей статьи – охарактеризовать функционирование библиотек при Офицерской артиллерийской школе – учебной и при офицерском собрании. Ее достижение способствует решению следующих задач: 1) реконструировать структуру управления библиотеками; 2) проанализировать правила пользования библиотеками и библиотечного обслуживания; 3) выявить труды по артиллерии, созданные преподавателями и должностными лицами школы и имевшиеся в фондах библиотек школы и офицерских библиотек воинских частей и учреждений. При решении этих задач использовались сравнительный, хронологический, библиографический, источниковедческий методы.

Роль учебных заведений для офицеров артиллерии, повышающих свою квалификацию, играли Образцовые батареи – пешая и конная, образованные в 1811 г. При Николае I они были переименованы в Учебные: батальон, эскадрон и две батареи: пешая и конная. Для них были установлены «общие основания их устройства и деятельности, согласно которым эти части должны были служить для достижения в войсках совершенного однообразия по всем предметам строевой службы и обмундирования» [1, с. 1].

Крымская война 1853–1856 гг. наглядно показала серьезные недостатки Русской армии в военном деле и технике, современном вооружении и его боевом применении, военном образовании офицеров и в подготов-

ке нижних чинов. В связи с этим были приняты меры по совершенствованию специального образования офицеров. На офицерских курсах теперь больше внимания уделялось практической подготовке, сократилось число лекций, стало больше практических задач и упражнений. Однако принимаемые меры были недостаточными, «с усовершенствованием огнестрельного оружия, в строевых частях не хватало опытных руководителей; ясно сознавалась необходимость более основательного теоретического и практического изучения свойств оружия в специальных курсах для каждого рода войск, где офицеры могли бы пополнять свое военное образование» [1, с. 1–2].

Определенную помощь в решении этого вопроса оказывало Михайловское артиллерийское училище. Так, будучи командиром батареи в училище с 1873 по 1888 г., впоследствии один из выдающихся русских артиллеристов А.Т. Баумгартен «много содействовал правильности разработки многих нововведений для улучшения артиллерийского дела, так как до основания Офицерской артиллерийской школы (1882 г.) подобные вопросы испытывались в Михайловском артиллерийском училище, как в наиболее компетентном строевом артиллерийском учреждении» [4, с. 420].

К открытию специальных офицерских школ в России подталкивал опыт западноевропейских стран – Англии, Бельгии, Пруссии, Франции, о чем свидетельствовали донесения военных агентов в Главный штаб. 21 марта 1882 г. приказом по военному ведомству № 82 существовавшие учебные – Пехотный батальон, кавалерийский эскадрон, пешая и конная батареи и гвардейская Берейторская школа – упразднены, взамен их были сформированы офицерские школы: стрелковая, кавалерийская и артиллерийская с пешей и конной батареями. В этом приказе военный министр генерал-адъютант П.С. Ванновский ставил конкретные задачи должностным лицам по обустройству офицерских школ.

Открытие школы состоялось 1 февраля 1883 г. Она состояла из двух отделов – полевого и крепостного (с 1 января 1890 г.), офицерских курсов, учебной команды для подготовки фейерверкеров при батарее школы, учебного поля. Школа находилась в непосредственном подчинении великого князя генерал-фельдцейхмейстера Михаила Николаевича, ей была поставлена «важная и ответственная задача подготовить командный состав артиллерии, т. е. командиров батарей, к ведению стрельбы и управлению огнем» [5, с. 149].

Приказом по военному ведомству № 226 от 22 сентября 1889 г. вводилось с 1 января 1890 г. «Временное положение о крепостном отделе в Офицерской артиллерийской школе стрельбы». В нем оговаривалось, что на помощника заведующего обучающимися в крепостном отделе школы офицерами, кроме других его обязанностей, возлагалось заведывание библиотекой. Решение по этому пункту его обязанностей принимал начальник школы. Если на это должностное лицо начальником школы возлагалось заведывание библиотекой крепостного отдела, то оно отвечало за

исправность каталогов, описей и за целость вверенного ему имущества. На содержание крепостного отдела школы, вдобавок к суммам, отпускаемым школе по приказу № 82 от 21 марта 1882 г., дополнительно выделялось от ведомств: 1) интендантского на: а) библиотеку, учебные пособия, инструменты, модели и учебные издания – 500 руб. и б) канцелярские расходы – 50 руб.; 2) от инженерного: на приобретение и ремонт мебели – 50 руб.

Деятельность учебной библиотеки школы и порядок пользования ее книгами постоянным и переменным составом¹ регламентировались соответствующими «Положением» и изменениями (дополнениями) к нему [6, с. 282–320]. Полагалось при школе иметь библиотеку. Заведывание библиотекой возлагалось на одного из помощников штаб-офицеров, заведовавших обучавшимся в школе переменным составом. Он отвечал за исправность каталогов библиотеки, за опись и целость вверенного ему имущества. В «Положении» уточнялось, что если в крепостном отделе школы не будет библиотеки, то перечисленные выше обязанности возлагались на помощника штаб-офицера, заведовавшего офицерами полевого отдела.

Школе предоставлялось право для пополнения своей библиотеки выписывать беспроцентно и без посредничества других лиц и учреждений из-за границы учебные пособия. Адресованные школе ящики с выписанными книгами на пограничной таможне не проверялись, а только пломбировались, а по прибытии в школу вскрывались в присутствии представителя таможни. Школа получала бесплатно по одному экземпляру Свода Военных Постановлений (СВП) и издаваемых от военного ведомства приказов, распоряжений и инструкций. Кроме того, школе полагалось приобретать необходимые ей издания Военно-топографического отдела Главного штаба, а также топографические инструменты по их номинальной стоимости.

Офицеры из переменного состава имели право пользоваться учебной библиотекой школы, в которой выдача изданий производилась ежедневно, кроме воскресных и праздничных дней, с 10.00 до 12.00. Пользуясь ее книгами, они обязывались в точности соблюдать установленные правила и несли ответственность за целость и исправность всех выдаваемых им книг, записок, планов, карт, за получение которых они расписывались собственноручно. Офицеры обязаны были бережно относиться к полученным изданиям, им запрещалось делать на них пометки и передавать посторонним лицам. Утративший или испортивший книгу должен был заменить ее или внести стоимость, указанную в каталоге, с учетом расходов на выписку, пересылку и переплет. В случае утраты или порчи одного тома или части сочинений вносилась стоимость этого

¹ Состав: а) постоянный (овер- и штаб-офицеры, послужившие в войсках и занимавшие в школе преподавательские и административные должности); б) переменный (офицеры, командируемые в школу по распоряжению Главного Артиллерийского управления и Главного управления Казачьих войск из войск для получения дополнительного образования, а нижние чины – в качестве прислуги при них).

тома или части при условии, если их было возможно приобрести. В противном случае оплата взималась за все сочинение, при этом оставшиеся разрозненные тома или их части выдавались виновнику после внесения денег. При утрате томов, составлявших библиографическую редкость, разрозненные тома нарушительно не выдавались.

Все действовавшие на момент обучения офицеров уставы, инструкции и наставления в школе не выдавались, они обязаны были иметь личные экземпляры. Офицерам вменялось в обязанность своевременно знакомиться со всеми приказами, отдаваемыми по школе. С этой целью приказы литографировались и вывешивались в канцелярии учебной части, аудиториях и в библиотеке офицерского собрания.

Военно-учебное заведение отличалось высокопрофессиональным преподавательским составом. Первым руководителем артиллерийских занятий в школе был генерал-майор В.Н. Шкларевич [7]. В школе преподавали известные офицеры-артиллеристы Е.З. Барсуков, Л.Н. Гобято, В.В. Тарновский и др. Курс тактики в зимний период велся в виде бесед, решения тактических задач на планах и военной игры полковниками Генерального штаба А.В. Брилевицем (генерал-майор, начальник Офицерской стреловой школы в 1901–1904 гг.), Палицыным, В.Н. Свяцким, Шимановским и др. Заметный вклад в историю артиллерийской науки и школы внесли должностные лица и преподаватели школы. Так, А.А. Шихлинским во время его пребывания в школе в должностях обучающегося (1906), заведующего обучающимися офицерами из переменного состава (1907–1909) и помощника начальника школы (1912–1914) были изданы следующие труды: «Инструкция для организации артиллерийских маневров в составе дивизиона»; конспект лекций, прочитанных им в школе под названием «Употребление полевой артиллерии в бою» (Луга, 1910) и статья в «Вестнике офицерской артиллерийской школы» «О стрельбе артиллерии через голову своих войск». Конспект лекций был издан в школе и получил большое распространение в артиллерийских частях. Издание принесло школе большой доход, из которого А.А. Шихлинскому был выплачен гонорар в размере 500 руб. золотом [8, с. 105].

Заведующий обучающимися офицерами крепостного отдела школы полковник С.М. Баранович составил сборник «Сведения по стрельбе крепостной и осадной артиллерии» (Ч. 1. СПб., 1912). После рассмотрения его Артиллерийским комитетом он был издан по распоряжению начальника Главного артиллерийского управления генерал-лейтенанта Д.Д. Кузьмина-Караваева. Издание было рекомендовано циркуляром Главного артиллерийского управления № 85 от 31 мая 1912 г. для руководства в 43 артиллерийские части и учреждения согласно приложенной к циркуляру для рассылки ведомости (862 экз.).

В школе были подготовлены и изданы и другие труды: 1) «Правила стрельбы крепостной и осадной артиллерии, принятые в крепостном отделе Офицер-

ской артиллерийской школы стрельбы» (СПб., 1891); 2) «Сведения о стрельбе полевой артиллерии». Курс полевого отдела Офицерской артиллерийской школы. Вып. 1 (СПб., 1902); 3) Артиллерийские задачи для полевых скорострельных и горных орудий (СПб., 1906) и др.

Кроме того, работы издавали следующие должностные лица школы: 1) *С.Н. Дельви́г* (помощник заведующего обучающимися в школе офицерами полевого отдела (1892–1899), командир пешей батареи (1900–1906), помощник начальника школы (1906–1909)) «Исследование действительности дистанционного выстрела» (СПб., 1902) и др.; 2) *П.П. Карачан* (исполняющий должность заведующего обучающимися в полевом отделе офицерами 1902–1904) «Материальная часть японской полевой и горной артиллерии образца 1898 г. (81-го года Мейдзи) системы Арисака» (СПб., 1904) и др.; 3) *М.М. Краевский* (помощник штаб-офицера, заведующего обучающимися офицерами в полевом отделе (1886–1891), командир пешей батареи (1893–?), руководитель практических занятий в школе) «Обращение с пушками с поршневым затвором» (СПб., 1895) и др.; 4) *И.В. Лукьянов* «Приложения к Правилам стрельбы отдельной береговой батареи» (СПб., 1909; Изд. 2-е. СПб., 1913) и др.; 5) *А.А. Маниковский* (заведующий практическими занятиями) «Указания по настилке платформенных “дуг направлений” у береговых орудий» (СПб., 1903) и др.; 6) *А.К. Руктеишль* (штаб-офицер, заведующий обучающимися в крепостном отделе офицерами, 1905–?) «Сведения о стрельбе сухопутно-крепостной и осадной артиллерии. Дополнительные статьи к сведениям о стрельбе полевой артиллерии» (СПб., 1908) и др.; 7) *А.Н. Синицын* (штаб-офицер, заведующий обучающимися офицерами в полевом отделе 1891–1899) «Сведения о стрельбе полевой артиллерии» (Изд. 3-е. Царское Село, 1895) и др.; 8) *В.И. Скоробогатов* (исполняющий должность заведующего обучающимися в крепостном отделе офицерами, 1894–1895; 1896–1904 – заведующий) «Составление планов стрельбы из орудий осадной и крепостной артиллерии» (Изд. 2-е. СПб., 1897) и др. Не трудно предположить, что эти издания имелись в учебной библиотеке школы.

Издания школы поступали не только в ее библиотеки, но и в офицерские библиотеки воинских частей и учреждений, о чем свидетельствуют каталоги их книжных собраний [9, с. 186–196; 10, с. 1–10; 11, с. 5–32; 12, с. 4–6]. Их помещали, как правило, в отделе «Артиллерия», «Артиллерийское и морское дело», «Артиллерия и инженерное искусство», «Военное и морское дело» – по алфавиту: авторам или по названиям работ. Например, в офицерской библиотеке 1-й артиллерийской бригады имелся специальный раздел «Издания Офицерской артиллерийской школы».

Особенности обслуживания читателей библиотеки военного собрания из слушателей переменного состава школы были прописаны в «Инструкции для офицеров переменного состава Офицерской артиллерийской школы стрельбы» (СПб., 1909), утвержденной

начальником школы генерал-лейтенантом А.Н. Синицыным (1899–1913). В «Инструкции...» (§§ 4, 29–31, 43–46, 71) отмечалось, что все штаб- и обер-офицеры переменного состава по прибытии в школу в обязательном порядке становились действительными членами военного собрания, для знакомства с его правилами им наряду с другими документами выдавался его устав. Ежемесячно с этой категории офицеров и всех других действительных и временных членов собрания производился вычет с денежного содержания по 2 руб. с каждого: 1 р. 50 к. на собрание и 50 коп. на библиотеку.

При генерале А.Н. Синицыне 18 июня 1902 г. состоялась торжественная закладка будущего кирпичного здания офицерского собрания (построено в 1902–1905 гг.). Деятельность библиотеки при военном собрании школы регламентировалась «Уставом офицерского собрания школы» (СПб., 1909), составленным на основании «Положения об офицерских собраниях в отдельных частях войск» (введено в действие приказом по военному ведомству № 279 от 15 сентября 1884 г.). Цель офицерского собрания школы: а) доставить офицерскому обществу средства для взаимного сближения его членов и поддерживать между офицерами правильные товарищеские отношения, соответствующие духу и требованиям военной службы; б) содействовать развитию в среде офицеров военного образования; в) доставить офицерам развлечения в свободное от службы время и г) удешевить жизнь офицеров.

В «Уставе...» 1909 г. отдельно в частных правилах были помещены «Правила для пользования журналами, газетами и библиотекой Офицерской артиллерийской школы». «Правила...» (§§ 1–13) предоставляли право пользования книгами, журналами, газетами и библиотекой всем членам военного собрания.

Библиотека состояла в ведении распорядительного комитета собрания, который: 1) составлял ее смету и готовил предложения начальнику школы через общее собрание относительно выписки книг и периодических изданий; 2) осуществлял контроль над правильным исполнением библиотекарем его обязанностей; 3) разрешал недоразумения, возникавшие между членами военного собрания при пользовании библиотекой.

Заведующий библиотекой избирался на один год на общем собрании $2/3$ голосов из числа офицеров постоянного состава. По истечении этого срока, если библиотекарь был не против, а его деятельность устраивала членов военного собрания, то он мог быть избран на следующий год. Никто из действительных членов собрания, кроме штаб-офицеров и должностных лиц школы, не мог отказаться от заведования библиотекой. В обязанности библиотекаря входило: 1) хранить внесенное ему обществом офицеров имущество библиотеки; 2) вести алфавитный каталог всем ее книгам; 3) вести книгу для записи выдаваемых на руки изданий. Он приглашался к участию на заседания распорядительного комитета только тогда, когда его присутствие было необходимо.

Выдача и прием книг производились библиотекарем или его помощником только по будням. На время отсутствия библиотекаря его обязанности исполняли помощник, который составлял прислугу военного собрания – так называемый вольнонаемный швейцар, или прикомандированные к собранию нижние чины батарей школы, находившиеся в непосредственном подчинении хозяина собрания.

Книги из библиотеки выдавались на следующие сроки: а) журналы текущего года, убранные со стола читальной комнаты, – на 5 дней; б) другие журналы и книги из литературного отдела – на 10 дней; в) книги других отделов и учебники – на 2 недели. «Правила...» допускали при отсутствии читателей, желавших получить эти издания, более длительные сроки пользования ими.

Члены военного собрания могли пользоваться периодическими изданиями, выложенными на столе читальной комнаты. Все газеты должны были находиться на столе в военном собрании в течение двух дней, еженедельные издания – в течение недели, а журналы – в течение месяца, после этих сроков все периодические издания сдавались в библиотеку. Самовольный вынос их за пределы помещения запрещался. За это нарушение вынесшие газеты и журналы до окончания установленного срока за пределы военного собрания подвергались, по постановлению распорядительного комитета, штрафу в размере до 3 руб. при условии, если виновник не предоставит уважительных причин.

В случае утраты сочинения, которого не имелось в продаже, нарушителю давался один месяц на поиски и представление его в библиотеку. Если по истечении этого срока книги не поступали в библиотеку, то они считались утраченными, а с виновного взыскивалась стоимость полного собрания сочинений, причем оставшиеся тома передавались ему. Штрафы с читателей за самовольный вынос периодических изданий и за утрату книг включались в библиотечную сумму военного собрания. Самовольная передача книг другому лицу не допускалась, то или иное издание можно было получить только после возвращения его в установленные сроки в библиотеку. Чтобы получить то или иное издание, находившееся на руках у другого читателя, в библиотеке велась специальная кандидатская книга. «Инструкция для офицеров переменного состава Офицерской артиллерийской школы стрельбы» (СПб., 1910) (§§ 30–32, 69) и «Инструкция...» (Царское Село, 1912) (§§ 38, 78–79) в отношении правил пользования переменным составом библиотекою школы дублировали положения из статей «Инструкции...» 1909 г.

В «Уставе офицерского собрания школы» (СПб., 1910) относительно библиотеки при военном собрании также в основном дублировались статьи из «Устава...» 1909 г. Новым было то, что в нем отдельно был выделен раздел «О библиотеке собрания Офицерской артиллерийской школы» (§§ 1–4). В нем в обязанности распорядительного комитета в отношении библиотеки было добавлено, что он разрешал расходы из библиотечной суммы. Она расходовалась на: а) покуп-

ку книг; б) выписку периодических изданий; в) переплет изданий; г) приобретение и ремонт имущества библиотеки и читальной комнаты: шкафов, столов, полок для газет и др. В обязанностях библиотекаря было уточнено одно из положений, в котором указывалось, что он должен наблюдать за ведением швейцаром собрания книги для записи выдаваемых на руки изданий и кандидатской книги для записи очереди на сочинения, находившиеся на руках у читателей.

В «Правилах пользования журналами, газетами и библиотекой собрания школы» 1910 г. (§§ 1–17) в основном сохранены статьи из «Правил...» 1909 г. В них уточнялся порядок выдачи и приема книг, который производился швейцаром собрания только по будням (ранее им и библиотекарем). Читатели, желавшие получить книги из библиотеки, должны были прислать или принести с собой свою абонементную книжку, в которую швейцар собрания записывал выданные издания. Без нее швейцар не имел права ни принимать, ни выдавать книг. Получивший книгу проверял правильность произведенных швейцаром записей. При сдаче книг в библиотеку читатель также должен был иметь абонементную книжку, из которой швейцар вычеркивал принятые книги и записывал в нее вновь выданные. Отмечалось время возвращения изданий, количество дней просрочки, если таковые имелись. Каждому члену собрания позволялось иметь на руках не более 5 книг, причем каждый том сочинения или журналы за целый год считались за одну книгу. Издания выдавались из библиотеки на один месяц, если после указанного срока на книги не было других читателей, то они выдавались еще на один месяц. При несоблюдении этого правила, по истечении месяца со дня получения издания за него взимался штраф в размере 5 коп. в день за каждую несданную своевременно книгу. Действие штрафа продолжалось до тех пор, пока книга не возвращалась в библиотеку, или до того, как окупалась стоимость ее в переплете. Штрафы и стоимость утраченных книг удерживались с нарушителей по записке библиотекаря при выдаче денежного содержания и поступали в библиотечную сумму собрания.

Газеты должны были оставаться на столе читальной комнаты в течение одного дня (ранее было два), после чего все они, кроме «Русского инвалида», уничтожались.

В «Уставе офицерского собрания школы» (Царское Село, 1912) впервые было прописано, что для достижения целей военного собрания при нем необходимо иметь: библиотеку, столовую, зал для устройства танцевальных и музыкальных вечеров и домашних спектаклей, бильярд и другие учреждения для развлечения и спорта.

Новым в «Уставе...» было то, что библиотекарем теперь могли избрать офицера из постоянного состава школы, прослужившего в ней не менее трех лет. Младшие офицеры могли отказаться от заведования библиотекой только в случае повторного избрания на эту должность. В обязанности библиотекаря было добав-

лено ведение отчетности деньгам, отпускаемым ему на расходы. Книга заявлений рассматривалась еженедельно распорядительным комитетом и ежедневно хозяином собрания и библиотекарем.

В «Уставе...» впервые был введен раздел «Библиотека» (§§ 47–49). Она составлялась из отдельных сочинений и периодических изданий, на приобретение которых распорядительный комитет испрашивал разрешение начальника школы. В библиотеке должны были находиться алфавитный и систематический каталоги, а также особая книга, в которую члены собрания вносили пожелания относительно приобретения тех или иных сочинений, журналов и газет. Книгами, журналами и всеми предметами, служившими для чтения и других занятий, члены военного собрания пользовались на основании «Частных правил офицерского собрания школы». Приглашенные могли пользоваться библиотекой только в помещении собрания.

В «Частных правилах офицерского собрания школы» была уточнена ежемесячная сумма вычета с действительных и временных членов собрания с их денежного содержания в размере 2 р. 50 к. с каждого из расчета: 2 руб. – на нужды собрания и 50 коп. – в библиотеку.

В них же были прописаны обязанности библиотекаря (§§ 24–25). Они в основном дублировали ранее рассмотренные. В разделе «Библиотека» (§§ 52–54) в обязанностях распорядительного комитета по отношению к библиотеке было прописано, что он заботится о пополнении библиотеки изданиями, как внесенными в «Основной каталог для войсковых офицерских библиотек» (СПб., 1883, 1886, 1902), так и вновь рекомендованными циркулярами Главного штаба и Главного артиллерийского управления, принимает меры к тому, чтобы все учебники, руководства и пособия для подготовки офицеров для поступления в военные академии имелись в библиотеке не менее, как в одном экземпляре.

В отличие от библиотек Офицерской кавалерийской [13; 14] и стрелковой [15] школ, которые располагали печатными каталогами книг, печатного (рукописного) каталога книг библиотек Офицерской артиллерийской школы обнаружить пока не удалось. Здесь издавался ежемесячный, научно-литературный и иллюстрированный «Вестник Офицерской артиллерийской школы» (1912–1914), появившийся позже, чем в других офицерских школах. Журнал знакомил офицеров армии и флота с современным состоянием артиллерийского дела в полевой, крепостной и береговой артиллерии, с ее организацией и практическим применением, с новейшими достижениями в материальной части артиллерии, снаряжении русской и иностранных армий. В нем получили отражение вопросы пулеметного, воздухоплавательного, электроосветительного и техники полигонного дела. Издание являлось проводником взглядов, выработанных в школе по вопросам боевого применения артиллерии и ее взаимодействия с другими родами войск. В нем

публиковались извлечения из приказов, распоряжений и указаний по военному ведомству, относившихся к артиллерии; материалы и отчеты о деятельности школы; статьи, воспоминания, записки и походные дневники офицеров-артиллеристов – непосредственных участников боевого применения артиллерии в Русско-японской войне 1904–1905 гг., рецензии на отечественные издания по артиллерии и иностранные труды и т.п.

Таким образом, благодаря данному исследованию расширены представления об истории библиотек в артиллерийском ведомстве и в целом военно-библиотечного дела Русской армии. Полученные результаты показывают, что деятельность учебной библиотеки и библиотеки при военном собрании в Офицерской артиллерийской школе регламентировалась соответствующими нормативно-правовыми документами, которые были установлены для постоянного и переменного составов. Несмотря на то, что пока не удалось обнаружить печатные (рукописные) каталоги книг библиотек школы, можно предположить, что они обладали хорошо подобранной литературой в соответствии с ее профессиональным предназначением: в пользу этого свидетельствует уже тот факт, что должностными лицами школы было издано немало трудов по артиллерии, которые имелись во многих библиотеках военного ведомства.

В дальнейшем изучении нуждаются количественные и качественные показатели, характеризующие книжный фонд библиотек школы, фамилии библиотекарей, а также судьба библиотек после 1917 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Исторический очерк деятельности полевого отдела Офицерской артиллерийской школы стрельбы с 1888 по 1907 г. / сост.: полковник С.Н. Дельвиг и капитан В.П. Сарнавский. СПб.: Тип. «Артиллерийского журнала», 1909. 142 с.
2. *Коровин В.М.* Военное образование в Российской империи (середина XIX – начало XX века). Воронеж: Изд.-полиграф. центр Воронеж. гос. ун-та, 2009. 704 с.
3. *Изонов В.В.* Страницы истории офицерских школ русской армии: проблемы, факты, люди. М.: Полит. энциклопедия, 2017. 221 с.
4. Баумгартен Александр Трофимович // Военная энциклопедия. Пб.: Т-во И.Д. Сытина, 1911. Т. 4. С. 420–421.
5. Его Императорское Высочество генерал-фельдцейхмейстер, генерал-фельдмаршал великий князь Михаил Николаевич (1856–1906 гг.) // Артиллерийский журнал. 1906. № 2. С. 145–156.
6. Школы: Офицерская стрелковая, Офицерская кавалерийская, Офицерская артиллерийская (школа стрельбы) и Военная электротехническая // Свод военных постановлений 1869 г. Военные заведения. Кн. 15, ч. 4: Заведения военно-учебные. Изд. 2-е (по 1 янв. 1896 г.). СПб., 1896. 428 с.
7. *Шкларевич В.Н.* Элементарный курс артиллерии. СПб.: Типография и хромолитография А. Траншеля, 1881. IV. 506 с.
8. *Шихлинский А.А.* Мои воспоминания. Баку: Азернешр, 1984. 200 с.
9. Каталог библиотеки Михайловской крепостной артиллерии. Багум: Тип. Н.П. Гурской, 1902. 208 с.
10. Систематический каталог библиотеки лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады / сост. заведующим библиотекою поручиком Н.А. Шгаль. СПб.: Тип. штаба Отдельного корпуса жандармов, 1908. 183 с.

11. Систематический каталог библиотеки 1-й артиллерийской бригады / сост. по 1-е января капитан И.Ф. Колендо. Смоленск: Губерн. тип., 1914. 175 с.

12. Систематический каталог книг офицерской библиотеки 1-й гренадерской генерал-фельдмаршала графа Брюса артиллерийской бригады. [М.]: Тип. А. Французова и Я. Колукова, 1915. 72 с.

13. Каталог библиотеки Офицерской кавалерийской школы / сост. по 1-е января 1899 г. полковником Л.В. Де-Виттом. СПб.: Военная тип., 1899. XVI. 147 с.

14. 1-е дополнение к каталогу книг библиотеки Офицерской кавалерийской школы. С 1-го января 1899 г. по 1-е января 1902 г. / сост. полковник Л.В. Де-Витт. СПб.: Военная тип., 1902. X. 49 с.

15. Каталог библиотеки Офицерской стрелковой школы / сост. по поручению начальника Офицерской стрелковой школы генерал-майора Л.В. Гапонова правителем дел по учебной части школы капитаном Н.Л. Юнаковым. СПб.: Типо-литография С.Н. Цепова, 1901. 112 с.

REFERENCES

1. *Delwig S.N., Sarnavsky V.P. (comps.)* A historical sketch of the activity of the field department of the Officer Artillery School of Firing from 1888 to 1907. Saint Petersburg, *Artilleriiskiy zhurnal*, 1909, 142 p. (In Russ.)

2. *Korovin V.M.* Military education in the Russian Empire (the mid XIX—early XX centuries). Voronezh, Voronezh State University Publ., 2009, 704 p. (In Russ.)

3. *Izonov V.V.* Pages of the officer schools history of the Russian army: problems, facts, people. Moscow, Political encyclopedia, 2017, 221 p. (In Russ.)

4. Baumgarten Alexander Trofimovich. *Voennaya entsiklopediya*. Saint Petersburg, 1911, vol. 4, pp. 420–421. (In Russ.)

5. Its Imperial Highness general-feldzengmeister, general field marshal grand duke Mikhail Nikolaevich (1856–1906). *Artilleriiskiy zhurnal*, 1906, no. 2, pp. 145–156. (In Russ.)

6. Schools: Officer Shooting, Officer Cavalry, Officer Artillery (School of Firing) and Military Electrotechnical ones. *Svod Voennykh Postanovleniy 1869 g. Voennye zavedeniya*. Saint Petersburg, 1896, bk. 15, pt. 4, 428 p. (In Russ.)

7. *Shklarevich V.N.* Elementary course of artillery. Saint Petersburg, A. Transhel's Printing House and Chromolithography, 1881, IV, 506 p. (In Russ.)

8. *Shikhlin'sky A.A.* My memoirs. Baku, Azerneshr, 1984, 200 p. (In Russ.)

9. Catalog of library of Mikhaylovsky fortress artillery. Batum, Typography of N.P. Gurskaya, 1902, 208 p. (In Russ.)

10. *Stahl N.A. (comp.)* Systematic catalog of the Leyb Guard of the 1st artillery crew library. Saint Petersburg, Typography of Headquarters of the Separate Corps of Gendarmes, 1908, 183 p. (In Russ.)

11. *Kolendo I.F. (comp.)* Systematic catalog of the 1st artillery crew library. Smolensk, Provincial typography, 1914, 175 p. (In Russ.)

12. Systematic catalog of books of officer library 1 of grenadierial artillery crew of the general field marshal count Bruce. Moscow, Typography of A. Frantsuzov and Ya. Kolukov, 1915, 72 p. (In Russ.)

13. *De-Witt L.V. (comp.)* The catalog of the Officer Cavalry School library made by January 1st, 1899. Saint Petersburg, Military Printing House (in the General Staff Building), 1899, XVI, 147 p. (In Russ.)

14. *De-Witt L.V. (comp.)* The 1st addition to the catalog of books of the Officer Cavalry School library. From January 1st, 1899 to January 1st, 1902. Saint Petersburg, Military Printing House (in the General Staff Building), 1902, X, 49 p. (In Russ.)

15. *Gaponov L.V., Yunakov N.L. (comps.)* Catalog of the Officer Shooting School library. Saint Petersburg: Typo-lithography of S.N. Tsepova, 1901, 112 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 19.07.2019

DOI: 10.15372/HSS20190314

УДК 329(571.1/6): 655.4/.5(091)"199/201"

А.Л. ПОСАДСКОВ

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ
КАК ЭЛЕМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
(ПО МАТЕРИАЛАМ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI в.)**

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
РФ, 630200, Новосибирск, ул. Восход, 15

В статье рассматривается издательская деятельность политических объединений 1990–2010-х гг. в Сибири и на Дальнем Востоке. Дается обзор издательств и печатных СМИ политических партий («Единой России», КПРФ, ЛДПР, маргинальных партий 1990-х гг.), а также общественных движений центристской, левой и национально-патриотической направленности. Представлен репертуар политических изданий – газет, книг и брошюр, их содержание анализируется в контексте эволюции общественной жизни страны.

Автор приходит к выводу, что экстремистские и консервативные тенденции в издательской продукции ряда общественных сил были связаны с кризисной ситуацией в первое десятилетие постсоветской истории. В целом появление и развитие многопартийной прессы и книгоиздания свидетельствуют о становлении гражданского общества в России.

Ключевые слова: издательская деятельность, газеты, издательства, политические партии и движения, Сибирь, Дальний Восток, конец XX – начало XXI в.

A.L. POSADSKOV

**PUBLISHING ACTIVITIES OF PARTIES AND POLITICAL MOVEMENTS
AS AN ELEMENT OF CIVIL SOCIETY'S FORMATION
(ON SIBERIAN AND THE FAR EASTERN MATERIALS
OF THE LATE XX–EARLY XXI CENTURIES)**

State Public Scientific Technological Library SB RAS,
15, Voskhod Str, Novosibirsk, 630200, Russian Federation

The multi-party system, which came to Russia in the early 1990s, was accompanied by the appearance of publishing production of newly created parties, social movements and associations. Not only the parliamentary parties but so-called marginal ones and political organizations produced their books, magazines, bulletins, newspapers, leaflets and posters in large numbers. The article attempts to assess the scope of publishing activity of each political structures in the late XX – early XXI centuries in the territory of Siberia and the Far East (“United Russia”, the Communist party, the Liberal Democratic Party of Russia (LDPR), marginal parties of the 1990s), as well as social movements of centrist, left and national-patriotic orientations. The author represents the repertoire of newspapers, books and brochures, analyzes their content in the context of evolution of social life of the country. The study shows that the parties forming the basis of democratic movement in Russia in the early 1990s had lost the initiative in the political press by 1996. Newspapers of Union of Right Forces, party “Yabloko”, and others were published in East Russia only during the election campaigns, although having huge circulations. On the contrary, the main opponents of the current government – the Communists – created a stable network of their newspapers in the regions covering all regions of Siberia and the Far East with party publications in the early XXI century. The publishing practice of LDPR was extremely unstable: it had developed significantly in a number of areas by the end of the XX century, but declined then. Nowadays the main printed products of the Liberal Democrats are produced in million copies by the central headquarters in Moscow, and sent to regions. The specificity of the 1990s – early XXI century is editing in the regions of a large number of newspapers, magazines, brochures, which propagandize reactionary, nationalistic, chauvinistic ideology, including anti-Semitism and neo-Nazism. The article analyzes this phenomenon. The author concludes that extremist and conservative trends in the publishing products of a number of social

Александр Леонидович Посадсков – д-р ист. наук, главный научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: knigoved@spsl.nsc.ru.

Aleksandr L. Posadskov – Doctor of Historical Sciences, Leading researcher, State Public Scientific Technological Library SB RAS.

forces were associated with the crisis in the first decade of post-Soviet history. In general, the emergence and development of a multi-party press and book publishing are an element of forming the civil society in Russia.

Key words: publishing activity, newspapers, editors, political parties and movements, Siberia, Far East, late XX – early XXI centuries.

Многопартийность, появившаяся в России в начале 1990-х гг., сопровождалась возникновением корпуса новых издателей из среды политических партий, движений, объединений, групп единомышленников. Процесс формирования издательского аппарата субъектов политического процесса охватил также Сибирь и Дальний Восток. Сибирские историки посвятили вопросам издания современной политической литературы в регионе несколько работ, наиболее крупными из них являются труды омского исследователя С. В. Новикова и его последователей [1; 2; 3; 4; 5; 6]. К данной проблеме обращались представители алтайской школы политических исследований [7; 8; 9]. Писал на указанные темы и автор настоящей статьи [10; 11; 12].

В перечисленных публикациях указывается, что бурное оживление партийно-политической издательской работы происходило в период предвыборных кампаний: думских 1993, 1995, 1999, 2003 гг. и в меньшей степени – в последующие годы; президентских выборов 1996 и 2000 гг.; выборов в местные органы власти всех уровней, губернаторов и мэров. На издательский рынок поступали деньги избирательных фондов, партий, финансово-промышленных групп, олигархов, местных элит, заинтересованных в продвижении своих кандидатов. Кроме внушительных тиражей листовок, плакатов, буклетов, агитационных газет свою роль в предвыборной борьбе играли многочисленные брошюры кандидатов (и о них), иногда издавались и целые книги, в том числе сборники стихов претендентов на должность губернатора или мэра.

Среди книжно-брошюрных изданий в избирательный период преобладали отчеты действующих депутатов Государственной Думы и руководителей местных органов власти, желавших переизбраться на новый срок. Иногда эти отчеты достигали объема почти 100 с. и тиража 50 тыс. экз. (томский депутат Госдумы С.С. Сулакшин)¹. Характер отчетов властей перед населением носили также брошюры и книги с изложением социально-экономических итогов деятельности региональных или городских руководителей. Эти брошюры и книги, зачастую хорошо оформленные, с цветными иллюстрациями, регулярно появлялись перед каждым серьезными выборами («Новосибирская область: начало нового века»; «Меры социальной поддержки в Алтайском крае – 2011» и др.). Кандидаты на выборные должности обращались к избирателям от своего лица («Советы депутата Янковского»; «Будем знакомы: Александр Абалаков»), публиковали предвыборные программы

и платформы, «депутатские размышления» и предложения («Лучшая политика – это экономика»; «Моя жизнь – Камчатка»; «Письмо избирателям»), представители оппозиционных сил вступали в жесткую полемику с властями («Я уполномочена совестью»; «Реформа ЖКХ: в чьих интересах?»; «“Медведь” на воеводстве»).

Партийно-политическая публицистика разных направлений и оттенков публиковалась, разумеется, и в перерывах между выборами. Авторами таких книг, посвященных философско-политическим размышлениям о судьбах России в настоящем и недавнем прошлом, могли выступать достаточно известные в своих регионах ученые и литераторы, участвовавшие в политической жизни: В.И. Замышляев (Красноярск), А.А. Белоусов (Владивосток) и др. Но гораздо чаще литературу, пропагандировавшую идеи, как правило, левых политических сил, издавали по разным внепартийным каналам авторы, не известные широкой аудитории. Названия таких книг фиксировали их политическое содержание: «Вперед, к социализму!», «Как сохранить Россию?», «Перестройка: поступки и последствия»; «История новорусского капитализма»; «Год 1999: “Россия – вперед”?»). Немалое число книг, посвященных проблемам политической борьбы кузбасских шахтеров, выпустило ЗАО «Издательско-полиграфическая компания “Пласт-1”» в шахтерском городе Прокопьевске.

В политической борьбе особый вес имели книги, написанные непосредственно первыми лицами регионов или созданные с их участием. Из всех региональных руководителей наиболее активным публикатором своих публицистических произведений выступал А.Г. Тулеев – глава Законодательного собрания, а затем губернатор Кемеровской области. За десять лет (1994–2003) им было выпущено в различных кемеровских издательствах не менее четырех книг: «Начистоту» (1994), «Судите сами» (1996), «Оставаться самим собой» (1999), «От легенды к бытию» (2003), причем первые две книги имели тираж соответственно 50 и 30 тыс. экз. Немало литературы за это время было выпущено и о самом А.Г. Тулееве – сборников материалов о деятельности губернатора, подборок писем к нему кузбассовцев и т.п.

Еще больше литературы вышло из-под пера политиков-депутатов Государственной Думы и местных органов законодательной власти. Среди депутатов, бывших депутатов и претендентов на выборные должности из лагеря демократических сил наиболее интересными авторами книг были новосибирцы И.В. Стариков («Букварь моей жизни», 2008) и О.В. Лесневская («Прощай, XX век», 2000). Депутат Государственной Думы РФ, руководитель Новосибирского регионального отделения Партии экономической свободы

¹ Приведенные здесь и далее сведения о названиях, датах выхода, объеме и тираже изданий основаны на материалах личной коллекции политизированной литературы, собиравшейся автором статьи с 1988 г.

А.Ю. Янковский выпустил в 1995 г. репринтное издание 66 номеров бесцензурного «самиздатского» журнала «Пресс-бюллетень» Сибирского информационного агентства, выходившего в городе в 1989–1990 гг.² Политическую литературу иного содержания публиковали коммунисты – депутаты законодательских органов Сибири: депутат Законодательного собрания Омской области, журналист и историк М.И. Машкарин выпустил книгу по материалам депутатского расследования «Бомж у своего дома (К вопросу о правах человека в Омской области)», депутат Томской городской думы Л.Ф. Пичурин издал в 2002 г. книгу «Думы о Думе и не только о ней».

Особое место в политическом книгоиздании Сибири на рубеже XX и XXI в. занимает издательская деятельность томского депутата Государственной Думы России С.С. Сулакшина, основавшего в 1997 г. Фонд развития политического центризма и пытавшегося создать Партию политического центризма. Попытка не увенчалась успехом, но в ходе ее реализации С.С. Сулакшин выпустил 24 брошюры и книги (в одинаковом серийном оформлении), 17 номеров журнала «Вестник Фонда развития политического центризма», 12 брошюр, содержавших выступления участников дискуссионного клуба «История и современность», созданного С.С. Сулакшиным в Томске (каждому заседанию клуба была посвящена отдельная брошюра). Часть этой литературы издавалась в Москве, по месту работы депутата (в Государственной Думе). В 2000 г., когда С.С. Сулакшин не был избран в Думу на новый срок, его бурная издательская деятельность прекратилась. Всего за 1994–1999 гг. С.С. Сулакшиным было выпущено 43 названия книг и брошюр политико-публицистического характера.

Инициативный выпуск «губернаторской», «мэрской», «депутатской» политической литературы был лишь одной из ветвей политической печати в регионах. Главным – и количественно преобладающим – каналом публикации политических изданий являлась издательская деятельность политических партий и движений. Важнейшей частью этой работы был выпуск газет как наиболее оперативной формы воздействия на жителей регионов, осуществления связи между партийными единомышленниками и проведения организационно-пропагандистских кампаний. Газеты и листовки составляли львиную часть продукции партийных издателей в российской провинции. Выпуск неперIODических изданий (книг, брошюр) имел второстепенное значение и носил спорадический характер.

В начальный период реформ в Сибири и на Дальнем Востоке выходило немало периодических изданий таких партий, которые принято называть маргинальными. Наспех созданные политические конструкции, именовавшие себя партиями, появились в регионах и успевали издать здесь несколько номе-

ров местного партийного органа. Таких примеров было особенно много среди партий демократического крыла. Их газеты создавались на партийном энтузиазме, но деньги на издание быстро заканчивались, а вместе с ними исчезала пресса. В Красноярске 3 октября 1991 г. начала выходить газета «Речь» – неофициальный орган движения «Демократическая Россия», в Иркутске тогда же, в 1991 г. появилась газета «Демократический путь России» (рупор местного отделения Демократической партии России). Оба издания завершили свой путь в 1992 г. Неудачей закончились попытки издания в Лесосибирске (за деньги районного союза кооперативов) газеты «Омега» – органа Демократической партии России для всего Красноярского края, а также «Крутой газеты» – радикально настроенного органа краевого отделения Партии свободного труда. В апреле 1993 г. в Новосибирске стала выпускаться газета «Время», издаваемая Народной партией свободной России (А.В. Руцкого), в том же году выход ее прекратился. В Хабаровске в августе 1992 г. вышел последний, шестой номер газеты «Республика» – «вестника радикальной фракции “Демократической России”».

В середине 1990-х гг. традиции демократической партийности в регионе поддерживали только газеты, формально не принадлежавшие ни к одной партии, но имевшие выраженное политическое содержание, такие как старейшая демократическая «Наша газета» в Кемерово (орган Совета рабочих комитетов Кузбасса, выходила с декабря 1989 г.), владивостокские «Арсеньевские вести» («газета защиты прав человека», выпускаемая с перестроечных времен).

С конца XX в. появлялись лишь случайные газеты демократических партий, позиционирующие себя как оппозиционные. Однако все эти издания носили предвыборный характер, они выходили лишь по несколько месяцев в период выборных кампаний («думских» 1999 и 2003 гг., президентской 2000 г., в местные органы власти). То были газеты партии «Яблоко» («Мы – оппозиция!», 1999 г. и др.), Союза правых сил («Правая газета» в Новосибирске, 2002–2003 гг. и др.). Их характерной особенностью являлся огромный тираж – по 300 тыс. экз. и более каждого (бесплатного) номера в каждом отдельном городе или регионе, т.е. по экземпляру на каждого второго взрослого жителя. Но массивный «вброс» агитации не мог заменить систематической печатной пропаганды и не дал ожидаемого эффекта.

Напротив, газеты левых политических партий, а также радикально-националистических сил создавались в восточных регионах России с достаточным запасом прочности. Консервативные силы в провинции имели тогда массовую поддержку, вокруг них группировался актив идейно убежденных борцов за возврат советского (или царского) прошлого. Наиболее живой оказалась «Красноярская газета», первый номер которой вышел 27 февраля 1991 г. Она выпускалась трижды в неделю в течение всего изучаемого периода. Созданная по решению Красноярского городского

² Кузменкин В. Маннанников основал, Янковский издал... // Вечерний Новосибирск. 1996. 5 апр. С. 5.

комитета КП РСФСР газета, однако, с первых же номеров взяла курс на пропаганду не столько коммунистических, сколько в целом антиреформаторских идей, объединяя вокруг себя широкий круг недовольных – от членов КПРФ до беспартийных шовинистов – под девизом «государственность, патриотизм, народность». Такой же характер общественного рупора широкого фронта противников реформ имела омская газета «Сибирское время», получившая затем название «Наше Омское время», а далее «Омское время» (издавалась с перерывами с 1994 г., тираж колебался от 10 до 25 тыс. экз.).

В постановке партийной прессы в регионах решающее значение часто имели воля и возможности партийного лидера, его стремление расширить свое влияние. Со вступлением генерала А.И. Лебеда на путь самостоятельной политической деятельности в российской провинции стали появляться газеты основанной им Российской народно-республиканской партии. Такая газета с названием «За державу!» стала выходить в 1997 г. в Новосибирске. Во время губернаторства А. И. Лебеда и несколько месяцев после него в Красноярске в 1998–2002 г. выходила газета «Честь и Родина» – орган краевого отделения одноименного общественно-политического движения, возглавлявшегося губернатором (тираж достигал 20 тыс. экз.). После гибели губернатора все эти издательские начинания были свернуты. Последним аккордом издательской кампании державно-национального движения в Сибири стал выпуск посмертной публицистической книги А.И. Лебеда «За державу обидно...» (Красноярск, 2004).

Со временем политическое поле Сибири и Дальнего Востока структурировалось, с него уходили партии-однодневки, ключевую роль стали играть парламентские партии центристского, левоцентристского и левого направления. Партии центристской ориентации – «Наш дом – Россия», а затем «Единство» и «Отечество» и созданная на основе их слияния «Единая Россия» – не проявили за Уралом заметной издательской активности. Их издательский аппарат концентрировался в Москве, отсюда же поступала основная масса партийной литературы. В регионах выпускались только служебно-справочные издания, такие как «Справочник активиста и сторонника Приморского регионального отделения политической партии «Единая Россия»» (Владивосток, 2005) или книги в помощь молодому избирателю с такими названиями, как «Выбор за нами!» (Улан-Удэ, 2003). В Новосибирске под эгидой регионального отделения «Единой России» в 2007 г. была начата работа над издательским проектом «Единая книга России. Новосибирская область». Проект включал анкетный опрос 300 тыс. жителей всех городов и сельских районов области с целью создать из этих рассказов о своей малой родине «гражданскую летопись» региона³.

Постепенно складывалась сеть региональных газет Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ). Удар по коммунистам, нанесенный в августе 1991 г., а затем в октябре 1993 г., был столь силен, что их партийные организации в регионах долго не могли начать систематическую печатную пропаганду, ограничиваясь газетами – однодневками. Как исключение можно назвать читинскую газету «Товарищ», издававшуюся ежемесячно с августа 1992 г. (в 2000 г. переименована в «Коммунист Забайкалья»).

Только в 1994 г. органы коммунистической прессы начали весьма нерегулярно выходить в Новосибирске («За народовластие»; далее называлась «За народную власть»), тираж от 5 до 10 тыс. экз., предвыборные номера печатались в 1996 г. по 100 тыс. экз.), Омске («Красный путь», от 20 до 36 тыс. экз.), Улан-Удэ («Коммунист Бурятии», тираж от 7 до 12 тыс. экз.). В 1996 г. была основана газета иркутских коммунистов «Приангарье» (тираж от 5 до 10 тыс. экз.), в 1998 г. – «Правда Приморья» во Владивостоке (5 тыс. экз.), в 2000 г. – «Коммунисты Амура» в Благовещенске и «За победу!» в Красноярске, в 2001 г. – «Томская правда», тираж которой доходил до 40 тыс. экз. КПРФ последовательно создавала сеть своих областных и краевых печатных органов в восточных регионах страны, последними в ряду таких газет стали «Колымская искра» в Магадане (октябрь 2006 г., тираж 3 тыс. экз.) и двуязычная русско-тувинская газета «Слово арата / Араттын созу» в Кызыле (2006 г., тираж русского издания 2 тыс., тувинского – 5 тыс. экз.). Несколько газет КПРФ выходили в районных центрах – Прокопьевске Кемеровской области, Братске, Усолье Иркутской области и др.

Кроме того, коммунистические идеи и взгляды пропагандировались через «дочерние» органы печати – газеты региональных комитетов РКСМ: «Новосибирский комсомолец» (выходил с октября 1996 г. тиражом до 1 тыс. экз.), «Новый Даурский комсомолец» (Чита, с 2000 г.), и др., газету Авангарда Красной Молодежи (АКМ) – «Красный реванш» (Новосибирск, с 2007 г.) и через общеопозиционные издания в ряде регионов (газета «За народ! Открытая трибуна приморской оппозиции» во Владивостоке, издавалась с 2005 г. тиражом 10 тыс. экз.; газета «Голос труда» в Барнауле, выходила с июня 1995 г. тиражом до 11 тыс. экз. и др.).

КПРФ – единственная из парламентских партий, которая выпускала в Сибири и на Дальнем Востоке не только газеты, но и книжную продукцию – немногочисленную по названиям и оппозиционную по содержанию. Центрами коммунистического партийного книгоиздания в Сибири являлись Новосибирск, Томск, Кемерово, Красноярск, Иркутск. В Новосибирске в 1995 г. вышла книга Д.С. Журавлева «Вопросы сталинизма: штрихи к портрету государственного гения», в 2005 г. опубликована «Красная книга: Конституция Российской Федерации» – комментированный текст Конституции страны, в котором были выделены те статьи и фрагменты Основного зако-

³ Наша сила в нашей истории // Метро. Новосибирск, 2007. 26 сент. (№ 37). С. 4.

на, над которыми, по мнению коммунистов, «нависла реальная угроза исчезновения». В Томске вышло несколько книг ученого-коммуниста Л.Ф. Пичурина: «Читать, изучать, знать...» (1995), «Кому выгодно?» (2003), «О чем спорим?» (2009). Кузбасские коммунисты издали в 2004 г. книгу «Испытание верности» – «документальное повествование» о жизни первого секретаря Кемеровского областного комитета КПСС А.М. Зайцева, исполнявшего свои обязанности до августа 1991 г.

В совместном авторстве новосибирских и красноярских коммунистов выходило «опытное издание» – «Народная энциклопедия (жизнь и мнения народа)», представлявшее собой сборник биографий, воспоминаний и писем представителей левых сил Сибирского региона. В 2012 г. вышел 10-й том этого труда, составленного основателем и главным редактором Некоммерческого учреждения «Издательство “Народная энциклопедия – Знания, Опыт, Воля (ЗОВ) народов”» – В.К. Масанским.

Не только КПРФ, но и «еретики» из альтернативных коммунистических партий и организаций выпускали в Сибири и на Дальнем Востоке свои периодические издания. Наиболее известны из них газеты «Трудовая Тюмень» (выходила с 1 мая 1992 г. как орган областной организации РКРП – РПК тиражом от 25 до 45 тыс. экз.), красноярская «Серп и молот» (с апреля 1993 г., орган ВКПБ, Н. Андреевой, тираж 6 тыс. экз.) и владивостокская «Говорит народ» (с 1992 г., орган РКРП). В Томске издавалась газета РКРП «Томский рабочий», в Новосибирске в 1994–1999 гг. выходил «Товарищ» – газета движения «Трудовая Россия», в 2002 г. – «Рабочий листок», в 2005–2006 гг. – «Боевой листок для офицеров “Советский воин”», с февраля 2006 г. выпускалась газета РКРП – РПК «Сибирь трудовая».

Региональные организации другой парламентской партии – Либерально-демократической партии России (ЛДПР) – издавали (часто с большими перерывами) только местные варианты партийных газет. Огромное количество партийных брошюр, принадлежавших, как правило, одному автору – лидеру партии В.В. Жириновскому – централизованно печаталось в столице и рассылалось по Сибири и Дальнему Востоку. Руководители областных и краевых филиалов ЛДПР стали формировать сеть своих печатных изданий с большим запозданием.

В Новосибирске они начали с организации выхода 4 мая 1994 г. регионального выпуска общероссийской газеты «Правда Жириновского», который затем в феврале 1995 г. стал самостоятельной областной газетой. Такие же местные газеты стали появляться в 1996–1999 г. и в других городах. В Омске с конца 1997 г. выходила, например, газета «ЛДПР», в Чите в 1998–1999 гг. – «Нравственное возрождение». Тиражи их составляли 5 тыс. экз. Более оригинальной по содержанию и оформлению была газета Новосибирского областного отделения ЛДПР «Сибирская застава», выходявшая в 1997–1998 гг., но тираж ее не превы-

шал 200 экз. В 1999–2000 гг. все эти газеты прекратили свое существование из-за ограниченности партийного финансирования.

За 20 лет постсоветской истории Сибирь стала стартовой площадкой для нескольких проектов общероссийских партий. Две из них оставили некоторый след в издательской практике региона. В 1995 г. партия «Российское общенародное движение (РОД)», созданная депутатом Государственной Думы РФ от Омска С. Бабуриным, развернула в Омске издание брошюр и других пропагандистских материалов партии, раскрывавших ее политическую и экономическую программу («Народ, власть, государство», «Экономическая концепция Российского общенародного движения» и др.). В конце 1990-х – начале 2000-х гг. Новосибирск в качестве своей издательской базы облюбовала другая маргинальная партия – Концептуальная партия «Единение».

Партия «Единение» выросла из политической доктрины, называемой ее сторонниками «Концепцией общественной безопасности (КОБ)». Согласно их версии, концепция была разработана в 1992 г. «группой русских ученых-патриотов, принявшей на себя название Внутренний Предиктор СССР – России». Издательско-пропагандистская деятельность «Внутреннего Предиктора» началась с публикации в 1992 г. трехтомника «Мертвая вода» – программной книги инициаторов КОБ. В 1997 г. сторонниками КОБ было создано Народное движение «К Богодержавию!», а в 2000 г. на его базе сформировалась «Общероссийская всенародная партия мирной воли “Единение”», переименованная в 2002 г. в Концептуальную партию «Единение» [13]. Руководителем движения, а затем партии являлся К.П. Петров.

В ходе организационных мероприятий функционеры создаваемой партии организовали широкую издательскую деятельность в Новосибирске – городе, где формировались идейные основы КОБ и движения «К богодержавию!». В 1998 г. они начали с выпуска листовок, а затем перешли к изданию периодического печатного органа. «Концептуально-аналитическая газета» К.П. Петрова «Мера» начала выходить в Новосибирске в июне 1999 г. как орган Всероссийского народного движения «К Богодержавию» (тираж колебался от 10 до 15 тыс. экз.). основополагающие мысли в газете выражались в виде квазифилософских, с примесью мистических теорий, публикаций в духе русского национализма и восхваления И.В. Сталина как символа российского державного духа. Отметим, что и все последующие органы прессы, книги и брошюры партии «Единение» отличались именно таким хитросплетением якобы научных идеалистических теорий и практических выводов в пользу великодержавности, национал-коммунизма и сталинизма.

В дальнейшем газета дважды меняла название: в июле 2000 г. она стала называться «Мера за меру» и выступала как орган Всероссийской партии мирной воли «Единение». В 2001 г., когда издание газеты «Мера» было переведено в Москву, ее региональный

вариант получил название «Сибирская мера». В Тюмени в 2001 г. возникла газета «Честь имею!», проповедовавшая ту же идеологию «интеллектуального» национализма. Ее редактор являлся членом указанной партии «Единение».

В первом десятилетии XXI в. сеть периодических изданий партии «Единение» (именуемой теперь Всероссийской политической партией «Курсом Правды и Единения») расширилась за счет издания газет в других городах Сибири и Дальнего Востока. С 2005 г. выходила газета «Минусинская мера», основанная частным лицом как орган «приверженцев общественной безопасности» в г. Минусинске. В 2007 г. в Хабаровске начался выпуск «концептуального регионального аналитического издания» – газеты «Край». В 2011 г. в Благовещенске появилась газета «Мера на Амуре». Газеты группы «Мера» выходили и в других городах России, за пределами Сибирско-Дальневосточного региона.

Следом за периодической печатью пропагандисты КОБ и «Единения» наладили в Сибири свое собственное книгоиздание. В 2000 г. в Новосибирске начали действовать издательский отдел Концептуальной партии «Единение», а также Негосударственное учреждение дополнительного образования «Институт концептуальной аналитики». Был организован выпуск книжной серии «Библиотека концептуальных знаний». Первой и самой солидной (768 с.) книгой в этой серии стало коллективное издание Внутреннего Предиктора СССР «Мертвая вода», вышедшее в 2000 г. В течение четырех лет (2000–2003 гг.) было выпущено 51 название книг и брошюр в одинаковом серийном оформлении на различные темы политики, философии, истории, экономики – разумеется, в интерпретации сторонников партии («Россия на рубеже веков»; «Оглянись во гневе»; «Да притечем и мы ко свету»; «Матрица “Матрице” рознь» и т. д.).

Сибирь и Дальний Восток являлись до определенной степени плацдармом и для издания некоторой части литературы тех общественных сил, которых социологи и политологи именуют (объединяя по принципу идейного родства) «русской партией». Радикально-националистические движения, «бум» которых начался в 1993–1994 гг., оставили свой след и в политической истории региона, и в его издательском деле.

Для развития национал-патриотических издательских инициатив в Сибири имелись определенные предпосылки. Здесь в Новосибирске еще с мая 1990 г. издавалась старейшая национально-патриотическая газета страны «Память» – орган одноименного общественного объединения. Основателем газеты являлся ученый и общественный деятель из новосибирского Академгородка Ю.И. Мерзляков. После его смерти в 1995 г. газету возглавил В.П. Будянов. Снизив свой тираж с первоначальных 22 тыс. до 1,5 тыс. экз., ежемесячная газета «Память» просуществовала весь постсоветский период, разделившись в 2009 г. в результате судебных перипетий на два издания – «Память» и «Память Отече-

ства». В Новосибирске, Иркутске, Барнауле, Улан-Удэ, Чите издавались в годы перестройки и другие «национально окрашенные» газеты. С 1992 г. к ним стали присоединяться вновь созданные органы печати – от национально-демократических до откровенно иудеофобских.

Только в Новосибирске таких газет издавалось в 1990-е гг. до десятка названий: «Русь», «Русский путь», «Отечество» (закрыта властями в октябре 1993 г.), «Возрождение», «Славянский голос», «Эра России» (в дальнейшем была переведена в Москву, где издавалась до последнего времени), «Гвардия народа» и др. Наиболее крупной из них, интересной по содержанию и оформлению, была иркутская газета «Русский Восток», выходившая с марта 1992 г. до 2003 г. тиражом от 5 до 10 тыс. экз. Подобная пресса выпускалась даже в районных центрах («Русский Черембасс» – «газета духовной оппозиции» в Черемхово издавалась под девизом: «Нация. Справедливость. Порядок»).

В последующие годы выпуск националистической прессы, несмотря на противодействие властей, не ослабевал. В сентябре 1998 г. в Новосибирске началось издание газеты «Отчизна» тиражом от 10 до 11 тыс. экз., в апреле 2001 г. здесь стала выходить «Русская Сибирь», тираж которой доходил до 25 тыс. экз. (ее редактор И.В. Колодезенко неоднократно привлекался к суду за антисемитские публикации в газете). В Омске в 2004–2005 гг. издавалась газета «Наш рубеж», в Барнауле с апреля 2002 г. – «Витязь», в Чите с 2006 г. – «Русское Забайкалье», в Благовещенске в 2007–2008 гг. – «Русский форпост», в Новосибирске с 2007 г. – газета неоязычников «Русский вектор». Большинство этих органов прессы, как и их столичных собратьев, не шло дальше популяризации пресловутых конспирологических теорий о «всемирном сионо-масонском заговоре» против России и грубых обвинений в адрес «антирусской» власти.

Рядом с периодической печатью появлялись книжные издания национал-патриотов. Довольно большое количество такой литературы вышло помимо издательств. В 1993 г. два частных лица выпустили в Новосибирске сборник из произведений лидера движения «Русское национальное единство» А.П. Баркашова («Эра России») и Г.М. Шиманова («О настоящем и прошлом русского народа»). В Томске в 1995 г. была издана книга В.В. Головки «Метапрограмма Российского национального движения». В Иркутске в 2003 г. издал книгу своих статей «За дело правое» известный в Сибири и за ее пределами А.С. Турик – редактор упоминавшейся газеты «Русский Восток» и сопредседатель Русского общенационального союза. В Новосибирске выходил альманах «Ориентация», признанный местной общественностью крайне правым и даже пронацистским изданием⁴.

⁴ Аристов И. Витальная сила правой элиты: об альманахе «Ориентация» (Ново-Николаевск, 1993) // Молодая Сибирь. 1994. 8 апр. С. 18.

В Новосибирске проявили свою активность первые специальные издательства, ориентированные на выпуск национал-патриотической литературы. Издательство «Русский архив» при Народном доме России переиздало книги русского философа И.А. Ильина «О русском национализме», «Что сулит миру расчленение России» и «Творческая идея нашего будущего», выпустило некоторые репринтные издания. Преемником «Русского архива» стало издательство «Благовест», директором которого являлся известный в Новосибирске политик, депутат городского Совета А.Н. Люлько⁵. «Благовест» переиздал три книги русских эмигрантов, выходявшие ранее за рубежом: «Макростория» И.Н. Андрушкевича, «Диктатура импотентов. Социализм, его пророчества и реализация» И.А. Солоневича и «Как мы покорялись» Ю. Сречинского, а также дореволюционный богословский трактат М.Л. Лодыженского «Свет незримый», книгу М. Помазанского «Православное догматическое богословие в сжатом изложении» и репринтное воспроизведение книги С.А. Нилуса «Свет незримый».

В 1994 г. издательство «Благовест» предприняло весьма солидное (528 с.) издание книги А. Дикого «Евреи в России и в СССР», в 1997–1998 гг. «Благовест» совместно с Новосибирским отделением Петровской академии наук и искусств выпустил несколько книг журналиста и ученого В.В. Габрусенко: «Превыше всего Россия», «Русская идея», «Задачи русской молодежи». В 2006 г. уже Петровская академия наук самостоятельно выпустила «Краткий политический словарь» В.В. Габрусенко.

С конца 1990-х гг. некоторое количество национал-патриотических брошюр выпускала в Новосибирске редакция вновь созданной газеты «Отчизна». В 1998–1999 г. вышли издания известного в стране национал-оппозиционера Б.С. Миронова (бывшего министра печати РФ) «России нужны герои» и сборник лозунгов «Это должен знать русский!», адресованный «националисту-пропагандисту».

Появление определенного количества экстремистских, консервативных, националистических изданий в информационном поле регионов России в 1990-е гг. и в начале 2000-х гг. было, несомненно, связано с кризисной ситуацией, в которой находились тогда экономика, культура и общество в целом. Уже к концу первого десятилетия XXI в., когда социальная напряженность в стране спала, число таких агрессивно настроенных маргинальных газет и издательств, стоящих на непримиримых позициях, резко сократилось. К середине второго десятилетия текущего века они почти совсем исчезли.

Очевидно, что сам факт появления в России многопартийного политического книгоиздания, независи-

мого от государства, свидетельствует о становлении важнейших элементов гражданского общества – свободы информационной деятельности, свободы политического самоопределения граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новиков С.В. Политические партии, властные структуры в борьбе за влияние на печать и избирателя Западной Сибири. 1992–1996 гг. Омск, 2000. 177 с.
2. Новиков С.В. Политические партии, общественно-политические движения, пресса, избиратель Западной Сибири. 1988–1996 гг. Омск, 2002. 406 с.
3. Новикова И.В. Влияние печатных СМИ на результаты избирательной кампании федерального уровня. Омск, 2007. 304 с.
4. Новиков В.С., Новиков С.В. Региональные отделения политической партии и печатные СМИ в процессе формирования предпочтений избирателя. 1992–2000 гг. На материалах Западной Сибири. Омск, 2011. 200 с.
5. Попова О.В. Эффективность информационных войн в предвыборных кампаниях на примере г. Омска // Связи с общественностью в российских регионах: материалы Всерос. науч.-практ. конф. 19–20 мая 2005 г. Омск, 2006. С. 40–42.
6. Кардаева В.Б. К постановке проблемы: влияние периодической печати города Омска на политическое развитие общества в начале XXI в. // Аграрная наука России в новом тысячелетии: материалы регион. науч.-практ. конф. молодых ученых и аспирантов 20–21 мая 2003 г.: сб. науч. тр. Омск: Ом. гос. аграр. ун-т, 2003. С. 92–103.
7. Витвинчук В.В. Реализация функций журналистики в прессе политических партий Алтайского края на современном этапе // Молодежь в XXI веке. Барнаул; Рубцовск, 2004. С. 234–236.
8. Негреев Д.В. Выборы в Алтайском крае и СМИ // Становление гражданского общества в России: проблемы и перспективы. Барнаул, 1998. С. 148–152.
9. Никулин А.А. От информационных войн к осторожной критике? // Региональные выборы 2004 г.: волеизъявление народа или триумф технологий? Современная Россия и мир: альтернативы развития (трансграничное сотрудничество и проблемы национальной безопасности). Барнаул, 2004. С. 74–76.
10. Посадсков А.Л. Предвыборное книгоиздание: феномен общественной жизни России в конце XX – начале XXI в. // Книжный мир сегодня и завтра: Десятая междунар. науч. конф. по проблемам книговедения: тез. докл. М., 2002. С. 185–188.
11. Посадсков А.Л. На развилке эпох: печать политических движений Сибири в первые постсоветские годы (1992–1994) // Роль ГПНТБ СО РАН в развитии информационно-библиотечного обслуживания в регионе. Новосибирск, 2008. С. 152–154.
12. Посадсков А.Л. Политическая периодика постсоветской эпохи: газеты оппозиционных партий Сибири и Дальнего Востока (1992–2009 гг.) // Книга, печать, электронные СМИ в информационном пространстве. Новосибирск, 2010. С. 3–9.
13. Кто мы? // Россия на рубеже веков. Новосибирск, 2003. 280 с. (Библиотека концептуальных знаний. Вып. 34).

REFERENCES

1. Novikov S.V. Political parties, power structures in the struggle for influence on the press and voters in West Siberia. 1992–1996. Omsk, 2000, 177 p. (In Russ.)
2. Novikov S.V. Political parties, socio-political movements, press, voters in West Siberia. 1988–1996. Omsk, 2002, 406 p. (In Russ.)
3. Novikova I.V. The influence of print media on the election campaign results at the federal level. Omsk, 2007, 304 p. (In Russ.)
4. Novikov V.S., Novikov S.V. Regional offices of a political party and print media in the process of forming voter preferences. 1992–2000. On the West Siberian materials. Omsk, 2011, 200 p. (In Russ.)

⁵ Люлько А.Н. «Благовест»: представляем издательство / интервью с дир. Новосиб. изд-ва «Благовест» А.Н. Люлько; Записала Т. Ваганова // Сибирская книга. 1993. № 1. С. 5; *Он же*. Книги, которые возрождают Россию // Вечерний Новосибирск. 1994. 4 марта. С. 13.

5. *Popova O.V.* The efficiency of information wars in election campaigns, a case of Omsk city. *Svyazi s obshchestvennost'yu v rossiiskikh regionakh: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. 19–20 maya 2005 g.* Omsk, 2006, pp. 40–42. (In Russ.)

6. *Kardaeva V.B.* To the problem formulation: the periodical press effect on the society's political development in Omsk in the XXI century. *Agrarnaya nauka Rossii v novom tysyacheletii: materialy region. nauch.-prakt. konf. molodykh uchenykh i aspirantov 20–21 maya 2003 g.* Omsk, 2003, pp. 92–103. (In Russ.)

7. *Vitvinchuk V.V.* The implementation of the journalism functions in the political parties' press of Altai Region at the present stage. *Molodezh' v XXI veke.* Barnaul, Rubtsovsk, 2004, pp. 234–236. (In Russ.)

8. *Negreev D.V.* Elections in the Altai Region and the media. *Stanovlenie grazhdanskogo obshchestva v Rossii: problemy i perspektivy.* Barnaul, 1998, pp. 148–152. (In Russ.)

9. *Nikul'in A.A.* From information wars to cautious criticism? *Regional'nye vybory 2004 g.: voleiz'yavlenie naroda ili triumf tekhnologii? Sovremennaya Rossiya i mir: al'ternativy razvitiya*

(transgranichnoe sotrudnichestvo i problemy natsional'noi bezopasnosti). Barnaul, 2004, pp. 74–76. (In Russ.)

10. *Posadskov A.L.* Pre-election publishing: the phenomenon of public life in Russia in the late XX – early XXI centuries. *Knizhnyy mir segodnya i zavtra : tez. dokl. Desyatoy mezhdunar. nauch. konf. po problemam knigovedeniya.* Moscow, 2002, pp. 185–188. (In Russ.)

11. *Posadskov A.L.* At the epochs' fork: the political movements press in Siberia during the first post-Soviet period (1992–1994). *Rol' GPNTB SO RAN v razvitiy informatsionno-bibliotchnogo obsluzhivaniya v regione.* Novosibirsk, 2008, pp. 152–154. (In Russ.)

12. *Posadskov A.L.* Political periodicals of the post-Soviet era: newspapers of opposition parties in Siberia and the Far East (1992–2009). *Kniga, pechat', elektronnyye SMI v informatsionnom prostranstve.* Novosibirsk, 2010, pp. 3–9. (In Russ.)

13. Who are we? *Rossiya na rubezhe vekov.* Novosibirsk, 2003, 280 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 12.08.2019

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.15372/HSS20190315
УДК 069 (571.54)

С.В. БУРАЕВА, А.Е. МУРЗИНЦЕВА

**ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ МУЗЕЯ БУРЯТСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
В КОНТЕКСТЕ МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК***

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
Музей Бурятского научного центра СО РАН,
РФ, 670047, г. Улан-Удэ, ул.Сахьяновой, 8

В статье рассматриваются тенденции в организации деятельности академических музеев на примере Музея Бурятского научного центра СО РАН. За пятьдесят лет развития он значительно расширил свою тематику и накопил определенный опыт в области практики и теории музейной деятельности. Анализ архивных документов, созданных в процессе функционирования музея, а также директив Музейного совета РАН и СО РАН позволяет выявить векторы развития музея, зависящие от внутренних и внешних факторов. Раскрываются современные проблемы музейной деятельности, значительная часть из которых сопряжена с юридическими сложностями в определении статуса академического музея и его взаимодействия с Музейным фондом Российской Федерации.

Ключевые слова: Музей Бурятского научного центра, ведомственный музей, академический музей, музеология, функции музея, музейная экспозиция, музейное собрание, научная работа, Байкальский регион, Бурятия.

S.V. BURAEVA, A. E. MURZINTSEVA

**DEVELOPMENT VECTORS OF THE MUSEUM
OF BURYAT SCIENTIFIC CENTER IN THE CONTEXT OF MUSEUM ACTIVITY
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies SB RAS,
The Museum of the Buryat scientific center SB RAS
8, Sakhyanova str., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation

*Работа выполнена в рамках государственного задания (проект XII.187.1.4. «Культурное наследие народов Трансбайкалья и сопредельных регионов Восточной Азии в системе духовных ценностей России», № АААА-А17-117021310267-5).

Светлана Валерьевна Бураева – д-р ист. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, e-mail: ladys@inbox.ru.

Александра Евгеньевна Мурзинцева – канд. культурологии, хранитель фонда Музея Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук, e-mail: masash@inbox.ru.

Svetlana V. Buraeva – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, the Center for Oriental Manuscripts and Woodcuts of the Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS.

Alexandra E. Murzintseva – Candidate of Cultural Science, the Keeper of Fund of the Museum of the Buryat Scientific Center SB RAS.

The article regards the organizational activity tendencies of the academic museums using the example of the Museum of the Buryat Scientific Centre SB RAS. It has significantly expanded its subject and accumulated a certain experience in the museum activity practice and theory in its 50-year history. The analysis of archive documents created in the museum functioning process, and the directives of the Museum Council of RAS and SB RAS, allows discovering vectors of the museum development driven with internal and external factors. The paper reveals modern problems of the museum activity, most of which are related to the legal difficulties in determining the academic museum status and its interaction with the Museum Fund of the Russian Federation.

Key words: Museum of Buryat Scientific Center, department museums, academic museums, museology, museum functions, museum exposition, museum collection, scientific activity, Baikal region, Buryatia.

Музей Бурятского научного центра СО РАН (далее – Музей БНЦ) представляет собой тип регионального академического музея, появившегося на волне формирования сети Сибирского отделения Академии наук. При создании Бурятского филиала СО АН СССР в 1959 г. музей изначально был предусмотрен в качестве структурной единицы – «...для хранения богатейшего материала, который будет накапливаться из года в год, их систематики и широкой пропаганды среди трудящихся о природных богатствах республики...»¹. Однако реальные ресурсы для его создания были найдены далеко не сразу. Лишь в 1969 г., когда появился человек, пожелавший взять на себя труд по созданию музея – Глеб Иванович Туговик, Ученым советом отдела геологии БКНИИ было принято решение о создании Геологического музея на правах лаборатории. Но и после этого восемь лет музей действовал «на общественных началах». Только в 1977 г. вышло постановление Президиума СО АН СССР об учреждении его как Академического минералогического музея с 9 штатными единицами, однако реально его постоянными сотрудниками были два–три человека, выполнявших музейную работу в дополнение к основной исследовательской. Зато к созданию экспозиции были привлечены практически все сотрудники института. Экспозиция «Музея бурятского камня» была открыта 1 апреля 1978 г. [1] Новый музей пользовался популярностью у посетителей, несмотря на конкуренцию: в Улан-Удэ уже существовал Геологический музей Бурятского геологического управления (Министерства геологии).

Работа с посетителями в музее выражалась главным образом в экскурсионном обслуживании, однако приоритетным это направление не было. За неполные два года музей Геологического института посетило 120 экскурсионных групп, в том числе 30 иностранных. Посещаемость по состоянию на 1983 г. – около 500 чел. в год, на 1989 г. – 300 чел. На базе музея проводились занятия со школьниками в геологической и археологической секциях Малой академии, организованной при Бурятском филиале СО АН в 1976 г.

Иная ситуация сложилась с формированием музейного собрания. К 1979 г. было собрано около 3 тыс. экспонатов, из которых 1440 занесено в инвентарные книги и экспонировалось. К 1991 г. в инвентарных книгах числилось 2742 экспоната, при том что реально имелось менее 2000 предметов. Несоответствие объясняется слабо отрегулированным менеджментом коллекций, поскольку в Инвентарную книгу вносились все экспонаты без разделения на основной и вспомогательный фонд, в том числе предметы временного хранения и даже ограниченного срока годности (например,

медицинские препараты); до 40 % образцов было списано по различным несущественным основаниям.

Если в отечественных музеях, подведомственных Министерству культуры, во второй половине XX в. формировались направления научно-экспозиционной, научно-просветительской и научно-фондовой работы, то в Академии наук музейная деятельность не воспринималась как научная либо относилась к сугубо прикладному направлению. Достаточно сказать, что д-р геол.-мин. наук Г.И. Туговик, руководивший музеем свыше десяти лет, автор более 90 научных работ, о музее не опубликовал ни одной статьи. Д.И. Царев, заведовавший музеем в 1981–1985 гг., в отчете о своей научной работе за этот период руководство музеем не упоминает вовсе, в отличие от лекций, которые он читал по линии общества «Знание».

Одновременно с Геологическим другие институты Бурятского филиала СО АН СССР также стали развивать в 1980-е гг. музейную активность: были созданы экологический музейный уголок в Институте биологии, археологическая экспозиция в Институте общественных наук. Основные в их деятельности проблемы с работой «на общественных началах» были аналогичны. Так, Е.А. Хамзина, автор археологической экспозиции, среди основных факторов, затягивавших открытие зала, называла сложность с приобретением оформительских материалов.

В 1985 г. появляется идея об объединении усилий и оформлении геологической, археологической и биологической экспозиций в здании Президиума Бурятского филиала Академии наук СССР, реализована она была в 1988 г. С этого времени у музея появился постоянный штат, регулярно занимавшийся вопросами музейного строительства.

Реформы 1990-х гг. больно ударили по научным музеям, вынудив их принимать решительные меры для выживания. В 1993 г. у Музея Бурятского научного центра СО РАН изменилась организационная форма, определившаяся как добровольная ассоциация научно-вспомогательных отделов научных учреждений БНЦ СО РАН. В состав ассоциации вошли Президиум БНЦ СО РАН, Бурятский институт общественных наук, Бурятский институт биологии, Байкальский институт рационального природопользования, Геологический институт. За институтами осталось право управления переданными в музей коллекциями, осуществлявшееся музейным советом и советом учредителей. Музей выступал в качестве самостоятельного подразделения при Президиуме БНЦ СО РАН без права юридического лица.

Новый руководитель музея Л.В. Лбова (в настоящее время – доктор исторических наук) сформулировала стратегию его развития, согласно которой деятельность музея должна осуществляться в соответствии с основными на-

¹ Справка об основных задачах и структуре Отдела геологии БКНИИ 1958 г. // Текущий архив Музея БНЦ СО РАН.

правлениями научно-исследовательской работы, организованной в БНЦ, в рамках темы «Природа и культура Байкальского региона в их динамике и взаимозависимости». Миссией музея было определено собирание, сохранение и изучение научных коллекций, рассматриваемых как часть национального культурного наследия. Фонды Музея БНЦ были однозначно определены как составная часть государственного музейного фонда страны. Эта характеристика академических коллекций была закреплена уже в Положении о музее Академии наук СССР от 1967 г., однако в повседневной практике академические собрания, сохранностью которых часто пренебрегали, считались только материалом для научных исследований.

Важным шагом для деятельности музеев стало постановление Президиума РАН от 24.10.1995 г. «О состоянии музеев РАН». В нем подчеркивалось, что коллекции академических музеев являются базой фундаментальной науки, национальным достоянием России. Однако отмечалось, что музеи в большинстве случаев финансируются по остаточному принципу вопреки нормам, принятым в документах Международного совета музеев (ИКОМ). В связи с этим Академией наук была создана целевая программа поддержки музеев РАН.

В 1990-е гг. два фактора – активная позиция сотрудников музея и поддержка руководства Академии наук – оказали решающее влияние на устойчивость позиций Музея Бурятского научного центра. Выбранная стратегия доказала свою эффективность. Так, в 1995 г. при проведении Дней Бурятии в Москве именно Музей БНЦ представлял полезные ископаемые республики; ни Геологоуправление Бурятии и его музей, ни Музей природы Бурятии эту задачу решить тогда не смогли.

Следующее десятилетие музеев последовательно развивалось, значительно расширив поле своей деятельности. Активно изучались история науки в Бурятии; проблемы взаимодействия человека и природы, формы социальной адаптации, этногенез и культурогенез народов Центральной Азии (до XVIII в.); проблемы экологического образования и воспитания в музее, музейных коммуникаций; компьютерные технологии в музее [2]. Созданная при музее хозяйственная археологическая группа позволила организовать экспедиционные изыскания, благодаря чему коллекции, переданные институтами, дополнялись музейными сборами. Большое значение имело появление у музея собственной музейной реставрационной мастерской, после 1995 г. ставшей единственной в республике.

Развивалось сотрудничество с другими музеями, вузами и исследовательскими организациями. Для кафедры музееведения Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств Музей БНЦ стал лабораторией, в которой проходила учебная и производственная практика. По сути, Л.В. Лбовой была осуществлена интеграция научно-творческой деятельности сотрудников музея, аспирантов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, студентов и преподавателей Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств.

Обновление экспозиций музея на этом этапе приобрело системный характер. В рамках серии международных совещаний СО РАН по Байкалу была оформлена экс-

позиция «Проблемы охраны озера Байкал и экологический мониторинг в Байкальском регионе», создана экспозиция «Палеонтология Бурятии в геологической истории Земли»; конкретизирована тематика биологической экспозиции в виде – «Тибетская медицина: история и современность».

Активно осваивались новые для этого времени технологии: грантовая поддержка, финансирование и цифровизация музейной работы; началась деятельность по созданию собственных электронных каталогов музейных предметов, у музея появился интернет-сайт. Сотрудники Музея регулярно получали финансовую поддержку своих проектов в РГНФ, РФФИ, ФЦП «Интеграция», Фонде содействия отечественной науке, программах РАН и т.д. [3]

В начале XXI в. Музей БНЦ СО РАН стал одним из лидирующих среди музеев региона – стал лауреатом музейных фестивалей (Красноярской музейной биеннале, фестиваля «Озерные люди»). С 2001 г. Музей БНЦ СО РАН входит в Международную ассоциацию естественноисторических музеев и Союз Музеев России. Благодаря профессионализму сотрудников и темпам развития музей получил признание не только посетителей, но и коллег, научных сотрудников.

Музеи Российской академии наук в новом веке, как подчеркивалось в постановлении Президиума РАН 29.04.2008 г., стали одним из главных факторов устойчивости функционирования Академии наук в целом. Они определялись как национальное достояние, выдающееся собрание музейных ценностей огромного культурного значения и одновременно – как важнейший научный материал, база для крупнейших фундаментальных разработок².

Музей БНЦ продолжил искать новые направления для своего развития, осваивая новые темы исследований и новые технологии музейной деятельности. С 2008 г. в нем появился еще один фонд хранения – цифровой архив фотодокументов по истории науки в регионе. Работа в этом направлении способствовала продуктивному участию музея в интеграционном проекте «Электронный фотоархив СО РАН» (руководитель – д-р физ.-мат. наук А.Г. Марчук, координатор – канд. ист. наук И.А. Крайнева) совместно с Институтом систем информатики и Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии при поддержке Научного совета по музеям СО РАН.

В исследовательском плане внимание коллектива Музея БНЦ было сконцентрировано на истории музейного дела Бурятии в целом. Результатом стали целая серия статей и выступлений на конференциях в различных регионах России и за рубежом, а также монография «Музейное дело Бурятии в конце XIX в. – первом десятилетии XXI в.: формирование, развитие и современное состояние» [4].

К уже сложившимся принципам добавились постоянное повышение квалификации сотрудников, активное вовлечение в республиканские просветительские программы и организация научных и научно-популярных мероприятий. Так, в 2009 г. совместно с Научным советом по музеям СО РАН впервые была проведена Всероссийская научно-практическая конференция – «Интеграция музеев Сибири в ре-

² Постановление Президиума РАН от 29 апреля 2008 г. № 316 «О состоянии и дополнительном финансировании музеев Российской академии наук»

гиональное социокультурное пространство и мировое музейное сообщество» [5]. В последующие годы на базе музея проходил слет школьных музеев Бурятии, проводились различные семинары для сотрудников муниципальных, вузовских и школьных музеев [6]. До 2014 г. Музей БНЦ СО РАН был активным участником «Программы поддержки Музеев СО РАН» и различных проектов в ее рамках, в том числе Информационного портала музеев СО РАН. Сотрудники музея ежегодно принимали участие в международных и всероссийских конференциях, повышали квалификацию на курсах и семинарах в Москве, Санкт-Петербурге, Минске, Иркутске, Ханты-Мансийске, Улан-Удэ и других городах.

Ликвидация целевой программы поддержки музеев привела к свертыванию, в первую очередь, направления музейной коммуникации. В то время как Министерство культуры главным параметром оценки эффективности работы своих музеев сделало рост числа выставок и проданных билетов, для Министерства образования и науки единственным оцениваемым параметром эффективности работы стала публикационная активность. Имеющихся в распоряжении музея ресурсов не хватает для реализации всех его функций в полном объеме.

За последние годы накопился круг проблем, которые не находят решения. Одна из них – перевод музейной работы академических музеев на стандарты, утвержденные Законом о музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации. Необходимость перехода на общепринятую систему учета Музейный совет Академии наук отмечал еще в середине 1980-х, но задача не решена до сих пор. Центральным академическим музеям с многомиллионными собраниями очень сложно начать этот процесс, логичнее отработать методику в музеях меньшего масштаба. Музей БНЦ ведет последовательную работу по переходу на хранительский стандарт Музейного фонда РФ, поэтому многие вопросы, возникшие в ходе этой работы, требуют подробного обсуждения и юридического сопровождения.

Актуализирует эту проблему необходимость внесения всех музейных предметов основного фонда в Государственный каталог Музейного фонда РФ. Только регистрация предмета в Госкаталоге формирует для него полную юридическую защиту со стороны государства. Срок регистрации музейных собраний определен до 2025 г. и обязателен для всех государственных музейных организаций, что влечет за собой необходимость выделения ресурсов на эту глобальную процедуру.

Юридический статус музеев и коллекций учреждений РАН остается не вполне определенным. Положение о музеях Российской академии наук 1993 г. на современном этапе требует корректировки. Согласно действующему законодательству, музейные коллекции, созданные до 1993 г., принадлежат государству. При этом государственными музеями определяются только музеи, учредителем которых выступает Министерство культуры – федеральное либо субъекта РФ. Академические музеи государственными не являются, относятся к ведомственным (ведомственный вид собственности), и на этом основании предметы из их собраний под-

лежат внесению в негосударственную часть Государственного каталога. Налицо законодательный казус, а нехватка ведомственных нормативных актов все еще не позволяет его разрешить.

Таким образом, пример деятельности Музея БНЦ СО РАН свидетельствует, что сложившийся современный образ регионального академического музея показал свою эффективность, но перспективы его развития остаются неопределенными. Ясная формулировка целей и задач, действенная поддержка органов власти – необходимые условия формирования нового конструктивного вектора развития академического музея, соответствующего актуальным и перспективным социокультурным трендам в нашей стране и за рубежом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бураева С.В., Мурзинцева А.Е. Музей Бурятского научного центра // Музеи научных центров и институтов Сибирского отделения Российской академии наук. Очерки формирования и развития. Новосибирск, 2009. С. 61–72.
2. Лбова Л.В. Музей Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук // Альманах–1999. Музеи Российской академии наук. М.: Научный мир, 2000. С. 111–119.
3. Лбова Л.В. О роли академического музея в области естественноисторического образования и просвещения: научные исследования и музейные коммуникации // Тр. Музея природы Бурятии. Улан-Удэ, 2003. С. 19–24.
4. Бураева С.В., Мишакова О.Э., Саяпарова Е.В. Музейное дело в Бурятии в конце XIX в. – первом десятилетии XXI в.: формирование, развитие и современное состояние. Улан-Удэ, 2012. 253 с.
5. Интеграция музеев Сибири в региональное социокультурное пространство и мировое музейное сообщество. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 216 с.
6. Buraeva S. The Academic Museum and Education in Buratia: The Experience of Interaction // Museums for the society in the 21st century. ICOFOM–Sib 2009 Annual Conference & International Forum of Museology Education. Taipei (Taiwan), 2009. p. 315–319.

REFERENCES

1. Buraeva S.V., Murzintseva A.E. Museum of the Buryat Scientific Center. *Museum of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Al'manakh–1999. Muzei Rossiiskoy akademii nauk. Ocherki formirovaniya i razvitiya.* Novosibirsk, 2009, pp. 61–72. (In Russ.)
2. Lbova L.V. Museum of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. *Al'manakh–1999. Muzei Rossiiskoy akademii nauk.* Moscow, 2000, pp. 111–119. (In Russ.)
3. Lbova L.V. On the academic museum's role in the natural history education and enlightenment: scientific research and museum communications. *Trudy Muzeya prirody Buryatii.* Ulan-Udeh, 2003, pp. 19–24. (In Russ.)
4. Buraeva S.V., Mishakova O.E., Sayaparova E.V. Museology of Buryatia in the late XIX century – early XXI centuries: formation, development and modern state. Ulan-Ude, 2012, 253 p. (In Russ.)
5. Plyusnin A.M. et al. (eds.) Integrating Siberian museums in the regional socio-cultural space and the world museum community. Ulan-Ude, 2009, 216 p. (In Russ.)
6. Buraeva S. The academic museum and education in Buratia: the experience of interaction. *Museums for the society in the 21st century. ICOFOM–Sib 2009 Annual conference & international forum of museology education.* Taipei, 2009, pp. 315–319.

СОСТОЯЛОСЬ ВСЕРОССИЙСКОЕ СОВЕЩАНИЕ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ РАН

20 июня 2019 г. в рамках ежегодных Тихомировских чтений, проводимых Археографической комиссией РАН, состоялось Всероссийское совещание, посвященное проблемам правил издания исторических источников. Мероприятие, организованное на базе Президентской библиотеки, впервые проводилось в формате интернет-совещания. В его работе приняли участие более 40 представителей различных организаций: Санкт-Петербургского института истории РАН, Института славяноведения РАН, Института истории СО РАН, Архива РАН, Московского государственного университета, Уральского федерального университета, Высшей школы экономики, Российского государственного гуманитарного университета, Российского государственного профессионально-педагогического университета, Вологодского государственного университета, Научно-исследовательского центра «Древности» (Вологда), Российской национальной библиотеки, Российской государственной библиотеки, Российского государственного архива древних актов, Государственного архива Российской Федерации.

Ведущей площадкой для совещания стала Президентская библиотека, заседание проводили директор Санкт-Петербургского института истории РАН, чл.-кор. РАН А.В. Сиренов и заведующий отделом археографии Института славяноведения РАН, заместитель председателя Археографической комиссии, канд. ист. наук А.В. Мельников. Участниками видео-конференц-связи были Москва, Новосибирск, Екатеринбург и Вологда. Возможность проведения форума в таком формате была обеспечена Президентской библиотекой, имеющей представительства во всех субъектах Российской Федерации.

Главной темой заседания являлось обсуждение актуальнейшего вопроса о разработке новой редакции правил издания исторических источников. Этот важный документ издавался не раз, последняя его редакция появилась в 1990 г. Научная общественность – источниковеды, археографы, архивисты – в последние десять (если не больше) лет на разных уровнях и в разных формах подчеркивали необходимость нового издания. На совещании 20 июня 2019 г. обсуждались три блока проблем: о возможности дополнения действующих правил издания исторических источников; о перспективах выработки новых правил издания исторических источников с учетом современных технологий; о проведении совещаний Археографической комиссии на постоянной основе.

Археографическая комиссия является одним из старейших гуманитарных институтов страны, она была основана в 1834 г. академиком П.М. Строевым. Археографическая комиссия АН СССР воссоздана в 1956 г. по инициативе академика М.Н. Тихомирова и при поддержке ряда крупных ученых-археографов, в том числе д-ра филол. наук В.И. Малышева. Долгие годы ее председателем являлся академик РАО, д-р ист. наук С.О. Шмидт, а заместителем председателя и главой Сибирского отделения – академик РАН Н.Н. По-

кровский. С 2002 г. Археографическую комиссию РАН возглавляет член-кор. РАН С.М. Каштанов. В последние годы комиссия работает на базе Института славяноведения РАН, сегодня наблюдается активизация ее деятельности, знаменующая новый этап развития.

Как отметила в своем докладе член Археографической комиссии, д-р ист. наук Е.Н. Швейковская (Институт славяноведения РАН), подчеркнувшая насущную необходимость создания новых правил издания исторических источников, сегодня «археография накопила большой опыт, который нужно обобщить»; сейчас используются правила тридцатилетней давности, и археографы должны направить свои усилия на формирование новых. В частности, Е.Н. Швейковская поддержала позицию академика Н.Н. Покровского об использовании опыта медиевистики при издании источников более позднего времени и высказала мнение о необходимости распространения правил публикации источников XVI в. с максимальным приближением к тексту и передачей палеографии к документам более позднего периода (XVII–XVIII вв.).

Характеризуя основные направления изменений к существующим правилам публикации, канд. ист. наук О.А. Шашкова (РГГУ) подчеркнула, что новые правила должны носить методический характер, они должны быть подробными (предполагаемый объем не менее 30 п.л.), а обязательным приложением к методическому изданию должна стать словарь археографических терминов. Работа по подготовке новых правил должна быть организована по тематическо-хронологическим секциям с учетом особенностей публикации документов каждого периода. Докладчик отметила важность создания обязательных археографических предисловий к публикациям источников.

Участниками совещания был поставлен вопрос о многочисленных электронных публикациях документов, появляющихся в последние десятилетия и не соответствующих нормам археографии. Все участники были единодушны в том, что данный публикационный сегмент необходимо упорядочить и подчинить общим нормам. Практические проблемы электронной публикации массовых источников XVII–XVIII вв. осветил канд. ист. наук Д.А. Хитров (МГУ), подчеркнув, что новые правила должны регламентировать и учитывать накопленный положительный опыт.

О правилах публикации источников по социально-экономической истории России XVI–XVII вв. говорилось в докладе д-ра ист. наук З.В. Дмитриевой и канд. ист. наук Н.В. Башнина (Санкт-Петербургский институт истории РАН). В ракурсе основной темы совещания авторы поделились ценным археографическим опытом, накопленным за последние годы, отметив, что публикация текста источника не должна страдать от субъективного подхода, не отражающего формуляра при передаче текста, а также не следует чрезмерно усложнять передачу текста источника.

Вологодский археограф, канд. ист. наук А.Л. Грязнов (ВоГУ, НИЦ «Древности») рассказал об опыте систематизации и публикации актовых источников XIV–XVI вв. и обосновал необходимость использования специальных шрифтов для текстов данного периода, что можно было бы закрепить и в новых правилах.

Институт истории СО РАН был представлен тремя докладами сотрудников сектора археографии и источниковедения, в которых нашел обобщение опыт сибирской археографической школы по публикации источников XVI, XIX и XX вв. В докладе д-ра филол. наук Л.И. Журовой «О публикации источников XVI века» отмечено, что новая редакция правил может быть рассчитана на современного и будущего читателя, который находится в пространстве, переполненном информацией, и нуждается в поисковых системах и четких ориентирах. Публикуемый текст рассматриваемой эпохи должен сохранять вид памятника своего времени (выделение автографов, библейских цитат, маргиналий и глосс), а полнота разночтений необходима для возможности его реконструкции. Выступление д-ра ист. наук Н.П. Матхановой было посвящено богатому опыту публикации эпистолярно-мемуарных источников XIX в., при этом была обоснована идея выработки общих правил издания исторических источников. Л.И. Журова и Н.П. Матханова обратили особое внимание на способы передачи текста источника и возможности использования компьютерного набора и графики. Большой интерес вызвал доклад канд. ист. наук С.Г. Петрова «Об археографической легенде в публикациях исторических источников XX в.». С.Г. Петров обратил внимание на нововведения, к которым пришлось прибегнуть при составлении археографических легенд, чтобы наиболее информативно представить ранее засекреченные (до 1991 г.) документы советского периода, рассмотрел состав многослойной археографической легенды. В его докладе было подчеркнуто, что археографическая легенда должна составляться в обязательном порядке к каждому публикуемому источнику, а общие легенды к объединенным по тематическому или видовому признаку группам документов исключаются.

В ходе совещания был поставлен важный вопрос о форме и виде новых правил публикации исторических источников – должны ли они иметь характер методических

рекомендаций – эту точку зрения высказали, в частности, чл.-кор. РАН В.П. Козлов и канд. ист. наук О.А. Шашкова, или остаться нормативными, четко соответствуя понятию правил – так считают д-р ист. наук Н.П. Матханова и д-р ист. наук И.В. Починская (УрГУ). Мнения участников совещания разделились, но большинство ученых склонилось к идее создания именно правил издания, подобных действующим образцу 1990 г., которые и по сей день не потеряли своей ценности. Новые современные правила издания исторических источников должны быть разработаны в активном сотрудничестве с историками-архивистами. При этом Е.Н. Швейковская отметила, что не нужно создавать отдельные правила для каждого периода – правила должны быть едиными, но со специальными требованиями к публикации источников разных видов и разного времени.

Формат совещания был признан удачным и продуктивным, поддержан всеми его участниками. Было решено продолжать заседания Археографической комиссии РАН в режиме видео-конференц-связи, а также расширить количество представителей, в том числе за счет сотрудников архивной отрасли. Археографическая комиссия РАН с привлечением сил ведущих архивистов страны будет принимать активное участие в разработке новых правил публикации исторических источников.

Была сформулирована общая позиция: в дальнейшем регулярно проводить тематические интернет-совещания Археографической комиссии РАН и ее отделений и посвящать их отдельным актуальным проблемам развития отечественной археографии. Археографы Института истории СО РАН будут принимать в них активное участие, представляя достижения сибирской археографической школы и укрепляя тем самым ее позиции. Новая форма дистанционной работы Археографической комиссии, ставшая возможной благодаря Президентской библиотеке, безусловно, будет способствовать плодотворному научному общению и обмену опытом между российскими археографами, поможет объединению ученых и выведет отечественную археографию на новый уровень.

*Е.Н. Туманик,
канд. ист. наук, старший научный сотрудник
Института истории СО РАН,
г. Новосибирск*

DOI: 10.15372/HSS20190316

ДВА ВЗГЛЯДА НА ОДНУ КНИГУ

Рецензия на кн.: Куренышев А.А. Сельскохозяйственная интеллигенция и власть в эпоху сталинизма. 1922–1950-е гг. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 238 с.

добавить: имею навык мыслить парадоксами, значит, существую вполне комфортно и содержательно. Автор рецензируемой монографии А.А. Куренышев известен в историческом сообществе как настоящий мастер подмечать парадоксы и провоцировать вокруг этого громкую полемику, способную разрушать стереотипы.

Один из таких комплексов стал проворно складываться в годы пресловутой «перестройки». Он благополучно существует до сих пор и связан с якобы разрушительной ролью Сталина и его якобы эманации – «народного академика» Т.Д. Лысенко – в новейшей истории отечественной биологии. Я хорошо помню то время, когда у «интеллигентных людей» считалось неприличным не прочитать, наряду с «Детьми Арбата» А. Рыбакова и т.п., еще и «Зубра» Д. Гранина и «Белые одежды» В. Дудинцева и не поддержать при случае соответствующий умный разговор. Все эти разговоры, как и научные семинары и конференции, шли в резонанс с известной книгой бывшего президента ВАСХНИЛ А.А. Никонова «Спираль многовековой драмы»¹.

Однако стихия А.А. Куренышева – диссонанс: имеем практически общепринятое мнение – значит, нужно разобратся, в чем подвох, и немедленно это озвучить. Нельзя унижать сложные вещи в истории науки примитивными и плоскими трактовками. Как в народе говорят, «простота хуже воровства». Взять, к примеру, вопрос о Трудовой крестьянской партии (ТКП). Так называется одна из трех глав рецензируемой монографии (с. 49–96). Согласно Никонову, такой партии никогда не существовало, и ряд авторитетных историков-аграрников склоняются именно к этому. Но Куренышева это категорически не устраивает. «В современной отечественной историографии, – пишет он, – господствует парадоксальный, на первый взгляд, постулат: раз репрессирован – значит ни в чем конкретно не виновен, а просто выражал недовольство советскими порядками или принадлежал к социально опасным для власти кругам» (с. 74). При более пристальном взгляде парадокс исчезает. Все логично, поскольку на таких постулатах и держится разоблачение «сталинизма» как несправедливой, незаконной и репрессивной общественной системы, а это в последние десятилетия

1. «ЧУМАЗЫЙ» ЗА ПИАНИНО, ИЛИ МЫСЛИТЬ ПАРАДОКСАМИ

«Мыслью, следовательно, существую», – резонно утверждал Р. Декарт. Позволю себе

получает хорошее финансирование. Кому и зачем это нужно – там своя логика, но парадокса-то нет. Он в другом, но об этом чуть ниже. Здесь лишь отметим, что в главе приводится много аргументов и фактов, затрудняющих возможность говорить и писать, что люди в 1930 г. арестовывались по делу о «мифической» ТКП.

За подтверждением такой своей позиции автор обращается и к публикациям известного историка аграрных отношений Э.М. Шагина, который писал, что ряд важных аспектов деятельности ТКП «в наше время огульно объявляется чекистскими мифологемами. Факты, опровергающие такую трактовку, замалчиваются и в расчет не принимаются»². Э.М. Шагин был убежден, что в его исследованиях вполне доказана идейная «не столько связь, сколько зависимость лидеров “правого уклона” от теоретиков-экономистов Н.Д. Кондратьева, А.В. Чаянова, Л.Н. Юровского и др., арестованных летом 1930 года»³. И это уже имеет отношение к содержанию первой главы книги А.А. Куренышева (с. 12–48). Глава называется «Нэп: соглашение или новая фрonda? Сельскохозяйственная интеллигенция и Советская власть. 1921–1930-е гг.», ее автор склоняется к тому, что это была скорее новая фрonda. Тем самым автор опять оказывается в контрах с «мейнстримом» современной историографии, в которой с советских времен в неприкосновенности сохраняется представление о разрыве времен: до большевиков это-де была одна история России, а с приходом к власти ленинской гвардии началась совсем другая. Однако на страницах монографии о сельскохозяйственной интеллигенции читатель обнаружит чрезвычайно важную линию наследования в отечественной истории. Новая фрonda руководства МОСХ по отношению к Советской власти, может, несколько и отличалась по форме от ситуации, характерной для царского и «демократического» (Временное правительство) периодов, но суть оставалась прежней, так что преемственность явная⁴.

Неизменным оставалось отношение элиты специалистов-аграрников, с одной стороны, к властям и чиновникам, а с другой – к рядовому сельскому населению, каковое было представлено прежде всего общинно организованным крестьянством. По словам автора, «интеллигенция, объединенная МОСХ, имела немалый опыт борьбы с самодержавием,

² Шагин Э.М. Нелегальная оппозиция в верхних эшелонах власти СССР конца 20-х – начала 30-х годов XX века // Историческая наука и образование на рубеже веков: сб. стат. М.: Собрание, 2004. С. 416.

³ Там же. С. 417.

⁴ См. также: Куренышев А.А. Сельскохозяйственная столица России. Очерки истории Московского общества сельского хозяйства (1818–1929 гг.). М.: АИРО–XXI, 2012. 404 с.

¹ Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика в России (XVIII–XX вв.). М.: Энциклопедия российских деревень, 1995. 574 с.

суть которого можно условно свести к известной поговорке: «не мытьем, так катаньем» (с. 12). Поговорка описывает основной метод, каким представители «общественной агрономии», как именовали себя многие мосховцы, продвигали свои научные идеи аграрной организации в область практической политики правительства. С целью давления на администрацию они, в частности, создавали то, что А.А. Куреньшев обозначает как «псевдокрестьянские организации», к каковым относит Всероссийский крестьянский союз 1905–1906 гг. (ВКС) и Союзы трудового крестьянства в годы Гражданской войны (с. 92).

Почему «псевдо»? В этом-то и состоит один из главных парадоксов, зафиксированных в монографии. Рассматривая вопрос об отношении элиты сельскохозяйственной интеллигенции, руководства МОСХ к крестьянству и его реально существовавшим общинным организациям, исследователь пишет приблизительно о том же, к чему привлекает внимание другой мастер эпатажа – американский историк Я. Коцонис: в отличие от коллег в ряде других стран мира, у российских экономистов-аграрников «считалось заранее доказанным, что крестьяне не способны сами формулировать свои интересы, и это мешало признать легитимность любого их действия»⁵. Неотъемлемой частью доктрин элиты аграрных профессионалов являлась как бы «презумпция неправоеспособности» крестьян как неразумных, иррациональных⁶. И это облегчало «не мытьем, так катаньем», так как совпадало с убеждением тогдашних царских администраторов в том, что аграрное реформирование должно не опираться на крестьянские институты, но демонтировать их. Парадоксально и то, что духовный лидер большевиков, изначально рассматривавший крестьян со сходных теоретических позиций, при столкновении теории с реальностью, как правило, предпочитал жизнь, корректируя теорию⁷, в то время как «неонародники» стремились сохранять верность доктрине.

В годы нэпа одной из главных форм давления на власть стало так называемое «обволакивание». Будучи резко несогласны с аграрной политикой правительства, кооператоры и идеологи меньшевистско-эсеровской оппозиции полагали весьма целесообразным присутствие в органах государственной администрации сторонников своих убеждений, которые постепенно обволакивали бы своим влиянием большевистских лидеров правого крыла.

Вот об этом, собственно, и повествуют первые две главы монографии. Причем А.А. Куреньшев всячески подчеркивает существенную разницу между рядовыми сельскими интеллигентами (которые могли быть близки по убеждениям к народникам, но отнюдь не обязательно к эсерам) и идеологами. Земские специалисты были в гуще деревенских событий, и большинству из них было понятно, что

крестьянин – не только (не столько) объект аграрного реформирования, но и (сколько) субъект его. Однако у идеологов есть важное преимущество, которым они непременно пользуются: они могут трактовать исторические события, придавать им свои смыслы. Это было остроумно подмечено историком еще в книге, опубликованной в 2004 г., по проблематике ВКС. Он приводит цитату из мемуаров товарища министра внутренних дел В.И. Гурко о том, что из ста делегатов учредительного съезда этой организации свыше четверти были интеллигенты, близкие к эсерам и, разумеется, игравшие руководящую роль. «Как можно заметить, – пишет он далее, – Гурко даже спустя много лет (а мемуары писались им в начале 1920-х гг.) не отказался от предрассудков своего класса. “Чумазы не может играть на пианино”, – мысль, глубоко укоренившаяся в головах даже самых интеллектуально развитых и демократически настроенных чиновников»⁸.

Третья, последняя глава исследования «Августовская 1948 г. сессия ВАСХНИЛ» придает монографии особую актуальность. В своем обычном амплуа разоблачителя мифов А.А. Куреньшев показывает тот «заунывный вой о невежестве Лысенко и гениальности Вавилова» (с. 199), который поднялся в Интернете в связи с публикацией в «Литературной газете» статьи, ставящей под сомнение этот мыслительный комплекс. Та постановка вопроса, что в 1930–1940-е гг. в биологической науке шарлатаны и недоучки спорили с истинными учеными и Сталин неизменно был на стороне первых, с точки зрения А.А. Куреньшева, серьезно искажает действительность. Он приводит достаточно материалов для доказательства своей позиции, согласно которой в спорах вейсманистов-морганистов с мичуринцами каждая из сторон отстаивала свою долю правды. Но главное, обе стороны использовали сходные методы в борьбе. Если прежде элита аграрной интеллигенции действовала «не мытьем, так катаньем», продвигая во власть свои научные гипотезы, то теперь, когда «крепка стала Советская власть», руководители сельскохозяйственной науки стремились максимально интегрироваться во властные структуры и использовать противоречия и борьбу в партийном руководстве в целях подавления своих научных оппонентов, максимального ослабления их позиций.

О том, что «народный академик» Т.Д. Лысенко был ближе к истине, чем об этом, как правило, пишут современные историки и публицисты, говорят не только реальные результаты его деятельности, в которых позитив сейчас принято замалчивать, а провалы акцентировать. Это прямо или косвенно подтверждается открытиями американки Барбары Мак-Клинтон, за которые ей в 1983 г. (почти сорок лет спустя) присудили Нобелевскую премию (с. 197–201). «Самое интересное, – пишет А.А. Куреньшев, – что даже сейчас многие практические приемы, которые использовал Мичурин, не имеют удовлетворительного теоретического объяснения» (с. 201). Относительно Лысенко, уверен он, можно утверждать нечто подобное. И заключает: «Так что судить о правоте того или иного из борющихся в 1930–1940-х гг. направлений в биологической науке сегодня так же непро-

⁵ Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми: Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861–1914 / Авт. пер. с английского В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 157.

⁶ Там же. С. 218.

⁷ Этому посвящена работа известного английского исследователя Т. Шанина под названием «Четыре с половиной аграрных программы В.И. Ленина». – Подробнее см.: Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / под ред. В.В. Бабашкина. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 659–693.

⁸ Куреньшев А.А. Всероссийский крестьянский союз 1905–1930 гг. Мифы и реальность. М.; СПб, 2004. С. 10.

сто, как и тогда, когда эта борьба щедро сдобривалась политикой и идеологией!» (с. 202).

И в этой главе автором подмечено немало парадоксального как в связи с тогдашним противостоянием ученых-биологов, так и в связи с современными острыми спорами о масштабах травли вавилонцев со стороны лысенковцев. Так, пытаюсь осмыслить, почему сегодняшние спорщики в большинстве своем держат сторону людей университетски образованных, как правило, благородного происхождения, вешая всех собак на выходца из народа Т.Д. Лысенко, он резюмирует: «Действительно, в течение долгих лет вторичность мужика была общепринятым социологическим фактом». И вновь уместно привлекает запомнившийся эпизод из замечательного кинофильма Н.С. Михалкова: мужичок с дурашливым выражением лица сидит за механическим пианино, изображая игру, а прекрасно сыгранный О.П. Табаковым кичливый представитель старого дворянского рода, наблюдая эту картину с балкона, переживает мозговой взрыв и в состоянии лишь подавленно бормотать: «Чумазый не может играть!» (с. 235). Столь же уместно цитируется здесь Е.А. Прудникова: «Как, почему вышло, что нас, сплошь и рядом потомков черного люда, приучили смотреть на Россию глазами дворян? С чем это вошло в нашу жизнь? С русской историей, которая наполнена деяниями князей да царей? Хотели написать другую, да не получилось»⁹. Получается, Елена Анатольевна, пишется потихоньку такая история. И среди многих пишущих Андрей Александрович Куренышев – один из самых неравнодушных и задиристых.

*Д-р. ист. наук В.В. Бабашкин,
Институт экономики, математики
и информационных технологий
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
г. Москва*

2. СКУЧНАЯ ПЬЕСА ДЛЯ МЕХАНИЧЕСКОГО ПИАНИНО

Вышедшая в 2017 г. издательстве «Политическая энциклопедия» в серии «История сталинизма» монография А.А. Куренышева является ее вторым изданием, первое состоялось годом ранее (М.: Спутник, 2016), о чем, к сожалению, в самой книге не сообщается. Издания различаются лишь оформлением и мелкими техническими деталями. Книга помечена как «научное издание», хотя не имеет рецензентов.

Работа состоит из введения, трех глав и заключения. Во введении определен ее предмет – сельскохозяйственная интеллигенция: «В эту социальную категорию мы включили лиц, так или иначе связанных с сельским хозяйством: ученых, преподавателей сельскохозяйственных учебных заведений Петровской академии (затем – институт, позднее Тимирязевская сельскохозяйственная академия, ТСХА)¹;

⁹ Прудникова Е.А. Сталин и битва за хлеб. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. С. 28.

¹ В первом издании открывающая скобка стояла перед словом «Петровской».

работников земств – агрономов, землемеров, некоторых других категорий земледельческой специализации, причисляемых к так называемому третьему земскому элементу; деятелей кооперативных организаций и других общественных организаций, связанных с сельским хозяйством, крестьянством и другим сельским населением, например МОСХ, Всероссийского крестьянского союза, членов политических партий, выражавших интересы крестьянства, – в основном неонароднической направленности» (с. 5). Проблема, цели и задачи работы автором не сформулированы. Во введении лишь заявлено, что сельскохозяйственная интеллигенция представляется сплоченной группой, объединенной научными, идеологическими и родственными связями, которая до революции стояла «в явной оппозиции самодержавно-бюрократическому строю» (с. 5), и ее «борьба с властью, теперь уже советской, продолжалась и в годы Гражданской войны» (с. 10). Поскольку хронологическими рамками книги заявлена «эпоха сталинизма», можно предположить, что автор хочет рассказать о продолжении борьбы сельскохозяйственной интеллигенции с властью в сталинский период. Но что именно собирается доказывать автор, с кем и кем он спорит, что утверждает, – читателю придется догадываться по мере освоения далеко не простого и не стройного текста.

Кратко излагая историографию темы, А.А. Куренышев упоминает несколько десятков имен и названий коллективных работ предшественников, однако полной ссылки удостоились почему-то лишь семь из них (не считая работ автора). С первых же страниц читатель сталкивается с проблемами в научно-справочном аппарате. Например, на с. 6 к фразе: «Интерес представляет монография С.Г. Светикова» дана сноска (№ 4), под которой читаем: «Македонов С.М. Ук. соч. С. 94». Узнать хотя бы заглавие «интересной» монографии Светикова читателю не удастся, да и сочинение Македонова так и осталось безымянным, ибо ссылок на него более не приводится. Обратившись к изданию 2016 г., видим, что к той же фразе была дана сноска № 23, которая, однако, никуда не ведет, поскольку все введение имеет лишь 9 примечаний. Там же в тексте можно заметить еще пару «висящих» цифр 27 и 29, за которыми пустота. Очевидно, при подготовке к печати автор по каким-то причинам удалил большинство ссылок на литературу, присутствовавших в исходном варианте.

Следует отметить, что небрежность и нестыковки в научно-справочном аппарате встречаются на протяжении всей книги наряду с другими техническими недостатками: наличием механических повторов одного и того же текста, опечаток, невычитанных фраз.

Первая глава «НЭП: соглашение или новая фронтда? Сельскохозяйственная интеллигенция и советская власть. 1921–1930-е гг.» представляет собой перепечатку четвертой главы предыдущей монографии А.А. Куренышева, посвященной истории МОСХ (вышла в 2012 г.). Упоминания об этом факте, к сожалению, не содержится ни в первом, ни во втором издании новой монографии, предстающей, таким образом, не вполне новой.

В этой главе, если попытаться выделить ее самый общий смысл, автор стремится показать, что в годы нэпа сельскохозяйственная интеллигенция подспудно вела политическую борьбу с советской властью в расчете на постепенное

демократическое перерождение режима. Он полагает, что установка на скрытую борьбу была сознательной позицией интеллигенции, оставшейся в СССР и сотрудничавшей с коммунистическим правительством.

Один из его аргументов представлен следующим умозаключением: в начале 1920-х гг. желающие вполне могли эмигрировать, «следовательно, те, кто остался, знали, чего они хотят и чего добиваются, какие цели и задачи стремятся реализовать. Тем более что большинство этих интеллигентов, специалистов своего дела, несомненно, были и отнюдь не мальчишками в политике» (с. 33). «Демократическая оппозиция <...> считала большевистскую диктатуру разновидностью самодержавия, – рассуждает А.А. Куреньшев, – соответственно и борьба с ней могла планироваться по тому же сценарию, что и до 1917 г. с самодержавием» (с. 38). Могла... Однако автор не учитывает, что до 1917 г. основная масса специалистов-аграрников вовсе не боролась с самодержавием, а работала над решением конкретных задач в области агрономии, технологии, мелиорации, опытного дела, статистики, землеустройства и др., получая за это жалование. Наибольшим влиянием в этой интеллигентной среде (по крайней мере, после 1905 г.) пользовались идеи «общественной агрономии» и кооперации, предполагавшие модернизацию крестьянского хозяйства, ведущуюся на низовом уровне независимо от политического режима.

Политику нэпа многие представители интеллигенции восприняли прагматично, прежде всего, как возможность вернуться к нормальной работе, вернуться в профессию. Со своей стороны большевистское правительство в 1920-е гг. проявило такую заинтересованность в науке и научной экспертизе, какую никогда не проявляло царское правительство; статус ученого-эксперта, пожалуй, никогда не стоял в России так высоко. К сожалению, мысль о том, что у специалистов могли быть какие-то иные, не политические мотивы для сотрудничества с правительством, например, стремление к профессиональной самореализации, невозможной в условиях эмиграции, патриотические или карьерные соображения, в книге А.А. Куреньшева совершенно не рассматривается. Упускается из виду и то обстоятельство, что социальные идеалы специалистов-аграрников народнического толка во многом совпадали с курсом нового режима: были осуществлены национализация земли и ликвидация крупного землевладения, взят курс на поддержку кооперации и сохранение семейно-трудового хозяйства, статистическая служба передавалась в руки земских статистиков, осуществлялся переход к планированию народного хозяйства. Все эти давние, заветные мечты аграрной интеллигенции начали воплощаться в жизнь при нэпе.

А.А. Куреньшев для доказательства злонамеренных устремлений аграрной интеллигенции широко использует признательные показания арестованных по делу «Трудовой крестьянской партии» и показания обвиняемых на процессах конца 1930-х гг. Каких-либо попыток критического анализа этих тенденциозных и, очевидно, фальсифицированных источников автор не предпринимает. Для историка такой подход, разумеется, не может считаться профессиональным. Если автор хотел доказать, что Н.Д. Кондратьев, А.В. Чаянов, Н.И. Вавилов и тысячи других ученых и «старых специалистов» остались в стране и в 1920-е гг.

внедрились в правительственные структуры большевиков с целью подпольной борьбы против режима, то ему это явно не удалось.

Вторая глава называется «Трудовая крестьянская партия». Как известно, в 1930–1932 гг. репрессиям подверглись многие видные аграрники, которых обвиняли в том, что они состояли членами подпольной антисоветской партии (ТКП), связанной с одноименной эмигрантской организацией, которая занималась вредительством в сельском хозяйстве и готовилась совершить государственный переворот в момент иностранной интервенции, заменив сталинское правительство неким коалиционным правительством. Все обвинения строились на доносах агентов ОГПУ, а также оговорах и самооговорах, сделанных во время допросов, от которых почти все обвиняемые позднее отказались. В 1987 г. Верховным судом СССР все осужденные по «делу ТКП» были реабилитированы, а само «дело» признано в историографии одной из тех фальсификаций, которые соорудили органы госбезопасности по приказу Сталина.

Что нового в изучение этой темы вносит книга А.А. Куреньшева? Прежде всего, автор дает собственную трактовку современной историографии: «В современной отечественной историографии господствует <...> постулат: раз репрессирован – значит, ни в чем конкретно не виновен, а просто выражал недовольство советскими порядками или принадлежал к социально опасным для власти кругам. <...> Большинство исследователей считают террор со стороны властей ничем реально не обоснованным элементом политической системы, существовавшей в 1930–1950-е гг.» (с. 74). С таким оглушением историографии трудно согласиться. Зато легко спорить: «При таком методологическом подходе с порога отменяются все попытки увязать репрессии с реалиями развития социально-экономических и политических отношений в СССР, с политической ситуацией в граничавших с СССР странах, с общими тенденциями развития взаимоотношений крупнейших держав в этот период», – заявляет А.А. Куреньшев (с. 75). Далее, очевидно, автору следовало бы продемонстрировать иной методологический подход и увязать репрессии со всеми названными историческими процессами. Вместо этого читатель найдет в книге обилие фактического материала и биографических подробностей о людях, затронутых «делом ТКП», с весьма невнятными и противоречивыми комментариями. В авторской трактовке это называется – «развертывание сложной и многоярусной эпопеи возникновения, деятельности и гибели Трудовой крестьянской партии» (с. 91).

Основным источником для характеристики политических взглядов и намерений арестованных ученых-аграрников нашему автору по-прежнему служат их показания на допросах, которые он цитирует по специальной брошюре, составленной в свое время ОГПУ для служебного пользования. Так, широко используя показания Н.Д. Кондратьева, автор попросту умалчивает о существовании другого источника – письма Н.Д. Кондратьева руководителям СССР, написанного в тюрьме, в котором он объявляет свои показания по «делу ТКП» не соответствующими действительности².

² Кондратьев Н.Д. Суздальские письма. М.: Экономика. 2004. С. 99–125.

Важный вопрос: считает ли А.А. Куреньшев, что ТКП реально существовала? Он излагает историю создания в 1920–1921 гг. С.С. Масловым организации «Крестьянская Россия», которая позднее в эмиграции получила второе название «Трудовая крестьянская партия», описывает попытки Маслова найти контакты в СССР. Эти факты известны в историографии, но какая связь между политическими амбициями маргинальной эмигрантской группы Маслова и ведущими учеными-аграрниками и администраторами в СССР? Автор уходит от прямого ответа. Местами он высказывает сомнения в действительном существовании ТКП: факт наличия «оппозиционных советской власти течений и групп, действовавших внутри страны», отрицать трудно, пишет он, но «открытым (так в тексте. – И.К.) остаются вопросы об уровне их организованности, степени враждебности к советской власти, способах и методах реализации своих политических планов и, конечно, связях с заграничными центрами борьбы с большевиками» (с. 74). В другом месте он говорит об этом вопросе как уже о «несомненно» решенном: «Связь между двумя ТКП, пражской и “внутренней”, несомненно, существовала» (с. 90). Доказательств этого утверждения, не считая самооговоров арестованных, в книге, разумеется, нет. В заключении А.А. Куреньшев дистанцируется от «сторонников фантомности ТКП» и называет ее «якобы несуществовавшей» (с. 231). Но прямо назвать ее существовавшей все же не решается. Цитируя известное письмо Сталина Молотову, в котором давался приказ допрашивать арестованных о сроках якобы предполагавшейся ими интервенции, он делает вывод: «Интерес, проявлявшийся Сталиным к проблеме «интервенции», является, на наш взгляд, одним из косвенных подтверждений существования ТКП в России» (с. 37). Крайне странный вывод, лишенный логики.

Очевидно, что А.А. Куреньшев, как и следователи ОГПУ в свое время, не может привести никаких объективных доказательств ни существования ТКП, ни преступных намерений репрессированных ученых, если, конечно, не считать преступлением инакомыслие и наличие собственной гражданской позиции. Иначе ведь получается, что столь любимое им советское государство уничтожило не банду шпионов и политических заговорщиков, а элиту российской аграрной науки. И, оставшись не подкрепленными источниками, как-то вянут глубокомысленные рассуждения автора об объективной обусловленности сталинских репрессий всякими сложными социально-экономическими процессами вкупе с «общими тенденциями развития взаимоотношений крупнейших держав», не говоря уже о «ситуации в граничивших с СССР странах».

Третья глава «Августовская 1948 г. сессия ВАСХНИЛ», самая объемная, занимает более половины книги. Ее объем искусственно раздут за счет активного цитирования источников и работ предшественников, изучавших историю отечественной генетики, прежде всего, В.Н. Сойфера, Л. Грэхэма, В.Д. Есакова и других, кстати, совершенно не упомянутых автором в его историографическом обзоре во введении. Цитирование далеко не всегда корректно оформлено. Так, ссылками на В.Д. Есакова помечена часть текста с. 109, цитата из источника на с. 202–203, одна фраза на с. 204 и фраза на с. 209, тогда как на самом деле весь текст, начиная со второго абзаца на с. 109 до конца третьего абзаца с. 122 (за исклю-

чением одной фразы о А.А. Жданове), представляет собой воспроизведение статьи Есакова, включая все процитированные в ней источники³. Затем воспроизведение оставшейся части той же статьи продолжено с первого абзаца с. 202 до конца первого абзаца с. 210, так что практически вся статья В.Д. Есакова оказалась перепечатанной в книге А.А. Куреньшева. Сноски на источники, присутствовавшие в работе предшественника, он удалил, забыв стереть лишь сноски 23, поэтому в его тексте оказались две сноски с этим номером (с. 106 и 112). У рецензента не было возможности проверить текст в программе «Антиплагиат», но это явно следовало бы сделать издательству при подготовке рукописи к печати.

Значительную часть главы (с. 133–194) занимает обильное цитирование речей участников августовской сессии ВАСХНИЛ, порой целыми страницами, прерываемое лишь краткими замечаниями автора. Объем цитирований источника не только превышает принятые в научной работе нормы, но, главное, совершенно не оправдан содержательно, тем более что сам источник – стенограмма сессии – целиком доступен в интернете.

Какие же исследовательские задачи ставит и решает автор в этой главе? Они им не сформулированы. Более или менее внятно артикулировано лишь недовольство тем, что в современной литературе и общественном сознании преобладает критическое отношение к наследию Т.Д. Лысенко. А.А. Куреньшев видит в интернет-пространстве «травлю Лысенко» (с. 198) и слышит «заунывный вой о невежестве Лысенко и гениальности Вавилова» (с. 199). По-видимому, свою работу он мыслит попыткой заглушить или перекрыть этот «вой». В его тексте, при всей хаотичности, можно заметить две линии противодействия современным «антилысенковцам». Во-первых, стремление бросить тень на ученых, выступавших в 1930–1940-е гг. против Лысенко, указав, что *они тоже* прибегали к помощи партийного аппарата и внеученым методам дискуссии, а порой и сами восхваляли Лысенко; такого рода факты он во множестве находит в литературе. Во-вторых, А.А. Куреньшев пытается представить вопрос об ошибочности теорий Лысенко как будто еще не решенным в науке: «нешуточная борьба» в биологической науке «не закончилась и по сей день», утверждает он (с. 198); «даже сейчас многие практические приемы, которые использовал Мичурин, не имеют удовлетворительного теоретического объяснения» (с. 201), «так что судить о правоте того или иного из борющихся в 1930-х – 1940-х гг. направлений в биологической науке сегодня так же непросто, как и тогда» (с. 202). В связи с этим он вставляет в свой текст целые куски из Википедии о работах Барбары Мак-Клинтон (вместе с материалами, найденными по ссылкам в той же статье), по-видимому, полагая, что это может как-то подкрепить его позицию. Поскольку позиция непризнания генетики очевидным образом находится вне науки, комментировать здесь нечего.

В заключении А.А. Куреньшев пытается все же несколько «сдать назад» и утверждает, что не рассматривал вопрос об истинности или ложности каких-либо теорий в сельскохозяйственных и биологических науках: «Мы

³ Есаков В.Д. Новое о сессии ВАСХНИЛ 1948 года // Репрессированная наука. СПб.: Наука, 1994. Вып. II. С. 57–75.

не стремимся давать оценки научности или лженаучности позиций противоборствующих сторон. Для нас важно отметить сам факт постоянного привлечения властей к обсуждению научных проблем, их идеологизации и политизации» (с. 234). Именно так: в сознании А.А. Куренышева не власть в СССР при помощи репрессий подчиняла науку своей политике и идеологическим утопиям, а сами ученые будто бы «привлекали» власть к своим научным дискуссиям. В этом, по его мнению, проявляется истинность «постулата о классовом характере науки, о ее зависимости от социальных приоритетов государства и общества» (с. 237).

Подводя итог, можно охарактеризовать рецензируемую книгу в целом как не имеющую новизны и научной значимости, относящуюся скорее к жанру политической публицистики, модного сегодня сталинистского направления, и при этом невысокого качества.

*Канд. ист. наук И.А. Кузнецов,
Научно-исследовательская лаборатория
экономической и социальной истории,
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации,
г. Москва*

ИССЛЕДОВАТЕЛЮ НАЧАЛЬНЫХ ЭТАПОВ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СИБИРИ ВАСИЛИЮ ПАВЛОВИЧУ ЗИНОВЬЕВУ – 70 ЛЕТ

Василий Павлович Зиновьев занимает важное место в сообществе российских историков. Его работы посвящены экономической истории Сибири на этапе формирования индустриального общества.

Василий Павлович родился 1 сентября 1949 г. в семье спецпереселенцев, высланных в 1931 г. из с. Брусенцева Усть-Пристанского района нынешнего Алтайского края в Нарымский край в с. Новиково Парабельского района. Предки его переселились в Сибирь в 1880-е гг. из Воронежской губернии. Родители в условиях спецпоселения окончили семилетку, вырастили шестерых детей и дали им образование. В.П. Зиновьев получил аттестат зрелости в средней школе пос. Шпалозавод около Нарыма. О качестве подготовки впоследствии вспоминал: «14 баллов мне с лихвой хватило для поступления в ТГУ. Я получил на экзаменах в ТГУ на три балла больше, чем на выпускных экзаменах в Шпалозаводской средней школе... Видимо, хорошо нас учили тогда в деревенских школах, оценками не баловали, медали давали исключительно редко и достойным».

В 1966–1971 гг. Василий Павлович учился на историко-филологическом факультете Томского государственного университета (ТГУ), до 1997 г. работал научным сотрудником в Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири. По совместительству с 1993 г. он – старший преподаватель; с 1995 г. – профессор кафедры современной отечественной истории ТГУ; с 1997 г. – профессор, заместитель заведующего кафедрой теории международных отношений и организации внешнеполитической деятельности, с сентября 2002 по февраль 2019 г. – заведующий кафедрой отечественной истории исторического факультета, с февраля 2004 по 2017 г. – декан исторического факультета ТГУ. В 1987–2002 гг. В.П. Зиновьев был ученым секретарем докторского диссертационного совета (отечественная история, всеобщая история, историография, источниковедение и методы исторического исследования), с 2013 г. – его председателем; в 2002–2012 гг. он – академический директор Томского межрегионального института общественных наук (ТомМИОН). К этим «базовым» учебно-научным нагрузкам следует добавить редакторские функции в томских повременных исторических изданиях, членство в диссертационных советах Омска и Барнаула, научное руководство и консультирование (15 докторских и 20 кандидатских диссертаций).

Под руководством профессора Г. Х. Рабиновича В.П. Зиновьев в 1971 г. защитил выпускную квалификационную работу «Винокурная промышленность и виноторговля Сибири во второй половине XVIII – конце XIX в.», избрав тем самым требующую колоссальной скрупулезности проблематику экономической истории Сибири, в том числе историю рабочих и предпринимателей. В 1977 г. им защищена кандидатская диссертация по теме «Формирование горнорабочих Сибири в период империализма (1895–1917 гг.)»,

а в 1992 г. – докторская «Рабочее движение в Сибири в мануфактурный период». Докторская диссертация включала два увесистых тома объемом 678 с. После смерти Г.Х. Рабиновича в 1981 г. и отъезда в Москву в том же году научного руководителя кандидатской диссертации и упомянутой выше Проблемной научно-исследовательской лаборатории Н.В. Блинова Василий Павлович возглавил работу по двум крупным научным проектам, задуманным ранее: «Хозяйственное освоение Сибири» и «Рабочее движение в Сибири».

Он являлся ответственным секретарем академического издания «Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период» (Новосибирск, 1982), стал автором разделов, посвященных золотопромышленности Сибири первой половины XIX в., борьбе рабочих людей и наемных рабочих в XVIII – первой половине XIX в., а также формированию рабочих кадров в пореформенный период, развитию рабочего движения в 1861–1894 гг., условиям и факторам формирования местного отряда пролетариата на рубеже XIX – XX (в соавторстве). Итогом усилий коллектива томских историков во главе с В.П. Зиновьевым стало издание в конце 1980-х гг. трехтомной хроники «Рабочее движение в Сибири», охватившей период с 1672 по февраль 1917 г. Издание содержит фундаментальную базу данных для анализа многих аспектов социально-экономических и политических процессов в дореволюционной Азиатской России. Процесс формирования пролетариата рассматривается в связи с этапами становления индустриального развития региона. Во время социального катаклизма 1917–1920 гг. частнокапиталистическая индустриализация была сменена государственно-регулируемой. В 1940–1950-е гг. развивались угольная и металлургическая отрасли, завершилась аграрная колонизация.

Показано, что седьмой этап характеризуется перемещением в 1960–1980-е гг. топливно-энергетической и сырьевой базы страны в Сибирь, восьмой этап (с начала 1990-х гг.) – рыночными реформами.

По мнению Василия Павловича, Сибирь уже с XVII в. являлась поставщиком сырья в государстве. «За исключением первого периода освоения края (XVII в.), – замечает он, – направление развития экономики Сибири зависело от воли центрального российского правительства, от нужд и экономических интересов Европейской России. Сибирь всегда давала стране больше, чем получала. При этом получала не то, что хотело население региона, а то, что предлагали Петербург и Москва... Большая часть сибирских регионов до сих пор не имеет газоснабжения, доходы от нефтяных рек до сих пор текут мимо сибиряков».

Помимо упомянутых выше работ несомненный интерес представляют три монографии юбиляра, увидевшие свет во второй половине первого десятилетия XXI в.: «Индустриальные кадры старой Сибири» (Томск, 2007), «Сибирь в составе Российской империи» (в соавторстве) (М., 2007) и «Очерки социальной истории индустриальной Сибири. XIX – начало XX в.» (Томск, 2009). В первой из них существенно уточняются показатели развития отдельных отраслей экономики региона, соотношение укладов, роль инженеров и менеджеров в промышленном перевороте. В «Очерках социальной истории...» собраны отдельные статьи ученого, опубликованные им в разные годы в малотиражных сборниках: в них автор последовательно проводит мысль о единстве и целостности отечественного исторического процесса.

Другим направлением исследований В.П. Зиновьева стала история предпринимательства. Он принял активное участие в подготовке двух изданий – «Энциклопедического словаря по истории купечества и коммерции в Сибири» (в качестве одного из научных редакторов). Всего для этого издания им написано 218 тематических и биографических статей, часть в соавторстве. Девять его статей были опубликованы издательством «РОССПЭН» в энциклопедии «Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.» (М., 2008, 2009), 18 статей увидели свет в трехтомной «Исторической энциклопедии Сибири» (Новосибирск, 2009). Изображая представителей сибирской буржуазии, юбиляр в своих произведениях сочетал элементы разоблачительной критики и признания их заслуг в экономическом развитии региона. Так, о мариинском купце Т.Т. Савельеве он писал: «Трифон Тимофеевич относился к тем старым сибирским купцам, которые не упускали случая объехать ближнего... В действиях Трифона Тимофеевича и его сыновей просматривается предприимчивость на грани нарушения закона, осторожность, основательность, вместе

с тем – чутье нового. Это счастливое сочетание и обусловило процветание фирмы».

Василий Павлович принимает активное участие почти во всех крупных издательских проектах, посвященных истории Томска, губернии и области. Ему принадлежит первое в Сибири научно-популярное издание «Томская область: Исторический очерк» (Томск, 1994); далее последовали энциклопедия «Томск от А до Я» (Томск, 2004), «Энциклопедия Томской области» (Томск, 2008). В период кризиса высшей школы и научных исследований Василий Павлович возглавил временные авторские коллективы, подготовившие и издавшие на хоздоговорной основе ряд обобщающих работ по истории отдельных промышленных предприятий, дорожного строительства в Томской области. О значении этого источника финансирования для выживания томских историков можно судить хотя бы по информации о совокупном годовом объеме финансирования НИР на историческом факультете ТГУ в 1996 г. (млн. руб.): базовое – 123, программное – 2, грантовое – 31,7, хоздоговорное – 83. Итого: 240,3 млн. руб., из которых треть (34,5 %) приходится на хоздоговора.

Став в 1997 г. заместителем заведующего кафедрой теории международных отношений и организации внешнеполитической деятельности, В.П. Зиновьев подготовил первое в РФ объемное учебное пособие «Страны СНГ и Балтии» (Томск, 2004), написал ряд интересных статей по современной истории государств Центральной Азии, впервые издал книгу И.И. Тыжнова «Очерки по истории Средней Сибири XVII–XVIII столетий» (Томск, 2013). К этому следует добавить более 120 отредактированных им научных трудов (монографий, сборников научных статей, материалов конференций, ежегодников и т.п.).

Практически со студенческой скамьи юбиляр активно сотрудничает с историческим сообществом Новосибирска, научными сотрудниками Института истории, филологии и философии СО АН СССР и его преемника – Института истории СО РАН. Уже в 1969 г., будучи студентом 3-го курса, он выступил с научным докладом на Всероссийской студенческой научной конференции в НГУ. Участвовал во всех крупных научных проектах академического института, в течение ряда лет был председателем ГАК в НГПУ. Для историков Сибири В.П. Зиновьев является внимательным, скрупулезным, авторитетным специалистом, а также благожелательным педагогом.

Коллеги желают Василию Павловичу здоровья и продолжения его творческого общения со студентами, учениками, новых публикаций по различным аспектам истории родной Сибири!

Благодарные коллеги

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ (Требования к статьям и сообщениям)

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям:

- отечественная история;
- историография, источниковедение и методы исторического исследования;
- археология;
- этнография, этнология, антропология.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии, письма, заметки, краткие научные сообщения.

В случае, если статья подготовлена коллективом авторов, то в его состав должны входить только те авторы, которые внесли значительный вклад в данное исследование.

Главная тема статьи не должна быть опубликована в других изданиях.

Авторы должны соблюдать правила цитирования, гарантировать подлинность и корректность приводимых данных.

2. Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, которые выпускаются в Российской Федерации и в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Журнал также включен в Международные базы данных Ulrichs и EBSCO, в рассылку Международной компании «East View Information Services, Inc.»

3. Автор предоставляет:

- текст статьи в файле формата Microsoft Word (файлы с расширением doc, docx или rtf); название файла включает фамилию автора и дату отправления статьи, например, Иванов_28-02-2015;
- индекс УДК;
- данные об авторе: фамилия, имя, отчество, степень, звание, должность, место работы (полное и краткое название организации, адрес с почтовым индексом), электронный адрес автора. Сведения об авторе даются на русском и английском языках;
- название статьи с англоязычным переводом;
- аннотацию статьи объемом не более 800 знаков без перевода;
- ключевые слова на русском и английском языке (не менее 10);
- реферат статьи объемом около 2 тыс. знаков с англоязычной версией (2 тыс. знаков), подготовленной профессиональным переводчиком. Реферат включает название, цель статьи, характеристику проблемного поля, описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах. Реферат на русском языке не публикуется.

Объем статьи не должен превышать 30 тыс. знаков (подсчет с пробелами) с учетом сведений об авторе, аннотации, англоязычной версии реферата, сносок, таблиц и рисунков.

Объем информационных заметок и рецензий составляет не более 10 тыс. знаков.

Статьи и другие материалы для публикации направляются в электронном виде по e-mail: gumnauki@gmail.com

Правила оформления и рецензирования статей см.: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm

4. К изданию принимается от автора не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с авторов за публикацию не взимается.

Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

5. В издательской деятельности журнал руководствуется Гражданским кодексом Российской Федерации, гл. 70 «Авторское право».

Автор статьи обязан соблюдать международные принципы научной публикационной этики. Редакция оставляет за собой право проверять текст статьи с помощью системы «Антиплагиат».

6. Направляя статью в редакцию журнала, автор (соавторы) на безвозмездной основе передает(ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи или отдельной ее части (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных конвенций являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (а также исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на передачу всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Одновременно с представлением статьи автор (соавторы) направляет в редакцию подписанный лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале. Подписанный автором (соавторами) договор можно присылать в отсканированном виде электронной почтой.

Web-страница журнала на сайте Института истории СО РАН: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm;
<http://www.hssiberia.info/> и сайте Издательства Сибирского отделения РАН: <http://www.sibran.ru/journals/GNvSib/>.

Полная текстовая версия выставляется e-library.ru.